

КЕМАЛ АЛИЕВ

АНТИЧНАЯ
КАВКАЗСКАЯ
АЛБАНИЯ

ОТ АВТОРА

Эту книгу я готовил долго. Вышедшая в 1974 году “Кавказская Албания” явилась подражательной парадигмой с аналогичными источниками, волей-неволей приходится высказывать свою точку зрения по поводу одних и тех же вопросов античного периода. Все основные письменные источники, содержащие сведения о древней Кавказской Албании, охватывают события этого времени. Правда, об участии албанов в военных действиях Атропата в IV в. до н.э. упоминает автор II в. н.э. Арриан. Значит, от описываемых событий до времени жизни Арриана пять-шесть веков. В более поздних источниках (III в. и далее) сведения об античной Албании трансформируются, становятся аморфными.

Изучение материальной культуры в историческом аспекте всегда наталкивается на загадки археологической науки. В этом плане представляет интерес изучение зон с археологическими культурами грунтовых погребений типа Ялойлутепе, кувшинных и других погребений. Можно также говорить о сырцовых погребениях, погребениях в катакомбах. Зоны эти изучены относительно слабо, этническая интерпретация их еще носит предположительный характер. Бывают и казусы. Например, все исследователи, изучающие античную керамику из сырцовых погребений, утверждали, что она аналогична ялойлутепинским изделиям. Однако тщательное изучение показало, что ни по форме, ни по глине, ни по обжигу керамика из сырцовых погребений не укладывается в рамки глиняных изделий Ялойлутепе.

Столь же интересна проблема орнамента: он выпуклый, врезной и исполнен красной краской. За каждым рисунком скрываются определенные этнические и, может быть, религиозные особенности. Это тем более интересно, что археология связана с изучением местных антропологических типов; таким образом, представляют интерес все черепа, обнаруженные на территории Азербайджана.

Как известно, искусственная деформация черепа зарегистрирована в катакомбных погребениях не только на территории Азербайджана, но также к западу и востоку от Каспия. Причем в Северном Прикаспии этот тип погребений появляется в IV — III вв. до н.э., т.е. на четыреста лет раньше, чем в Албании. Об искусственной деформации черепов нам известно и из письменных источников. Так, Страбон отмечает, что у некоторых племен “стараятся сделать так, чтобы головы выглядели как можно длиннее и чтобы лбы выдавались вперед над подбородком”. Интересно, что у юрюков (кочевников Анатолии) существует до сих пор обычай бинтовать голову младенца, что приводит к искусственной деформации черепа. И археологический материал, и письменные источники, и обычай у юрюков показывают, что искусственная деформация восходит к древним племенным объединениям Азербайджана и соседних стран.

Конечно, проблема этим не исчерпывается. Напомню, что много материала погибает для науки. В одну из археологических поездок мы были свидетелями как

из кувшинного погребения был извлечен череп. Тогда я остро почувствовал: экспедиция без антропологов не обойтись. Нам ничего не оставалось как сфотографироваться на фоне черепа, который на наших глазах рассыпался.

Некоторые особенности материальной и духовной культуры явно указывают на различные этнические корни. Так, дома с айванами, празднование Новруз-байрама восходят к глубокой древности и пришли в Азербайджан через иранское посредство. На связи, уходящие в далекое прошлое, указывает двенадцатидневный календарь, в котором названия года связаны с названиями животных. Календарь говорит о тесных связях Азербайджана с древними народами Азии. Об этом же свидетельствуют обычаи оставлять под подушкой спящего или больного железные ножницы, носить талисманы от сглаза, болезней и других напастей.

Все это показывает, что изучение материальной и духовной культуры действительно проливает свет на этнические особенности населения древнего Азербайджана.

Особое место среди источников занимают сообщения на древнегреческом и латинском. В книге приводятся старые и новые издания античных авторов. Так, с языка оригинала дается Плиний — издания 1866 — 1888, 1906 и 1938 — 1942 годов; Страбон же — по изданиям 1844 — 1852, 1926 и 1975 годов. В русском переводе Страбон выходил в 1879 и 1964 годах. Говоря об источниках, нельзя не обратить внимание на синхронные сообщения античных авторов археологический материал, обильно привлеченный в книге.

Не менее сложна проблема территории и населения. Существуют всевозможные высказывания о пределах античной Кавказской Албании, они обсуждаются в исторической литературе на протяжении ста с лишним лет. Несмотря на попытки пересмотреть территорию и ее пределы как со стороны недобросовестных полупециалистов, так и закордонных недоброжелателей, я не изменил своей точке зрения: пределы Азербайджана приходятся на Кавказскую Албанию и на Атропатену, и все, что найдено на этой территории, проливает свет на историю именно античного Азербайджана. Описанные древнегреческими и латинскими писателями события происходили именно на азербайджанской земле.

А как быть с населением того времени? В исторической литературе доминирует положение, когда албанов возводят к иберо-кавказским аборигенам. Весь вопрос в том, когда и в какой последовательности тот или иной этнос оседал на Кавказе, а следовательно, и в Албании. Вопрос не из легких, в одночасье не решить ни одну этногенетическую задачу.

В книге дается принципиально новая оценка общественного строя античной Албании, выходящая за рамки того, что имеется в исторической литературе. В связи с общественно-экономической формацией может возникнуть вопрос о государственности и политической организации албанского общества. У албан древние авторы отмечают царя — базилевса или рекса. Античная Албания имела свою территорию. Но не известен язык, на котором говорили албаны, нет автохтонных письменных источников, а монеты в основном западного (Греция и Рим) и восточного (Парфия) происхождения. Найдены и подражания греческим монетам, предполагают, что они местные. Носители культуры кувшинных погребений обитали и в Албании и в Атропатене, проникая в Иберию и Армению, а это говорит об этнических и культурных связях на обширной территории. Таким образом, у нас нет определенных сведений о повсеместном введении своих металлических денег, появлении своих купцов, существовании рабского труда как господствующей формы производства и таких атрибутов, как стены вокруг городов-поселений, по которым можно судить о явных признаках государства, сформулированных рельефно еще Ф.Энгельсом. Все говорит о том, что Албания была под сильнейшим влиянием и Атропатены и Парфянского государственного образования. Можно только предположить, что по мере ослабления Парфии полузависимые образования завоевывали полную самостоятельность. Я думаю, что проблема государствен-

ности античной Кавказской Албании нуждается в корректировке и доработке и, если будет нужно, в кардинальном пересмотре. Вот почему я не ставлю в своей книге очень интересную с точки зрения периферийных государств тему. Она требует более вдумчивого подхода, чем существовавший до сих пор. Это тема отдельного исследования с привлечением материалов и об Иберии, и об Армении.

Эпиграфическими памятниками судьба нас не балует. Как известно, надписей античного времени две, одна на латинском, другая на древнегреческом. Кроме того, во время археологических раскопок у Мингечаура было обнаружено семь эпиграфических памятников, относящихся к раннему средневековью, но лишь ретроспективно бросающих свет на языковую панораму античной Кавказской Албании. Надписи (их всего восемь), кроме двух, фрагментарны или очень повреждены. Какой язык отражают эти уникальные памятники эпиграфики?

Мингечаурские надписи впервые попытался дешифровать А.Г.Абрамян. Получилось "чтение" только дефектных надписей, тогда как хорошо сохранившиеся почему-то не укладывались в предлагаемые рамки. Это не смущало его последователей, придерживающихся этимологического метода. В деле расшифровки нераскрытых надписей большую роль играет верификация знаков. В литературе о мингечаурской эпиграфике этому вопросу уделялось недостаточное внимание, неверно осмыслились знаки. Вот несколько примеров. Один из эпиграфических памятников, сохранивший визуально хорошо воспринимаемые знаки, имеет 53 знака, из которых 4 или дефектны или вообще не сохранились. В результате "чтения" получился искусственный набор знаков, противоречащий логике. Что касается большой лапидарной надписи, то она в первоизданном виде, по-видимому, имела 80 с лишним знаков, из которых в настоящее время сохранились 51 ясный и около 10 дефектных. Недостаёт около 20 знаков. Хотя надпись имеет и начало и конец, недостающие в настоящее время знаки отнюдь не способствуют дешифровке и, естественно, оставляют место для догадок и предположений. Для исследователя — это досадная помеха, для дилетанта от эпиграфики — это раздолье для необузданной фантазии. Дешифровка и интерпретация должны распространяться на всю надпись, а не на отдельные ее части. Максимальное количество непонятных знаков приводит к минимальным результатам. Дело усугубляется еще более, когда к дефектной надписи подбирается дефектный ключ.

Дешифровка и раскрытие мингечаурских надписей поднимет занавес над этнической картиной, ибо они отражают тот главный язык, на котором изъяснялись и священнослужители и широкие слои населения как в античное время, так и в раннее средневековье.

Реальным мерилom или эталоном албановедческих работ является книга К.В.Тревер "Очерки по истории и культуре Кавказской Албании". Чего в ней нет, над тем и нужно работать. Это относится к проблемам материальной и духовной культуры. Ведь постижение античной Кавказской Албании имеет свои особенности и с ними нужно считаться. В книге отражены проблемы, еще не разработанные в албановедческой литературе, и подведен итог более чем столетнему изучению исторической географии, экономики и культуры.

На протяжении многих лет мне оказывали помощь сотрудники Отдела древней истории Азербайджана, Сектора археологии и этнографии Института истории АН республики, а также Отдела Востока Государственного Эрмитажа и Сектора Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Мне дорога память о К.В.Тревер, привившей мне, как и другим своим ученикам, любовь ко всей античной цивилизации. Благодарю за доброту души Г.А.Кошеленко, взявшего на себя труд быть оппонентом моей работы, и Ю.А.Заднепровского, оппонировавшего мои диссертации: кандидатскую в далеком 1962 г. и докторскую двадцать лет спустя.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

ЛИТЕРАТУРА

Изучение истории Албании началось еще в первой половине прошлого века. Одна из первых статей о древней Кавказской Албании Ф.Крузе (1835), который считал, что Албания, заселенная множеством народов, говоривших на разных наречиях, и богатая вином и плодами всякого рода, славившаяся особенно огнями, которые выходили из земли ее, была весьма важна для римлян, потому что через эту область, вниз по Куре, шла торговля со странами Азии, сравнивает Табулу Певтингериану с работой Птолемея, упоминает Нуксуану (Нахичевань). К статье приложена составленная по Птолемею и Табуле Певтингериане карта, где значится и Албания (между Курой и Кавказом, с одной стороны, и между Иберией и Каспием — с другой).

Первым большим исследованием, специально посвященным географическому положению Албании, является работа А.Яновского "О древней Кавказской Албании" (1846). Ошибаясь в локализации рек, упоминаемых древними авторами, А.Яновский помещает Албанию только в Алазанской долине, Шеки и Ширване. Девяносто лет спустя С.В.Юшков писал, что при таком методе Яновскому легко доказать, что Албания находилась в любой части Кавказа.

Следующей по времени является работа И.Шопена "Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей", где говорится об Агвании, Албании и Чога, помещаемых на правом и левом берегах Куры, а также на побережье Каспия. Предполагается, что Птолемей смешивает Албанию с Каспией и Чога.

Топоним "Чога" объясняется как "место коней" или "жительство конных людей или гуннов". Топоним "Агвания" возводится к индоевропейскому корню "аг" (связывается с "маг"), а "Албания" или "Алпаниа" — к Дагестану. Автор приводит несинхронные географические названия.

Академик Б.А.Дорн (1805 — 1881) в большой работе "Каспий. О походах древних русских в Табаристан" (1875) касается и некоторых вопросов истории Кавказской Албании. Автор более кри-

тично, чем его предшественники, подходит к сообщению Птолемея о Восточном Закавказье: Каспиану относит к Албании, не сомневаясь, что перечисленные древними писателями реки впадают не в Куру, как это предполагал А.Яновский, а в Каспийское море, и приводит выдержки из Птолемея, снабдив их пространными примечаниями о городах и реках Албании. В составе Албании упоминаются Шеки, Ширван, Южный Дагестан до Дербента. Аналогичное представление о территории Албании имеется в "Британской Энциклопедии" (1895). Одна из попыток познакомить европейских читателей с историей Кавказской Албании принадлежит Г.Киперту (1878). По его словам, Албания относилась к Персидскому государству не прямо, а через зависимых племенных вождей; страна стала известна во времена Птолемея благодаря Феофану. Албания именуется восточным царством на берегу Каспийского моря; по автору, оно исчезло после завоеваний тюрко-татарских племен, включивших в десятом веке в свою орбиту Мугань, Ширван и Дагестан. Согласно Г.Киперту, древние кавказские албаны в основном были номадами, хорошими лучниками и всадниками с простым нравом. В статье об Албании или Аговании, опубликованной в энциклопедии "Нуво Лярус", повторяются уже существующие в исторической литературе отождествления Албании с Ширваном, Легистаном и Дагестаном. По автору, в нашествие хазаров агованы эмигрировали в Армению. Таким образом, уже в первых работах, посвященных истории Албании, были высказаны гипотезы как о границах, так и об этническом составе Восточного Кавказа.

К концу прошлого века интерес к изучению Кавказской Албании возрос: примечательны статьи В.Томашека об Албании и албанах (1894). Территория страны, по автору, простиралась от Каспия до границ Иберии, с одной стороны, и от Кераунских гор до дельты Куры — с другой; албаны представляли собой конгломерат племен, говоривших на своих диалектах. Одним из первых автор высказал мнение, что следы языка албанов сохранились в удинском, крызском, хиналугском, агульском языках, "туранский элемент среди них определенно не присутствовал". Эта параллель между языком населения Албании и кавказскими языками будет восприниматься потом как постулат или положение, принимаемое без особых доказательств. Спустя некоторое время И.Маркварт посвятил Албании несколько страниц своей книги (1901). Автор констатирует соответствие названий Албания и Арран, наличие во времена Феофана 26 языков или диалектов; по автору, позже в Албании отмечается гаргарский язык, для которого Месроп создал алфавит. Албания помещается между Кавказом и Курой, где находится река Алван, области Камбечан и Шеке.

Область Камбечан принадлежала Тиграну, а Каспиана (Пайтакаран) — атропатенам, а ко времени Феофана Митиленского — албанам.

Книга “История агванов” (1902) является дополненным изданием первой работы “Страна агванов и их соседи” (1893). Говоря о границах Албании, автор отмечает, что на востоке граница проходила по берегу Каспия и Араксу, на севере — по линии дербентской стены, на западе — по Алазани, Хнаракерту и реке Дзорагет, на юге — по Арцахскому хребту и реке Гаргар до слияния ее с Араксом; при возникновении аршакидского царства Кура становится южной границей и только в V в. к албанскому царству присоединяются области Утик и Арцах. Уделяется внимание и некоторым вопросам религии: язычеству и христианству, затрагивается вопрос о языке.

В монографии о географических названиях Г.Хюбшман (1904) говорит и об албанских землях. К ним относятся Сюник, Арцах, Пайтакаран и Ути, расположенные южнее Куры. Пайтакаран соответствует Каспиане; согласно автору, Арцах принадлежал Албании, но впоследствии был отнят; Ути соответствует Отене Плиния и Птолемея.

В курсе лекций, читанных на восточном факультете Бакинского университета в 1925 г., академик В.Бартольд (1869 — 1930) уделил некоторое внимание вопросам истории Албании: Каспиана локализуется на месте впадения Аракса в Куру, здесь позднее находился Байлакан, а Албания непосредственно лежала около Каспийского моря. В этом отношении более интересна его статья об Арране (географически под ним понималась территория от Дербента до Тифлиса). Южные и юго-западные пределы Аррана кончались у Аракса. Согласно автору, позднее Арраном называлась область между Ширваном и Южным Азербайджаном.

В работах уделялось внимание и конкретным вопросам. Так, в “Реальной Энциклопедии” одна из статей посвящена локализации Каспийских гор во времена Геродота и в эпоху Римской империи вплоть до Исидора Харакского, другая — реке Куре; приводятся варианты гидронима, поднимается вопрос о границе между Албанией и Иберией (по реке Алазони или Оказан), отмечается самостоятельная дельта Аракса; в 66-65 гг. до н.э. берег реки являлся собой театр военных действий между Оройсом и Помпеем, а тридцать лет спустя здесь побывал Публий Канидий Красс.

Еще в 1841 г. поборник культурного сближения Азербайджана с Россией А.К.Бакиханов (1794 — 1847) закончил труд по истории Северного Азербайджана с древнейших времен до 1813 г. — “Гюлистан Ирам” (“Райский цветник”). Спустя восемьдесят лет, в 1926 г., вышел из печати русский перевод работы: Албан локали-

зуются на месте Дербента. Река Албан отождествляется с Самуром, а река Касс Манасом; Кемахия, по автору, — Шемаха. Книга отличается от предшествующих работ хронистов и знаменует собой новую ступень в развитии азербайджанской историографии.

Известный востоковед В.Ф.Минорский в большой статье (1927) уделяет внимание истории Албании. В античное время область Шеки (между реками Гекчай и Алазань) входила в состав Албании, представлявшей конфедерацию многоязычных племен. Остатками некоторых из них являются удины; область Отена охватывала территорию нынешних Гянджи, Шамкира и Тауза, “была завоевана албанами”. Хабалу и Албанские ворота Птолемея автор соотнес с Кабалой (руины которой локализуются у притоков Турианчая) и проходом на севере, Оссика соответствует исчезнувшему городу Шеки. Остальные отождествления В.Ф.Минорский считает неубедительными.

В 1934 г. были опубликованы статьи академика А.Е.Крымского (1871 — 1942), посвященные Кавказской Албании. По автору, Албанией называлось левобережье и правобережье реки Куры, несмотря на политическую границу, которая временами проходила по Куре. Впоследствии Албания или Агвания называлась Арраном и охватывала оба берега Куры. Кабалу автор локализует на месте современной Чухур-кабалы. А.Е.Крымский не согласен с мнением Е.Токайшвили, который помещал Кабалу далеко к западу не только от Шеки, но просто-напросто за пределами Албании, в Кахетии, чуть ли не у верховья реки Алазани.

Другая статья (1938) посвящена Албании в связи с историей города Шеки. По автору, древнеалбанское святилище Луны находилось недалеко от Нухи и являлось “крупным многолюдным жреческим городом”. Название этого города не сохранилось. “Мы можем догадаться, — пишет А.Е.Крымский, — что это был тот город, который мы знаем потом под именем Шеки”. Основная часть работы посвящена Шеки после IV в., когда в Албании распространяется христианство.

После монографии А.Яновского долгое время не появлялась работа, специально посвященная границам Албании. В 1937 г. на страницах “Исторических Записок” выступил академик С.В.Юшков (1888 — 1952) со статьей на эту тему. Ученый в основном опирался на данные древних авторов и критиковал существующие до него точки зрения на границы Албании. В первую очередь приходилось полемизировать с А.Яновским, работа которого, по выражению С.В.Юшкова, является слабой и неубедительной по своим конечным выводам. Однако, занявшись только северными границами Албании и делая ряд выводов, весьма обоснованных, ученый впал в другую крайность: он пришел к заключению, что весь Дагестан до Терека входил в состав Албании.

В одной из статей о торговых путях затронуты некоторые вопросы локализации населенных пунктов Албании (1939), в другой — описывается путь албанского посольства от Партава к району нынешней Махачкалы (1939). В следующей интересной работе об исторической географии и этнографии Восточного Закавказья затронут ряд вопросов, связанных с албанами (1939).

Все больше обращалось внимание на изучение вопросов истории древней Албании и в самом Азербайджане. Так, в своей статье (1950) В.Н.Левиатов исследовал вопросы политической истории, экономики и материальной культуры Азербайджана с V в. до н.э. по III в. н.э. Автор широко пользуется археологическим материалом, представленным предметами из Ханлара, Ялойлутепе, Мингечаура и Мильской степи. По его мнению, северные границы Албании доходили или до Терека или только до Дербента. Албанские племена занимали побережье Каспия южнее Большого Кавказа. С юга к Албании примыкала территория Мидии, а каспии жили в районе, где Кура впадает в Каспийское море.

С.А.Ковалевский не соглашается с общепринятым мнением, что данные Птолемея синхронны со временем его жизни; по предположению автора статьи (1953), они относятся к более позднему времени. Вопросы торговли Албании с окружающими ее странами рассматриваются в ряде работ, в целом затрагивающих вопросы торговли древнего Азербайджана: Атропатены и Албании.

Немало работ посвятил истории Албании З.И.Ямпольский. В них излагаются вопросы этногенеза, общественного строя, религии и внешней политики (1952), говорится о храмовом рабовладении и этносах (1949), а также об обитателях Атропатены и Албании (1954). Согласно автору, все население различных областей Азербайджана было одноименным и тождественным в языковом отношении. В статье, посвященной вопросам языков населения Албании, говорится о страбоновских "глоттай" (по автору, не языки, а наречия, говоры). З.И.Ямпольский подчеркивает: распространённые языки Атропатены и Албании неизменно отличались от персидского и других соседних языков (1955). В одной из статей, посвященных происхождению азербайджанского народа, высказывается соображение о предках, этапах сложения народа (1956), в другой — говорится о торговом пути по Каспию, Куре и Риони к Черному морю (1956); здесь снова поднимается вопрос о существовании водного пути по всему Закавказью.

Касаюсь вопроса о древней Уджарме, расположенной к северо-востоку от Тбилиси в ущелье Иори, Д.Л.Мусхелишвили в своей работе затрагивает вопросы территории Эрети. Для позднего вре-

мени интересны высказывания ученого об основных вопросах исторической географии Грузии (1973). В исторической литературе бытуют гипотезы о языках и населении на территории древнего Азербайджана. К одним из них относится точка зрения Б.Е.Деген-Ковалевского и Е.И.Крупнова. Согласно авторам, древнейшее коренное население Азербайджана составляли племена иберийско-кавказской группы. К их числу принадлежали каспии — скотоводы-кочевники, еще в V в. обитавшие в восточных степях Азербайджана (1956).

Важным событием в изучении древней Албании было издание в конце 50-х годов первых томов “Истории Азербайджана” и “Очерков истории Дагестана”. В этих работах охвачены основные вопросы, возникшие перед албановедами. Древним албанам отведены главы, позволяющие иметь общее представление о территории, хозяйстве, общественном строе и других особенностях жизни населения.

Известный историк Г.А.Меликишвили в большой работе об истории древней Грузии (1959) исследует политическую историю и социально-экономическое развитие в эпоху господства первобытно-общинных и раннерабовладельческих отношений. В связи с исследуемой темой автор поднимает ряд вопросов, затрагивающих родственные связи, территорию и политическую историю кавказских албанов.

Перечисленные работы нередко освещали жизнь древних албанов в связи с тем или иным вопросом истории, исторической географии, а также топонимики или археологии. В 1959 г. вышел из печати первый большой труд по истории и древней и средневековой Кавказской Албании известной исследовательницы Востока К.В.Тревер. Книга охватывает период в тысячу лет. Древней Албании посвящена половина работы: восстанавливается военный поход Помпея, разбирается темный вопрос о перечисленных у Птолемея городах, при помощи археологического материала определяется уровень земледелия албанов, излагаются данные об орудиях труда, возделываемых злаках, албанском садоводстве. Как отмечает В.В.Струве, К.В.Тревер не требует от источника большего, чем тот может дать. Албаны локализируются по среднему и нижнему течению Куры на правобережье и левобережье вплоть до Дербента. По автору, леги обитали в горных районах бассейна реки Самур, севернее удинов и албанов, а гаргары являлись обитателями части Карабахской степи. К.В.Тревер говорит о необходимости проследить особенности, характеризующие культуру отдельных районов, в древности населенных теми или иными племенами. По вопросу о торговом пути из Индии к Черному морю по Амударье, Каспию, Куре и далее автор придерживается мнения

В.Тарна, согласно которому в отчете Патрокла говорилось лишь о возможности перевозки товаров по вышеназванному водному пути. Восстанавливая картину состояния производительных сил Албании, К.В.Тревер смогла определить характер производственных отношений и их смены в результате дальнейшего роста его производительных сил. Изучение дальнейшего социально-экономического развития привело к выводу: албаны не достигли зрелого рабовладельческого общества с характерными для эллинистических стран чертами. Сказать обо всем, о чем говорится в работе К.В.Тревер, здесь невозможно. Тем более что подробные рецензии на книгу опубликованы.

Изучение отдельных вопросов, так или иначе связанных с историей Албании, после выхода книги К.В.Тревер поднялось на новую ступень.

В прежних работах автора предлагаемой книги изучалось название Куры — большой реки Закавказья (1959), поднималась тема древнего населения, сопоставлялись письменные источники с археологическим материалом: культурами носителей грунтовых и кувшинных погребений (1959 — 1960). Статья о языках на территории древнего Азербайджана представляет собой анализ источников об этнической принадлежности мидийцев и албанов. В автореферате кандидатской диссертации, затронувшей проблемы исторической географии и этнографии, изложены итоги изучения Албании: освещены вопросы источников и историографии, а также границ и этнического состава (1962). Год спустя вышла статья “Албаны-кочевники и базилевс Зобер” об этническом составе кочевников, совершавших набеги в Албанию. Значительная часть номадов была родственна гуннам. В других работах также поднимался вопрос о номадах. Ведь обитавшие в степях Восточной Европы племена прорывались через Кавказ на юг, и на рубеже нашей эры некоторые из них оседали в долинах Куры и Аракса. Древние авторы называют их саками, аланами, массагетами и гуннами. По автору, номады археологически соответствуют носителям культуры катакомбных погребений (1964, 1970). Опубликованные в 1965 — 1966 гг. работы посвящены изучению местных географических названий. Автор приходит к выводу: географические названия Албании, по-видимому, были как кавказского, так и иранского и тюркского происхождения, что должно проливать свет на этнический облик античной Албании.

Географические названия, изучение которых оживилось во времена А.К.Бакиханова и И.Шопена, продолжали интересоваться специалистов. Исследуя топонимы “Албания” и “Арран” (1961), Ю.Б.Юсифов пришел к заключению, что термин “Арран” восходит к местным, возможно, иберийско-кавказским языкам. Связям

между отдельными странами древности и средневековья посвящена большая работа Р.Хеннига (1961). Одну из глав своего труда он посвятил историческому изучению Каспийского моря, на берегах которого была расположена Албания.

В книге “Древняя Албания III — I вв. до н.э.” З.И.Ямпольский поднимал вопросы развития храмовой собственности. Обращают на себя внимание главы, связанные с историей Албании. В работе имеется подробный перечень находящихся в Азербайджане мест поклонения, по автору, “архаических святилищ” (1962). Согласно посвященной этногенетическим вопросам статье того же ученого, на протяжении почти трех тысяч лет все этнические общности, вторгавшиеся или иначе проникавшие в Азербайджан, составляли здесь абсолютное этническое меньшинство и потому не могли деформировать основной, количественно преобладающий ствол этногенетического развития на почве Азербайджана (1962).

В 1967 г. была опубликована “История Дагестана”, где уделено внимание вопросам исторической географии и этнографии, а также хозяйству и политической истории Албании на фоне дагестанского археологического материала: к Дагестану привязываются каспии, границы Албании выражены неясно, на карте Кабала обозначена между верховьями Алазани и реки Сулак (с.125), а по тексту Кабалака отождествляется с современной Кабалой (Северный Азербайджан). В “Истории Дагестана” утверждается, что ядро Албанского царства находилось в Дагестане, а население Албании — это главным образом предки дагестанцев.

Работы А.Г.Фазили “История древнего Азербайджана в трудах современных историков Ирана” (1964) и “Древняя история Азербайджана в современной иранской историографии” (1970) касаются изучения историками Ирана (Г.Пирния, Г.Таги-заде, Я.Пур Давуд, С.Кесреви и др.) истории Атропатены и Кавказской Албании IV в. до н.э. — III в.н.э. Вслед за Н.К.Беловой можно утверждать, что иранские историки испытали влияние повествовательных традиций арабских и персидских средневековых летописей, с одной стороны, и более развитой историографии зарубежных стран — с другой. Важные вопросы истории древней и средневековой Албании рассматриваются в книге “О литературе Кавказской Албании” (1969) — вопросы языка, письменности и племенных особенностей, а также “литературы восточного края Армении”, т.е. Агванка V — XIII вв. Автор исходит из постулата: южная граница проходила по Куре, территория южнее этой реки была населена армяноязычным населением, а во времена Страбона Каспиана перешла от армян к агванам. По его мнению, алфавит создан на основе гаргарского, А.Г.Абрамян же пытается для расшифровки надписей применить язык утийцев, смешивая обобщен-

ное понятие “агванский” с понятием “утийский” и “гаргарский”. Согласно источникам, утийцы были не агванами, они принадлежали к совершенно иной этнической формации. Как отмечалось, вопросы политической истории Албании разработаны еще К.В.Тревер. Если в ранней статье И.Ш.Джавадов пытается локализовать место стоянки Помпея во время войны с албанами, то в следующих — поднимает вопросы внешней албанской политики во времена интенсивных попыток Рима завладеть Кавказом (1960, 1973). Передвижение номадов продолжало интересовать исследователей. Так, в статье “Сармато-аланы на пути в Иран” (1971) И.Г.Алиев разбирает вопрос о проникновении ираноязычных племен на территорию Ирана, когда Азербайджан являлся исходной территорией сармато-алан при их вторжении в Иран.

В I в. аланы появились в Камбисене, которая вместе с Сакассеной стала превращаться в новую метрополию ираноязычных племен.

Носители культуры катакомбных погребений связываются с племенами сармато-массагето-аланского происхождения. Следующая статья посвящена истории Албании по “Географии” Страбона (1975): приводятся фрагменты об албанах, обращается внимание на один, где говорится об их пастушеском образе жизни. Согласно автору, римляне побывали в Северо-Западной Албании, т.е. в Камбисене, где в последние века до н.э. важную роль “должен был играть” ираноязычный кочевой элемент, возобладали аланы. Согласно этому мнению, отрывок из “Географии” Страбона не может характеризовать Албанию и албан в целом и должен быть отнесен к части ее территории. Авторы другой статьи о племенах древнего Азербайджана акцентируют внимание на набегах алан с Северного Кавказа в страны Закавказья (1976). Племена сармато-массагето-аланского круга проникли и на территорию Дагестана. Здесь встречается сарматская керамика, отдельные элементы которой близки ялойлутепинской на территории Азербайджана. Обнаруженные в Дагестане катакомбные погребения связываются с массагетами и аланами. Согласно авторам, племена сармато-массагето-аланского круга уже на рубеже нашей эры проникали через Дербентский проход на территорию прикаспийской полосы Азербайджана; гидронимы Самур и Рубас означают, по-осетински, собственно “куница” и “лиса”, а топоним Маштага объясняется как “массагеты”. Возвращаясь к погребениям Мингечаура, исследователи утверждают, что они укладываются в серию сармато-аланских катакомб поздней античности и раннего средневековья, хотя они отличаются от, так сказать, чисто аланских, а в инвентаре встречаются и местные формы. Согласно авторам, носителями культуры катакомбных погребений на территории

Мингечаурской округи были вне всякого сомнения аланы, а также в областях прикаспийской полосы и в северо-западной зоне Азербайджана, так же как и в некоторых соседних районах, хозяйничали племена сармато-массагето-аланского круга. В статье "О роли и значении иранского элемента в истории Кавказской Албании" (1979) подчеркивается этническая неоднородность Албании, что находит свое отражение и в погребальных обрядах. Среди носителей культур сырцовых, ваничных, срубных, катакомбных и иных погребений были несомненно различные группы ираноязычного населения. В прикаспийской полосе обитали племена массагето-аланского круга и, возможно, сарматы. В Каспiane обитали какие-то группы апархов-апарнов, а в I в. в юго-западные районы Прикаспия были переселены дахские племенные группы. В ваничных погребениях захоронены безусловно не местные жители, а выходцы из Ирана и Месопотамии; они относились к парфянским этническим группам. Отмечается, что ираноязычные племена не смогли прервать этнической непрерывности на базе Кавказской Албании, не смогли ассимилировать автохтонное население страны.

Автор настоящей работы продолжал публиковать статьи, в которых затрагивались некоторые вопросы истории античной Албании. Так, внимание обращалось на более тщательное изучение источников, когда вносились исправления в уже существующие переводы древнегреческих и латинских авторов (1969), а топонимические данные, связанные с древнеалбанскими географическими названиями, сравнивались с более поздними этнонимами, бытующими и поныне к востоку от Каспия (1969 — 1973). Кроме того, в статьях "К вопросу о земледелии и скотоводстве в древней Кавказской Албании" (1969) и "Скотоводство в древнем Азербайджане" (1970) поднимались неизученные вопросы хозяйства в древней Албании, а также ее географических пределов (1971) и религии (1970).

Спустя пятнадцать лет после труда К.В.Тревер вышла в свет книга К.Г.Алиева "Кавказская Албания", охватившая в основном неразработанные вопросы исторической географии, экономики и культуры страны только I в. до н.э. — I в. н.э. В исследовании очерчены границы и высказаны соображения о населении страны — об албанах, удилах, легах и каспиях; охарактеризованы сложное хозяйство и торговые связи, исключая распространенное в исторической литературе представление о сравнительной отсталости экономики, а также производственные отношения в храмовых областях; выявлены особенности религии. Отмечается недостаточное изучение источников; до сих пор ошибочно представлялась картина развития экономики и культуры античной

Албании (1974). В опубликованных позднее работах автор или поднимает малоизученные вопросы общественного строя древней Албании (1979), или затрагивает античные названия Каспийского моря в связи с племенами, населявшими его берега (1980).

Интерес к истории Албании не ослабевает. В Азербайджанской Энциклопедии напечатана статья о древней (в меньшей степени) и средневекковой Албании (более подробно), в которой история страны излагается неполно, не выделены особенности страны в античное время и раннем средневековье, рядом упоминаются несинхронные топонимы, в должной мере не использованы материалы археологии, освещающие вопросы этнической, экономической и духовной истории албанского общества. В статье утверждается, что по истории Албании основным историческим источником является "История Албании" Мовсеса Каланкатваца, а Капиана расположена на левом берегу Куры.

За последнее время опубликовано немало работ, где исследуются важные проблемы античной Кавказской Албании. К ним, например, относятся работы А.П.Новосельцева. В первой большой работе "Страны Закавказского и Среднеазиатского регионов" (1972) автор касается многих сторон истории древнего и раннесредневекового Кавказа, в частности информирует читателя о территории и населении Кавказской Албании, а также о социально-экономической формации. Статья того же автора о политической границе между Арменией и Албанией в античное время возвращает албановедов к начальному этапу изучения истории Кавказской Албании. Но правомочно ли говорить только о политических и только о южных границах, когда "вряд ли можно надеяться, — по выражению самого А.П.Новосельцева, — на окончательное решение данного вопроса"? Другое, уже большое исследование того же автора — это "Генезис феодализма в странах Закавказья" (1980). В ней охвачены проблемы социально-экономических отношений в странах античного Закавказья. Ученый останавливается на вопросе о гегемонах (по его мнению — предшественники нахараров), жреческом сословии (как он полагает, до появления христианства, сильном и организованном). Отсталость по сравнению с Иберией общественного строя "видна прежде всего из того, что войско албанов было многочисленнее иберийского, т.е. в Албании был в то время свободен более широкий слой населения". Останавливаясь на проблеме города, автор берет на себя смелость утверждать, что "археологи Азербайджана исследуют города Кавказской Албании, причем они включают в древнюю Албанию и территорию, в нее не входящую (на юго-запад от р.Куры). Следует утверждать, что "в I в. до н.э. существовало единое албанское государство с весьма пестрым в этническом

плане населением"; гегемоны скорее "племенные главы, командовавшие племенными ополчениями". Автор пишет, что нет оснований утверждать, что в античное время рабство стало здесь основой производства.

Вопрос о племенах получает дальнейшую разработку. В одной из своих статей К.Г.Алиев возвращается к гаргарской проблеме с отступлениями эпиграфического порядка.

В "Истории древнего мира" отведено несколько страниц истории Закавказья и сопредельных стран в период эллинизма. Освещаются аспекты политической, хозяйственной и культурной жизни античного Закавказья, в том числе Атропатены и Кавказской Албании. Так, говоря о независимых государствах, авторы утверждают, что в IV — III вв. до н.э. кроме Колхиды, Иберии и Армении в изучаемом регионе образовалась Атропатена при союзе с албанами и другими племенами Восточного Закавказья. Утверждается, что в Албании не было значительных городов кроме Кабалаки и что денежное обращение здесь началось относительно поздно. Повторяется мысль о племенной раздробленности, с одной стороны, и о наличии лингвы франка в "части страны" — с другой. Говоря о языках-койнэ, авторы выделяют среднемидийский, армянский и картвельский, отмечая, что в Закавказье не было своей письменности в изучаемое время. По утверждению редакционной коллегии наблюдаются "культы общинных богов". С целью избежать смешения с балканской Албанией авторы под Алванией разумеют Кавказскую Албанию.

По традиции историей античного Азербайджана занимаются историки соседних стран. В этом плане следует отметить статью об источниках Страбона по Албании (1978). Согласно автору, Страбон полностью обязан Феофану Митиленскому своим описанием древней Кавказской Албании. Краткое изложение истории этой страны дается также в "Истории Азербайджана" (1979).

В Азербайджане продолжают работать над вопросами истории античной Кавказской Албании. Опубликованные в последнее время работы И.Г.Алиева посвящены проблемам проникновения на территорию Азербайджана ираноязычного населения, а также роли мидийского элемента Атропатены (1987, 1988). В связи с изучением катакомбных погребений имеются и другие суждения. Так, согласно М.П.Абрамовой (1978), "вряд ли можно с уверенностью утверждать, что в катакомбах мы находим захоронения ираноязычных сарматов"; в частности отмечается, что "катакомбный обряд погребения не может служить критерием при выделении ираноязычных этнических группировок на Кавказе".

В исторической литературе высказывались и оригинальные суждения о территории Албании. Так, в работе "Птолемеева кар-

та Кавказской Албании и уровень Каспия" (1983) С.Н.Муравьев выдвигает гипотезу, согласно которой большая часть Кура-Араксинской низменности находилась под водой. Действительно ли морские воды заливали низменность в античное время? Эти и подобные вопросы автор оставляет открытыми. Книга А.Г.Фазили "Древняя и раннесредневековая история Азербайджана в историографии Ирана" (1984) посвящена экономике, политической истории и другим вопросам истории Азербайджана. В книге имеется описание археологических материалов (в том числе и кувшинных погребений античного времени из Герми). В "Этюдах о населении древнего Азербайджана" (1984) К.Г.Алиев подробно останавливается на проблеме территории и населения древней раннесредневековой Албании. Если в античное время страна занимала большую территорию от Иберии до Каспия (по Страбону), то в раннее средневековье Албания перестает выглядеть как самодовлеющее средоточие аборигенов. Так, Албанию в раннем средневековье армянские историки именовали Алванк, грузинские летописцы — Эрети, а памятники сасанидского Ирана — Ардан или Аран. Эти названия уже не соответствовали античной Албании в целом, а прилагались лишь к отдельным ее частям.

Книга Ю.Р.Джафарова посвящена интересной проблеме появления в степях Северного Кавказа гуннов и их взаимоотношениям с соседними странами, в том числе и с Албанией на протяжении длительного времени со II по VII в. (1985). Статья того же автора посвящена вопросам локализации храмовой области в Кавказской Албании.

Другая работа — "Кабала" (1985) И.Г.Алиева и Ф. В. Гадирова — освещает вопросы археологического изучения одного из городов древней Кавказской Албании — Кабалаки или Хабалы с древнейших времен до XIX в.

К разряду крупных достижений науки относится книга "Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии" (один из томов "Археологии СССР", 1985). Труд охватывает основные проблемы археологии Закавказья и Средней Азии в раннем железном веке и античную эпоху. Автор древнеазербайджанского раздела — Дж.А.Халилов. Древней Албании посвящено немало страниц (с.93 — 105); подробно освещены вопросы поселений, главные из которых упоминаются в работе; города возникают в середине I тыс. до н.э. В связи с Чухур-кабалой упоминается Кабала (по Плинию — оппидум Кабалака). Прекрасным дополнением к археологическому изучению явилось заключение, написанное известным историком Г. А. Кошеленко. По сути это лаконичное изложение особенностей классового общества и государственности, политической истории, а также социальных отношений Закав-

казья изучаемого времени. Наряду с констатацией исторических закономерностей подняты важные вопросы истории античного Кавказа, в том числе и Кавказской Албании. Текст снабжен картами памятников, визуально хорошо воспринимаемыми рисунками.

Работа Ф.Дж.Мамедовой “Политическая история и историческая география Кавказской Албании” (1986) охватывает проблемы исторической географии, феодальных отношений и политической истории, а также раннесредневековой христианской церкви. Зиждется работа главным образом на данных армянских источников, эпизодически упоминаются античные авторы, требующие более серьезного специального разбора. Автор берет на себя смелость утверждать, что не следует переоценивать данные античных авторов, “ибо их информация носила случайный, противоречивый характер и вполне могла быть не точной”, или, что Мовсес Каланкатвацци, живший спустя тысячу лет после Страбона, знал историю и географию Албании “лучше, чем римляне...” Приведенная в латинском оригинале Плиния Кабалака преподносится как “греческая форма”, а Нахичевань — как областная территория Албании начиная с I в. н.э. Какаясь изучения исторической географии Албании дореволюционными, зарубежными и советскими учеными, Ф.Дж.Мамедова утверждает, что “все они основывались, главным образом, как на одностороннем использовании античных источников, армянских авторов без попытки выявления их достоверности, так и на сложившейся армянской традиции”. Соположение реалей античной и средневековой Албании нашло отражение в опубликованных на книгу рецензиях.

В другой работе (1987) о вопросах исторической географии Албании I в. до н.э. — VIII в. н.э. тот же автор продолжает попытку разобраться в проблеме территории и границ древней и раннесредневековой Кавказской Албании. Заметим, что источники занимают особое место в осмыслении исторических фактов. Так, работа К.Г.Алиева “Античные источники по истории Азербайджана” (1987) включает значительное количество сведений о древнем Азербайджане (Атропатене и Кавказской Албании) из трудов древнегреческих и латинских писателей.

В книге “Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках” (1987) вновь поднимаются вопросы исторической географии и этнонимики Албании с IV в. до н.э. по X в. н.э. Автор показывает, что на юге граница Албании проходила по Куре, а на севере — по Кавказскому хребту, в этнонимике албанов никогда не было отражено самоназвание сформировавшейся этнической единицы, а страна представляется многоплеменной, имеющей собственный этнический облик. Утверждается, что культу-

ра кувшинных погребений характеризует границу не столько армянского государства, сколько армянского этноса. В то же время ялойлутепинская культура представляет албанский метаэтнос, многоплеменную Албанию к северу от Куры. Автор высказывает мнение, что исследователи Албании не учитывают всех сообщений письменных источников, но каких именно не указывает. Отождествляется река Абант с Алазани, тогда как Алазани упоминается у Страбона в форме Алазони. Согласно автору два упоминания о Камбисене проистекают от “ошибки самого Страбона”. Оказывается, что каспии — это не этноним, а гидроним, перенесенный на племя, или собирательный термин; гаргары у Мовсеса Хоренаци пейоративный, т.е. уничижительный, пренебрежительный термин, они не являлись албанским племенем. Этот этноним употреблялся древнеармянским писателем в качестве пейоративного названия левобережной Албании и соседнего горного района. В работе подняты вопросы возникновения царской власти и образования государства в Албании, предприняты попытки локализовать упоминаемые у древних авторов Фавнитиду, Гогарену и Хорзену.

Приведенный обзор литературы показывает, что албановедение добилось значительных успехов. Работы, посвященные различным вопросам истории, являют собой этапы в освоении письменных источников, разрозненных и чрезвычайно фрагментарных, а также археологического материала главным образом послевоенного времени. Наряду с научно обоснованными высказываниями по истории страны в некоторых исследованиях акцентируется внимание на второстепенных фактах или по традиции муссируется вопрос о территориальных пределах вне связи с другими основополагающими проблемами, что, конечно, отрицательно сказывается на изучении античной Кавказской Албании в целом. На уровне дилетантов тщатся выявить этнические первоначала, оставляя в стороне кардинальные проблемы. Совсем плохо, когда печать служит ареной устаревших диатриб и вердиктов, завуалированного наукообразия и велеречивых мистагогов. Отсюда навешивание ярлыков панирианизма или пантюркизма. Несмотря на немалое количество исследований, в которых неплохо разработаны те или иные частности, античная Кавказская Албания изучена еще слабо и многие вопросы истории этой страны или вовсе не решались или решены весьма неудовлетворительно. Отдельные работы, вышедшие за последнее время и не включенные в обзор литературы, упоминаются в соответствующих разделах книги.

Изучение истории древней Кавказской Албании связано главным образом с двумя видами источников: неместными известиями античных авторов, обращавшихся к сведениям лиц, побывавших на Кавказе, и уже местным археологическим материалом — источником и независимым и богатым.

Одним из первых древних письменных источников, где дается подробное описание Албании, является “География” Страбона, обращавшегося к трудам предшественников и современников (I в. до н.э. — I в. н.э.). Сведения о странах, отстоящих от Рима, расширялись в результате походов греков и римлян (I, 2, 1). Согласно Страбону, достоверные сведения о народах Кавказа: албанах и иберах — почерпнуты преимущественно у современников (II, 5, 12); ведь “старина, вымысел и чудесное называются мифами, древняя или новая история же требует истины...” (XI, 5, 3). Самым ранним источником по Албании, по-видимому, были сообщения географа III в. до н.э. Эратосфена, труд которого в свою очередь восходит к отчету Патрокла (XI, 7,3). В числе своих источников по Кавказу Страбон упоминает Метродора Скепсийского, родившегося в середине II в. до н.э., а также Гипсикрата, жившего немногим раньше Страбона (XI, 5, 1). В рассказе об Албании и Иберии Страбон ссылается еще и на Посидония, но относится к нему без достаточного доверия (XI, 1, 6). Описывая Албанию, Страбон пользовался также материалами Феофана Митиленского — участника кавказского похода Помпея (XI, 5, 1).

Ценные сведения по географии, гидронимам и этническим особенностям древней Албании содержатся в “Естественной истории” Плиния (I в. н.э.). В числе использованных материалов упоминаются утраченные исторические и географические труды Саллюстия и Корнелия Непота, фигурирующие в качестве источников и у Помпония Мелы, а также карта Випсания Агриппы. Писатель пользуется сведениями как греков, к числу которых относятся Теофраст и Посидоний, так и римских историков Катона и Варрона. Как отмечает Плиний, по Албании использованы работы спутников Александра Македонского, а также Исигона Никейского, Клитарха, Эратосфена и Артемидора.

Отдельные сведения о древней Албании разбросаны в трудах историков и географов античности. К ним относится “Землеописание” Помпония Мелы (I в.). В сочинении приводятся названия рек, гор и этнонимы Албании; много раз упоминается Каспий. По-видимому, Мела пользовался теми же источниками, что и Гекатей Милетский и Геродот; привлечены также географические

труды, известные по карте Випсания Агриппы. Интересные сведения об Албании сохранились в “Параллельных жизнеописаниях” Плутарха, жившего в конце I — начале II в. К ним относятся известия о помощи обитателей Албании Тиграну II, об отношениях албанов и римлян. Плутарх приводит несколько гидронимов Албании, упоминает имена албанских басилевсов, останавливается на событиях, связанных с походом Марка Антония, перечисляет города. Плутарх обращался к работам предшественников и современников, полагаю, пользовался и книгой Феофана Митиленского (ср. Плутарх, Помпей, 36 и Страбон, XI, 4, 6).

Сведения об Албании имеются также в “Анналах” (произведение охватывает 14 — 60 гг.) Корнелия Тацита (около 55 — 117 гг.), знаменитого римского историка. Значительное количество сведений об Албании содержится в “Географическом руководстве” Клавдия Птолемея (70 — 147 гг.). В труде нашли выражение космографические и географические идеи Эратосфена и Гиппарха. Подобно географу I в. Марину Тирскому Птолемей нанес на градусную сетку известные географические названия; карта отчасти зиждется на предположительных данных, но позволяет судить о степени проникновения торговцев античной Европы на Восток, в том числе и в Албанию. Птолемей отмечает северные, западные и южные границы Албании. Из числа более поздних историков, в трудах которых упоминается древняя Албания, можно отметить Аппиана (II в.). Современник римских императоров Адриана и Антонина Пия, историк занимал видные административные должности. Около 160 г. закончил свой труд, посвященный истории Рима (24 книги, некоторые до нас не дошли). XII книга посвящена войне с Митридатом Евпатором и со странами, расположенными к востоку от Рима, в том числе и с Албанией. Источником Аппиана являются сочинения Ливия, Николая Дамасского и Посидония. История античной Албании нашла отражение и в “Римской истории” (сохранились книги, где повествуется о событиях от 68 г. до н.э. по 47 г. н.э. и отдельные фрагменты) Диона Кассия Коккеиана (конец II — начало III в.). Дион Кассий подробно рассказывает о проникновении римлян в Албанию, останавливается на войне албанов с римлянами, приводит топонимические названия. Писатель пользовался произведениями Тита Ливия, Тацита и Светония. Кроме упомянутых источников привлекает внимание сохранившееся лишь во фрагментах сочинение “О животных” Клавдия Элиана (конец II — начало III вв.). Ссылаясь на труд Аминты, Элиан приводит данные о животном мире и других особенностях в стране каспиев.

Албания обозначена на некоторых средневековых картах, материалом для которых служила не дошедшая до нас карта Агрипп-

пы, составленная на основании официальных источников для императора Августа (27 г. до н.э. — 14 г. н.э.), которому Агриппа приходился зятем. Около 1500 г. одна из римских карт, оригинал которой, по-видимому, составлен в III — IV вв., была обнаружена аугсбургским ученым Конрадом Певтингером. Карта с тех пор носит название Табулы Певтингерианы. Составление карты К.Миллер относит к римскому географу Касторию (IV в.) и подчеркивает, что она имеет большее значение, чем птолемеевская “География”. Источником по истории Албании является “Космография” Анонима Равеннского (около VII в.), использовавшего греческие и римские дорожные-итинерарии, а также Табулу Певтингериану. Маркварт относит составление “Космографии” к 734 г. Упоминаются топонимы Албании, территория которой делится на отдельные районы-патрия. Вследствие общей скудости письменных источников использованы произведения и тех писателей, которые сохранили лишь отдельные упоминания об албанах и их стране. К ним относится Помпей Трог (I в. до н.э.) в переработке Марка Юниана Юстина (II — III вв.) и Квинт Курций Руф (I в.), Секст Юлий Фронтин (I в.) и Светоний Транквилл (I — II вв.), Люций Анней Флор (II в.), а также Дионисий Перизет (II в.). К источникам по Кавказской Албании относятся и сочинения более поздних греческих и латинских авторов. Из них можно упомянуть Стефана Византийского (III — IV вв.), Юлия Солина (III в.), Аммиана Марцеллина (IV в.) и некоторых других, сохранивших отрывочные сведения о Кавказской Албании. Существует значительное количество переводов древних писателей на русский язык (Ган К.Ф. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и о Кавказе. СМОМПК, т. IV — IX, 1884 — 1890; Латышев В.В. Известия древних писателей (греческих и латинских) о Скифии и о Кавказе. Т. I — II, СПб., 1893 — 1906). На русский язык переведены отдельно произведения Страбона, Тацита, Плутарха и других древних писателей, что значительно облегчило работу над письменными источниками по античной Албании. Часть переводов неточно передает смысл оригинала, создавая путаницу и дополнительные трудности. Это обстоятельство вынудило пересмотреть переводы и уточнить некоторые из фрагментов о древней Кавказской Албании. В связи с этим была подготовлена к печати монография “Античные источники по истории Азербайджана” (1986, 1987).

Другая группа важных источников, используемых для решения вопросов истории Албании, представлена местным археологическим материалом. Первые сведения о случайных находках были ограничены. Так, еще в конце прошлого столетия барон де Бай приобрел керамические сосуды, переданные в Лувр. В 1901 г.

все 23 сосуда были опубликованы Е.Поттье. Спустя немного на берегу Алазани были найдены громадных размеров кувшины и домашняя утварь. Другая коллекция сосудов подарена Археологической комиссии А.Б.Шелковниковым (1892) и была отправлена в императорский Русский исторический музей. Во время строительства кахетинской железной дороги была также обнаружена керамика (1913). Грунтовые погребения были раскопаны археологами весной 1915 г. около Ниджа и Варташена. Добытый материал долгое время оставался неопубликованным и только спустя сорок лет был издан О.Ш.Исмизаде.

Между тем в азербайджанской археологии уже начался новый этап. Летом 1926 г. в Ялойлутепе была отправлена археологическая экспедиция. Были обнаружены грунтовые погребения, по месту находок названные ялойлутепинскими. Сравнению нового материала с Луврской коллекцией посвящена статья Т.Пассек и Б.Латынина. Находки из Ялойлутепе изучались Д.М.Шарифовым и А.А.Иессеном (1929). А.А.Иессен пришел к выводу: культура Кавказской Албании должна быть отнесена к одному или ряду населявших ее племен. Археологический комплекс Ялойлутепе А.А.Иессен отнес ко второй половине I тыс. до н.э., ко времени от IV по I в. до н.э. и впервые высказал предположение, что Кахетия входила в состав Кавказской Албании. В Деймедере А.А.Алекперов обнаружил некрополь грунтовых погребений (1927). Такие же погребения были обнаружены Е.А.Пахомовым в Калагах (1939). В 1940 г. вышла работа, посвященная раскопкам в Алазанской долине. Г.К.Ниорадзе впервые выделил типы сосудов, разбив их на 15 групп; прослежена территория распространения изделий, включая Восточную Грузию и Северный Азербайджан. По автору, "главные типы алазанской керамики проникли в Закавказье из Передней Азии через Муганскую и Мильскую степи", а обладатели "этой керамики были хорошие земледельцы и знали виноделие..." Автор датирует грунтовые погребения Алазани I в. до н.э. (с. 105). Другой исследователь писал: прототипы этой керамики "следует искать в первую очередь не за пределами Закавказья", а в более ранних культурах на этой же территории. У Джафархана обнаружены и грунтовые и кувшинные погребения (1946), а только грунтовые в Шафили и местности Чай-богазы (1952, 1959). Материал датируется I в. до н.э. В работах С.М.Казиева (1945 — 1949) также отмечаются грунтовые погребения. Статья Е.А.Пахомова посвящена статуэтке из селища носителей культуры Ялойлутепе. Аналогичные погребения обнаружены в Куба-халиллы.

Обобщающей работой по грунтовым погребениям типа Ялойлутепе является книга О.Ш.Исмизаде (1956). В ней дается подро-

бнейшее описание вещей, выделяются 15 характерных типов, несколько отличающихся от алазанских; погребения датируются III — I вв. до н.э. Основное ядро албанов помещается на Алазанско-Автаранской долине, пестрота культур объясняется появлением союза племен. Р.М.Рамишвили интересуют особенности Камарахевского могильника (1959) и местные археологические культуры (1960). По автору, существовали две группы культуры: первая относится к Восточной Грузии, вторая — к Азербайджану.

Слабая изученность горных и приморских районов не позволяла ясно представить связи Азербайджана и Дагестана. Открытие некрополя грунтовых погребений Махачкалы (Тарки) положило начало изучению античных памятников, когда погребения характеризуют культуру местного населения Кавказской Албании периода ее расцвета. Позднее отмечалось, что культура прикаспийского района Дагестана родственна ялойлутепинской культуре Кура-Араксинского двуречья, а в Карабудахкентском районе зафиксирован могильник, керамика которого близка глиняным изделиям из Тарки. В таркинском некрополе вскрыты погребения последних веков до н.э. В карабудахкентском некрополе выявлены вещи албанской культуры, хорошо известные по памятникам Восточного Закавказья. Более широкий охват материальной и духовной культуры Дагестана парфянского времени представлен в книге М.П.Пикуль (1967).

Установлено, что грунтовые погребения с ялойлутепинским инвентарем существуют у Шемахи (1961) и недалеко от Агдама (1959); материальная культура албанов освещается и в другой работе (1962). В Хыныслы открыты ямные, грунтовые и кувшинные погребения. Одна из статей Дж.А.Халилова посвящена статуям из Хыныслы (1960); другие его работы посвящены грунтовым, ямным и кувшинным погребениям на территории городища. Автор коснулся вопроса о религии (1962).

Кабале и его окрестностям посвящены работы, опирающиеся на сообщения древних авторов и археологический материал (1962). Предметы культуры Ялойлутепе обнаружены к северу от Карабулак на левом берегу Агричая и близ Дагколаны недалеко от Шемахи; здесь нашли камснную статую. С.М.Казиев касается вопроса о погребальных обрядах в Кабале (1965). В работах Ф.Л.Османова рассматриваются вопросы о последних раскопках в Ньюди, Моллаисаклы, Гаджиатамлы, Калагях, Ганзе и др. В бассейнах Гекчая, Гырдыманчая и Ахсу обнаружены как кувшинные и грунтовые, так и погребения в глиняных саркофагах. Статуэтки из городищ в основном женские; постройки воздвигались из речного камня, сырцового кирпича и глины, а позже и из обожженного кирпича; найдены остатки камыша, штукатурки; обнаруже-

ны монеты местной чеканки и бронзовый шлем (1972). Представляют интерес работы о поселениях и некрополях бассейнов Гекчая, Гырдыманчая и Ахсу (1975, 1985, 1989). Другие статьи посвящены изучению обнаруженного в грунтовых погребениях военного оружия (1976), вопросам обработки (литье иковка) бронзовых браслетов из некрополя Ньюиди (1978), культурам грунтовых и кувшинных погребений (1979). К.П.Пицхелаури опубликована работа (1977) о культуре Кахетии. Учитывая границы распространения и генетические связи, автор приходит к выводу: ялойлутепинская культура генетически не связана с местными восточно-грузинскими традициями и поэтому не прав Р.М.Рамишвили, утверждавший, что в Восточной Грузии существуют сравнительно ранние слои ялойлутепинской культуры. В местности Сеидтала археологические раскопки выявили керамику, характерную для погребений ялойлутепинского типа, и черепицы, аналогичные обнаруженным в Кабале. Автор приходит к выводу: Сеидтала являет собой остатки одного из крупных населенных пунктов древней Кавказской Албании (1978). Другая работа посвящена раскопкам на Караултепе (1985).

К числу памятников, отражающих историю населения Албании, относятся погребения в больших горизонтально уложенных кувшинах. Ранние сведения о них на территории Восточного Закавказья дал Э.А.Реслер, выявивший в Калатепе (берег Каркарчая) и Карабулах (недалеко от Ханкенди) некрополи. Прошло болсе четверти века. Сначала в Земоавчале, а потом у Калатепе и вдоль русла Гяурарха (1929), а также в районе Горадиз и Эфетли (1927) были обнаружены кувшинные погребения. В дальнейшем над изучением кувшинных погребений работали А.Алекперов и Е.А.Пахомов. Имеются сведения не только о кувшинных, но и ванночных (в саркофагах) и грунтовых погребениях (1938). В другой статье (1939) отмечаются калагяхские городища, синхронные кувшинным и ванночным погребениям. Кувшинные погребения были исследованы Б.А.Куфтиным и Я.И.Гуммелем (1938): подчеркивается близость кувшинных погребений Ханкенди грунтовым погребениям типа Ялойлутепе и сырцовым гробницам. Т.С.Пассек в Муганской степи южнее Аракса обнаружила некрополь (по автору, все три типа погребений); подчеркивается преемственность форм, техники и орнамента. Впервые А.А.Ивашенко попытался дать картину распространения культуры кувшинных погребений на территории Восточного Закавказья, а А.Н.Калантадзе утверждал, что кувшинные погребения (наряду с кирпично-черепичными, каменными ящиками и саркофагами) отражают период рабовладельческих отношений (1949). Во многих работах С.М.Казиев исследует вопросы общественно-экономиче-

ского строя, религии, культурных связей, ремесла и одежды (1948 — 1952, 1958). В статьях, написанных вместе с Г.А.Аслановым и Т.И.Голубкиной, изложен материал о вооружении, связях и общественном строе (1949, 1951).

Кувшинными погребениями занималась Т.И.Голубкина (1947, 1950, 1952, 1981). Самой большой ее работой является монография, представляющая сводный труд по археологическим изысканиям кувшинных погребений Азербайджана.

Сравнивая синхронные памятники, Г.И.Ионе констатирует наличие могильников, одновременных кувшинным, но отличающихся от них устройством, погребальными вещами, обрядом захоронения и т.д. Кувшинные погребения Мингечаура и Восточной Грузии близки, а о контактах говорят аршакидские монеты из кувшинных погребений Мингечаура и Самтавро (1948). В свете социальной дифференциации Г.И.Ионе попытался выделить несколько кувшинных погребений (1955). Весьма интересны мингечаурские обжигательные печи, синхронные периоду кувшинных погребений (1948, 1949, 1951, 1958). Ценные данные о растительности Албании содержатся в трудах В.А.Петрова (1949 и др.). Результатам раскопок во Мцхета посвящена работа Г.А.Ломтадзе (1955). Кувшинные погребения Восточной Грузии в противоположность А.А.Иващенко связываются с кувшинными погребениями Колхиды. Некрополи кувшинных погребений обнаружены и у дороги в Гиндарх (1959), а также недалеко от Шемахи (1961). В статье (1959) о парном кувшинном погребении приводятся орудия труда, украшения и керамика. По автору, обряд имел широкое распространение в Азербайджане со II в. до н.э. по I в. н.э. Сравниваются парные кувшинные захоронения Мингечаура и Самтавро. Результатам раскопок кувшинных погребений Мингечаура посвящен составленный С.М.Казиевым альбом (1960).

До сих пор ни в одной из работ не прибегали к широким обобщениям в связи с культурой кувшинных погребений Азербайджана и его соседей. В новой статье Т.И.Голубкина опровергает гипотезу о западном происхождении захоронений в кувшинах. Зону распространения кувшинных погребений ученый связывает с территорией Азербайджана, откуда эта культура, по ее мнению, двигалась в Грузию и Армению. Известные данные о культуре кувшинных погребений Азербайджана нашли отражение в другой работе Т.И.Голубкиной (1962), а вопрос об ориентирах — в работе (1965) Р.М.Ваидова. Обнаруживаются новые археологические памятники около Гянджи (1965). Вопросы связей между Албанией и Атропатеной, с одной стороны, и странами Востока — с другой, по своему решаются в результате археологических раскопок (1966,

1967) на территории Азербайджана. Обнаружены раннесредневековые кувшинные погребения, имеются монеты VI — VII вв. (1973). Обнаруживаются кувшинные погребения на Мугани (1975); для сравнения интересны кувшинные погребения Нахичевани, относимые к IV — II вв. до н.э. (1976). В одной из последних статей (1979) Т.И.Голубкина пишет: кувшинные погребения были распространены у кавказских албанцев, у племени гаргар, здесь же затрагивается вопрос о широком влиянии античности на культуру кувшинных погребений Азербайджана. Связи Албании с западом оказали значительное воздействие на албанское общество и обогатили культуру местного населения.

Источником по античной Албании являются сырцовые гробницы, впервые выявленные Г.О.Розендорфом между Гянджой и Ханларом (бывший Еленендорф). Некрополь состоял из курганов эпохи бронзы с более поздними впускными погребениями из сырцовых плит (1908). Утверждается, что носители культуры гробниц новые пришельцы, покорившие местное население, что ясно из нахождения в их гробах рабов. Часть керамики, а также некоторые украшения из гробниц, раскопанных Г.О.Розендорфом, опубликованы Т.С.Пассек в связи с джафарханским некрополем (1946). Судя по делу Археологической комиссии и опубликованной работе (1905, 1906), В.А.Скиндер при раскопках проявил излишнюю торопливость, гробницы вскрывались с вредной для дела поспешностью (всего 6 сырцовых гробниц), а керамика и другие предметы были опубликованы несколько лет спустя А.Спициным. Через 34 года после В.А.Скиндера на этом же некрополе в 1937 году Я.И.Гуммель раскопал 8 сырцовых гробниц, почти не отличавшихся от ранее выявленных. Тщательность описания, присущая Я.И.Гуммелю, отличает его от предшественников. В погребениях оказались две парфянские монеты. Уделяя внимание датировке, автор касается вопроса об изделиях и архитектуре погребений. Раскопки продолжались в 1938 г. О характере работ сообщается в сохранившейся рукописи автора. Западнее Ханлара выявлены впускные погребения начала нашей эры. Вопросы сырцовых гробниц коснулись также в своих работах О.Ш.Исмизаде (1956), Т.С.Пассек и Б.Латынин (1926) и отдельно Т.С.Пассек (1946); их отмечал и Е.А.Пахомов (1926). В 1973 г. были опубликованы сырцовые погребения, раскопанные Я.И.Гуммелем в 1938 г.

К числу источников, освещающих вопросы истории, относятся погребения в катакомбах. В погребальных камерах обнаружены большие кувшины и срубы, найдены редко встречающиеся остатки кожи, рогожи, металлическая посуда (из бронзы, серебра). Поздние катакомбные погребения сохранили изделия из дерева.

Многие предметы материальной культуры связывают катакомбные погребения с местными культурными традициями. Нередко раскопки велись без учета особенностей катакомбы. Так, некоторые из погребений, относимые к кувшинным или срубным, являлись катакомбными, т.е. являлись помещенными в катакомбу кувшинами или срубами. Имеются статьи по ванночному погребению или погребению в глиняном саркофаге (у Моллаисаклы, 1973). По словам автора, эти погребения были связаны с обрядами определенного племени Кавказской Албании или группы населения.

Источником служат монеты античного времени, иллюстрирующие уровень экономики и торговых связей. В статье о ремесле в Албании О.Ш.Исмизаде подробно останавливается на вопросах производства ювелирных изделий, иногда со сложным рисунком на поверхности украшений путем литья в формах, чеканки и штамповки (1973); тот же автор рассказывает об обнаруженной недалеко от Кабалы глиняной статуэтке (1973). Раскопками выявлено значительное количество стеклянных изделий. Этому вопросу посвящена работа А.Б.Нуриева (1976).

Вопросы градостроительства и архитектуры древней Албании начали привлекать внимание исследователей главным образом в последнее время. И.Бабаев рассматривает вопросы албанской черепицы (1974), являющейся источником и для освещения социально-экономических вопросов. В его другой статье (1977) подведены итоги многолетних раскопок одного из зданий, имевшего общественное назначение; освещаются особенности строительной техники, деревянных и каменных баз, определяется высота постройки и тем самым как бы реконструируется сооружение двухтысячелетней давности; в одной из статей (1979) дается обзор раскопок: выявлены остатки зданий, черепиц, каменных баз; обнаружены буллы с оттисками, монеты, грунтовые и кувшинные погребения. Раскопки показывают: Кабала была крупным административным, культурным и экономическим центром Албании. Один из авторов (1979) выясняет процессы взаимодействия в градостроительстве и архитектуре между двумя областями древнего Закавказья (Арменией и Албанией Кавказской) и Парфией; эти страны были близки в политическом и социально-экономическом отношении, близость должна быть и в культуре этих стран. По автору, сравнительно с Парфией и Арменией несколько позже в Восточном Закавказье образовалось другое государство — Кавказская Албания. В отличие от Армении и Парфии, где строительство городов осуществлялось царями, в Албании города, по выражению автора, возникали стихийно. Сырцовые кирпичи (44 x 45 x 13 см) служат основным материалом в архитектуре Парфии.

В отношении планировки много общего между зданием в Кабале, с одной стороны, и культовыми комплексами Новой Нисы и храмом Бела в Хатре — с другой.

Еще одно вещественное доказательство связей между странами — античные геммы, обнаруженные на изучаемой территории. До недавнего времени стекло древнего Азербайджана исследовалось эпизодически. Теперь этой теме посвящен ряд статей, освещающих вопросы производства или связей с центрами производства Сирии, Финикии и др. Ретроспективный материал в изучении античной Албании играет определенную роль. Так, в своей книге (1961) Р.М.Ваидов исследует храмы, торговлю, ремесла и другие стороны жизни населения древнего Мингечаура. К числу материалов, проливающих свет на этнические особенности, относятся антропологические данные. Этому посвящены несколько работ Р.М.Касимовой (1956, 1960, 1975).

К числу эпиграфических памятников античной Албании относятся надписи: латинская (I в.), в которой говорится об одном из отрядов римских войск XII легиона, и греческая (II в.), найденная в Беюк-дехна Шекинского района. Работа Дж.Халилова (1974) отражает вопросы материальной культуры от IV в. до н.э. до III в. н.э. включительно. Автор исследует вопросы поселений и погребальных обрядов, изучаются орудия труда, керамика, стекло, посуда из металла, оружие, а также монеты, геммы, различные украшения. Согласно автору, можно говорить только о единой на всей территории Албании археологической культуре.

Он затрагивает вопросы хозяйства, ремесел, торговли, общественного строя и духовной культуры. Привлекает внимание и этническая интерпретация памятников: грунтовые погребения принадлежат автохтонному населению Албании; ванночные — характерны для центральной части Албании и относятся к одной из этнических общностей Албании; по автору, полное или частичное отнесение катакомбных погребений к аланскому этносу бездоказательно.

В статье Дж.Халилова и И.Бабаева о городах древней Албании (1974) приводятся сведения античных авторов о полисах и археологический материал о Кабале, Шемахе, Мингечауре, Самухе, Тазакенде, а также городищ Дагестана. Согласно авторам, эти города были административными и ремесленно-торговыми центрами, где высокого уровня достигло денежное обращение.

В археологическом отношении малоисследованным остается северо-восточный район Азербайджана. Представляет интерес материал из селения Гиль (Кусарский район). В вышедшей на немецком языке работе о древней Шемахе (1978) Дж.Халилов знакомит читателя с имеющимися в археологической литературе

материалами. Автор возвращается к теме античной Шемахи в другой статье (1979): в III в. до н.э. возникает город, во II в. до н.э. здесь на развалинах возводится некрополь, а город — на новом месте (второе напластование — II в. до н.э. — III в.н.э.); упоминаются ямные (IV — II вв. до н.э.), грунтовые (IV в. до н.э. — VII в.н.э.) и кувшинные погребения (рубеж нашей эры — VII в.)

Древнеалбанские украшения долго не являлись объектом специального исследования. В одной статье А.А.Карахмедовой (1974) подчеркивается особенность серег; а уже в другой (1975) предметы изучаются по семантическим мотивам, связанным с религией. В автореферате (1978) обращается внимание на бусы как на источник по экономике, анализируются импортные многогранники, скарабеоиды и сирийские медальоны. Исследуемый материал делится на 3 периода: эллинистический (IV — III вв. до н.э.), аршакидский (II — I вв. до н.э.) и последний третий, интересный связями с римским миром.

Изучая генезис типов и форм керамики, Н.И.Рзаев в одной из статей (1961) делит памятники искусства Албании на 2 периода: другая — посвящена особому виду керамики — зооморфным сосудам (1961). В книге того же автора (1964) рассматриваются конструктивный и декоративный орнаменты, фигурная керамика. Он же коснулся этногенетических вопросов (1965) и памятников древней скульптуры (1966). В большой работе Н.И.Рзаев подробно разбирает формы и орнамент албанской керамики, отмечает вопросы торевтики и ювелирного дела; приводятся образцы художественного стекла, резьбы по камню, кости и дереву; представляет интерес изучение рельефов, глиняных статуэток и, наконец, каменных баб (1976). Оружие, применяемое древними албанскими воинами, специально изучено А.А.Алиевым (1975 — 1981). Автор подробно останавливается на отдельных вопросах военного дела по письменным источникам и археологическому материалу, проливающим свет на типы оборонительного и наступательного оружия. Впервые прослежены антропологические изображения в искусстве античной Албании по памятникам скульптуры, ювелирным изделиям и глиняной посуде (объемные, рельефные и графические) в статье С.М.Назировой (1979).

Одна из первых обратила внимание на памятники торевтики К.В.Тревер. Этой же теме посвящены статьи о серебряных фиалах из Мингечаура и Рустова, Карамарьям и Хыныслы, а также о серебряной вазе из Торпаккалы, попавших в Албанию из Европы в I — III вв. (1979). Статья К.О.Кошкарлы (1979) посвящена мингечаурским и рустовским серебряным фиалам, являвшимся предметами античного импорта; его книга "Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана" посвящена этим

вопросам (1985).

Сравнительное изучение сообщений античных авторов, освещающих наиболее полно именно события изучаемого времени, и археологического материала, добытого в основном за последние десятилетия, имеют свои трудности: древние авторы главным образом освещают одну часть исторических явлений, археология — другую, но в общем и целом источники взаимодополняют друг друга.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

После крушения ахеменидской державы территория будущей Албании попала под влияние эллинистических государств. В Восточное Закавказье устремилось большое количество ремесленников и торговцев, усилился обмен между Грецией и странами Востока. Этот процесс отразился на здешних миках, каспиях и утиях. Курций Руф упоминает анонимные племена (IV, 12, 9), а Арриан сообщает об Атропате, который предводительствовал мидийцами, а также кадусиями, албанами и сакасидами (III, 8, 4). Если сопоставить ретроспективный список помогавших Дарию III, то нужно отметить мидийцев-атропатенов, каспиев с их четырехколесными колесницами, кадусиев, а также сакашенов и впервые уязвимых с событиями IV в. до н.э. албанов.

Согласно И.М.Дьяконову, Атропату было легко заняться подчинением кадусиев, албанов и сакашенов, ибо Восточное Закавказье издревле могло принадлежать мидийцам. Именно к этому времени относят появление зачатков государственности на территории Албании.

В начале II в. до н.э. Парфия оставалась еще небольшим государством и только в период правления Митридата I (170 — 139 гг. до н.э.) парфяне могли захватить Атропату и Албанию. Так, согласно Помпею Трогу, Митридат I победил мидийцев и элимеев, “подчинив своей власти множество народов, распространил господство парфян от Кавказских гор до реки Евфрата” (41, 6).

Начавшееся новое движение скотоводов на запад существенно отразилось на некоторых областях молодого Парфянского государства. Пришлые сакские племена начали оседать на территории Парфии. По-видимому, процесс оседания происходил не только в восточных, но и в западных частях Парфянского государства вплоть до Кавказской Албании включительно.

Парфянский царь Митридат II (124 — 88 гг. до н.э.) заставил номадов, осевших на новой родине, признать свое верховенство и приступил к покорению отпавших западных областей, а также обуздал Артавазда, распространившего свою власть на ряд погра-

ничных с Арменией районов, взяв в заложники его сына или племянника Тиграна.

Через некоторое время Артавазд был заменен Тиграном II (95 — 55 гг. до н.э.) — новым царем Армении, ставленником парфянского царя Митридата II. Страбон рассказывает, что “Тигран был потомком Артаксия и владел собственной Арменией — она граничила с Мидией и (территорией) албанов и иберов до Колхиды и Каппадокии, что при Понте Евксинском...” (XI, 14, 15). Далее Страбон рассказывает, что Тиграном были опустошены “области около Нина и Арбел. Далее он покорил властителей Атропатены” (XI, 14, 15) и других соседних стран. М.М. Дьяконов предполагает, что Мидия Атропатена только на короткий срок подчинилась Тиграну. Г.Г. Кешеленко также думает, что власть армянского царя в Атропатене не была длительной.

На парфянском престоле один за другим появляются Ород I (80 — 78 гг. до н.э.) и Синатрук (77 — 70 гг. до н.э.). На борьбу с Митридатом VI Эвпатором были отправлены М. Аврелий Котта и Л. Лициний Лукулл. Вскоре Котта был разбит, а Лукулл вышел на берега Черного моря. Столкновение с Тиграном II было неминуемо. По словам Плутарха, армянскому царю помогали многие соседние страны, в том числе мидийцы и албаны. Согласно представлению, войско Тиграна II состояло из подчиненных вассальных царств и княжеств. К.В. Трвер считает, что вассальными являлись только страны кардуенов и адиабенов, а албачы, иберы и атропатены были независимы от Тиграна II. Армянский царь обратился к Фраату III (70 — 58 гг. до н.э.) с посланием. Естественно, парфянский царь предпочел сохранить нейтралитет.

Лукулл начал военные действия в Армении в 69 г. до н.э. и победил противника у Тигранокерта. Это привело к освобождению Атропатены и ряда других стран. Центробежные тенденции Кавказской Албании усиливаются, страна начинает приобретать твердую политическую самостоятельность.

Продолжать дело Лукулла выпало на долю молодого римского полководца Гнея Помпея. Расположенные на северо-востоке от Армении Атропатена и Кавказская Албания занимали особое место в планах римских завоевателей. Представители Рима смотрели на Атропатену как на страну, служащую посредником, через которую можно осуществить торговые связи со странами Востока: Китаем и Индией. Задерживаясь в Армении не имело смысла. Римский полководец продолжил военный поход “по территории населения, обитавшего у Кавказа, против военных сил Митридата. Самые многочисленные среди них — албаны и иберы...” (Плутарх, Помпей, 34). О столкновении Помпея с албанами рассказывают Страбон и Дюла Кассий.

Преследуя понтийского царя Митридата VI Эвпатора, римские войска встретили отчаянное сопротивление местного населения, поднявшегося в 65 г. до н.э. на борьбу с завоевателями. Албанами руководил базилевс Оройс и его брат Косис. В борьбе с чужеземцами албанам помогали и кочевники. Если сообщение Плутарха о кочевом населении, жившем у Аракса, страдает отсутствием прямых данных о принципах политической ориентации кочевников, то указание Страбона позволяет утверждать, что скотоводческое население играло значительную роль в судьбах Кавказской Албании. И если кочевники, признавшие еще Митридата II, подчинялись парфянам, то тут явно видна роль хранившего нейтралитет парфянского царя Фраата III. По сообщению Помпея Трога, “парфяне, которые, как бы поделив весь мир между собой и римлянами, в настоящее время держат власть над востоком...” (41, 1).

Военные действия на Востоке изменили политическую карту. Под власть Рима попала Малая Азия, восточную часть которой занимали слабые страны. Армения была побеждена Римом, а албаны считались друзьями и союзниками римлян. После Фраата III царями парфянской державы были объявлены Митридат III (57 — 55 гг. до н.э.) и Ород II (58 — 39 гг. до н.э.).

Разгром Митридата VI Эвпатора открыл дорогу на Восток. Однако весной 54 г. до н.э. продолжатель дела Лукулла и Помпея Марк Красс попал в плен к парфянам и был умерщвлен, а римские легионы уничтожены. Около десяти лет спустя в Риме снова началась подготовка к большому походу на Восток. Однако с убийством Цезаря поход не состоялся. По-видимому, в это время Албания не зависела от Рима и могла проводить свою политику.

После отречения от власти Орода II царем Парфии стал один из его многочисленных сыновей Фраат IV (40 — 3 гг. до н.э.). Перейдя Зевгму, римский полководец Марк Антоний в 36 г. до н.э. прибыл в Армению, где встретился с Артабасдом Армянским, а оттуда напал на Атропатену. Войско Фраата IV было сосредоточено в Северной Месопотамии. Сюда же прибыла конница Артабасда — базилевса Атропатены. Римская армия разделилась на две части: одна осталась с обозом, другая окружила город Фраату. Парфяне использовали свое преимущество, уничтожили обоз и осадные машины противника, а Артавазд ушел обратно в Армению. При сложившихся обстоятельствах Марку Антонию ничего не оставалось как воспользоваться согласием Фраата IV, чтобы в целостности и сохранности уйти из Атропатены.

Близкий сподвижник Марка Антония, один из начальников тяжелой пехоты Публий Канидий Красс принимал активное участие в походе на Албанию. Весьма интересно сведение Страбона о пути, по которому Канидий двигался в Албанию. Это тот же мар-

шрут, по которому в свое время шел Помпей (XI, 3, 5). Согласно сообщению Плутарха, один из полководцев Антония “Канидий, оставленный им в Армении, победил этих (армян), а также басилевсов иберов и албанов, дошел до Кавказа” (Антоний, 34). Дион Кассий также упоминает Канидия. Так, “в оставшуюся часть зимы, в консульство Геллия и Нервы Публий Канидий Красс, совершив военный поход против иберов, победил в бою их басилевса Фарнабаза, привлек его к союзу и, напав вместе с ним на соседнюю Албанию, обошелся с ними таким вот образом, победив их басилевса Зобера” (49, 24).

Когда же Публий Канидий Красс столкнулся с албанами? Т.Момсен поход Канидия относит к периоду, предшествовавшему походу Антония в Атропатену. К.В.Тревер высказывает предположение, что поход Канидия предшествовал походу Антония. По мнению А.Г.Бокшанина, Канидий громил иберов и албанов еще до парфянского похода. Между тем, из упомянутого отрывка, взятого у Диона Кассия, явствует, что Канидий действовал “в остальную часть зимы”, что совпадает с концом 36 или началом 35 г. до н.э. Желая подчинить Парфию, Антоний позднее “все-таки посетил Мидию, заключил с царем (Артабасдом Мидийским) дружественный договор, помолвил его одну дочь, еще совсем маленькую, за одного из сыновей Клеопатры и возвратился назад...” (Плутарх, Антоний, 53).

В 30 г. до н.э. Октавиан овладел Египтом, Антоний и Клеопатра покончили жизнь самоубийством. О политической ситуации, сложившейся в Албании, позволяет судить Анкирская надпись, в которой от имени римского императора Августа (27 г. до н.э. — 14 г. н.э.) говорится, что “дружбу просили через послов... цари албанов, иберов и мидийцев” (В.В.Латышев, Известия, II, с.41).

В последние годы I в. до н.э. в Парфии наблюдается династический кризис. По сообщению Страбона, в это время многие страны “перешли под власть римлян и назначенных ими властителей. Что касается армян и народностей, которые обитают над Колхидой (албанцев и иберов), то для тех достаточно только присутствия намеченных заместников, так как они превосходно подчиняются власти римлян. Впрочем, когда римляне заняты другими делами, они поднимают восстания... (парфяне) весьма могущественны, тем не менее настолько склонились перед превосходством римлян и их современных правителей, что не только отослали в Рим трофеи, некогда поставленные ими в знак победы над римлянами, но — больше того — Фраат даже вверил Августу Цезарю своих детей и детей своих детей, почтительно обеспечив выдачей заложников “дружбу” с Августом. Теперь парфяне даже часто приходят в Рим просить себе царя и почти что готовы уступить все свое мо-

гущество римлянам" (VI, 4, 2). Фраат IV погибает от руки своего сына от рабыни Фраатака или Фраата V (3 в. до н.э. — 3 в. н.э.).

Начало I в. н.э. отмечено более интенсивными отношениями между римлянами и народами Южного Кавказа, тогда как положение на территории Парфии в это время было характерно растущим антиримским движением. Согласно представлениям географов и историков того времени, мир был разделен на две части: одной владела Римская империя, другой — Парфянская держава.

После Орода III (4 — 7 вв. н.э.) царем Парфии был провозглашен один из находившихся в Риме сыновей Фраата IV Вонон I (7 — 12 гг.). Новый царь, проживший большую часть жизни в Риме, носил греческое платье, пользовался носилками и не любил восточных пиров. Это не нравилось парфянам. Против Вонона выступил правитель Мидии и зять Фраата IV Артабан II (10 — 38 гг.). По этому поводу Иосиф Флавий сообщает, что парфяне "призвали на царство мидийского правителя Артабана, происходившего из рода аршакидов" (18, 2, 4) Вонон отдался под покровительство претора Сирии Кретики Силана, затем он попал в Киликию, а там "подкупил стражу и пытался бежать в Армению, потом к албанам, гениохам, (а оттуда) к родственному себе рексу скифов" (Тацит, *Анналы*, 2, 68). Вслед за Т.Момсеном Я.А.Манандян полагает, что Вонон собирался бежать к аланам, а не к албанам, как об этом сообщает Тацит. В связи с неудачной критикой Тацита К.В.Тревер отмечает, что точка зрения Момсена и Манандяна не выдерживает критики постольку, поскольку из Армении непосредственно к аланам Вонон никак попасть не мог.

Римляне продолжали пользоваться услугами кавказских народов, обитавших по соседству с Парфией. Царь Артабан II вступил в непосредственную войну с албанами и иберами. В это время Албания находилась в союзнических отношениях с Иберией, придерживающейся проримской ориентации. Эта тенденция началась, по-видимому, со времени Оройса Албанского и его брата Косиса и продолжалась не только при Зобере, но и в более поздние времена.

Иосиф Флавий рассказывает, что император Тиберий (14 — 37 гг.) "отправил значительные денежные подарки басилевсам иберов и албанов, убеждая их немедленно начать войну с Артабаном. Но (иберы и албаны) сами не согласились (воевать), а напустили на Артабана скифов, предоставив им свободный поход через свои (земли), открыв Каспийские ворота. Таким образом, (Артабан) вновь лишился Армении, земля парфян служила ареной войны, наиболее влиятельные лица были убиты, все у них было опустошено, сын царя пал со многими мириадами войска в одной из битв..." (18, 3, 4)

После Артабана II началась борьба за престол между сыновьями Вонона, посаженного на мидийский престол в свое время самим Артабаном. Парфянский трон закрепил за собой сын мидийского царя Вонона Готарз II (43 — 50 гг.). После него парфянским властелином стал его сын Вологез I (50 — 76 гг.), который, согласно Иосифу Флавию, “отдал область мидийскую старшему брату Пакору, а Армении — младшему брату Тиридату” (19, 3, 4).

Летом 58 г. римский полководец Корбулон победоносно прошел по Армении, а в 60 г. Артаксата была сожжена, “разрушена до основания и сравнена с землей” (Тацит, *Анналы*, 13, 41). Еще до этого Тиридат “двинулся в дальний поход то ли в страну мидийцев, то ли к албанам...” (Тацит, *Анналы*, 13, 41). К этому времени римские легионы были разделены на группы: одна была основана в Сирии (III Галлика, VI Феррата и X Френтенсис), другая — в Армении (IV Скифика и XII Фульмината).

Вологез I и его брат Тиридат снова предложили римлянам мирные переговоры, в результате которых состоялась встреча римского военачальника и Тиридата. Стоявшие у алтаря с изображением Нерона римляне и парфяне были свидетелями того, как Тиридат согласно договоренности сложил с себя знаки царского достоинства с тем, чтобы получить их в Риме. В столице империи Нерон возложил царскую диадему на голову коленапреклоненного Тиридата, признав тем самым власть парфянского ставленника.

Как и в предшествующие годы активизируются кочевники. Так, по сообщению Иосифа Флавия, аланы напали на Мидию, “стали опустошать многолюдную и богатую скотом страну” (VII, 7, 4). Автор IV в. Амбросий рассказывает, что нашествие аланов не избежала и Армения, царь которой Тиридат, желая дать отпор аланам “чуть было не попал в плен от сброшенной петли...” (В.В.Латышев, II, с.351 и др.). Другой брат Вологеза I Пакор убежал в недоступную местность, выжидая ухода кочевников.

Мирные отношения между Римом и Парфией отнюдь не означали, что римляне перестали думать о захвате Переднего Востока. Наличие надписи у горы Беюк-Даш является свидетельством того, что одному из командиров центурии легиона XII Фульмината, до этого находившегося в Армении, удалось добраться до берегов Каспия. Хронологические рамки появления римских легионеров на берегу Каспия определяются временем от 84 до 96 года.

Конец I в. ознаменован разложением огромного Парфянского царства, соревновавшегося с Римом в политическом, экономическом и культурном влиянии на Малую Азию и Кавказ. Об этом свидетельствуют возникавшие тогда династические распри, следствием чего явилось появление самостоятельных мелких образо-

ваний, часто по своему усмотрению выбиравших ту или иную ориентацию. К числу таких образований относилась и античная Кавказская Албания.

В Риме императором стал Траян (98 — 117 гг.). Фест сообщает, что “албанам (он) дал рекса, иберов... (и другие народы) принял в римское подданство” (В.В.Латышев, Известия, II, с.293). Из приведенного отрывка явствует, что Рим дал свое согласие на правление Албанией одним из местных басилевсов, имя которого источники не сохранили.

При следующем римском императоре Адриане (117 — 138 гг.) римляне не смогли удержать завоеванных на Востоке земель. Согласно сообщению Элия Спартиана, Адриан “с парфянами был всегда в дружбе... с албанами и иберами имел самые дружественные отношения, так как их рексов он щедро одаривал, хотя они отказывались прибыть к нему” (I, 20, 24).

Дион Кассий оставил интересные сведения о событиях, происходивших в первой половине II в.н.э. как на территории Южного Кавказа, так и в Малой Азии. Сообщается, что около 133 г. “кончилась иудейская война. Другая — была начата Фарасманом (из земли) албанов, ведущих (свой род) от массагетов. Война сильно потрясла Мидию, коснулась также Армении и Каппадокии, и окончилась потому, что албаны, с одной стороны, были подкуплены дарами Вологеза, а с другой — побаивались правителя Каппадокии Флавия Арриана” (49, 15). В приведенном отрывке все три лица являлись современниками. Речь идет о парфянском царе Вологезе III (111 — 146 гг.) и писателе Арриане, управляющем Каппадокией в 130 — 136 гг.

После смерти Антонина Пия (138 — 161 гг.) положение римлян было тяжелым: с севера на империю напирала германские племена, с востока — парфяне. Что же касается Парфии, то после смерти Вологеза III некогда могучая держава находилась на краю гибели. Распри и войны обескровили Парфию. В 224 г. Арташир сын Папака побеждает парфянского царя Артабана V, став во главе огромного Сасанидского государства. В этом отношении интересно упоминание Албании в надписи царя Шапура I (240 — 270 гг.) на Каабе Зороастра в составе нового Персидского царства.

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Сведения о границах древней Кавказской Албании вызывали различные толкования из-за фрагментарности и часто неконкретности сообщений античных писателей. Первое большое исследование, посвященное географическому положению страны, принадлежит А.Яновскому. Согласно его точке зрения территория Албании охватывала бассейн реки Алазани, области Шеки и Ширван. И.Маркварт Албанию помещал между хребтами Большого Кавказа и рекой Курой. С.В.Юшков, а затем и В.Н.Левинатов полагали, что весь Дагестан до реки Терек входил в состав Албании. Этой же точки зрения придерживались авторы "Истории Азербайджана". В "Очерках истории Дагестана" река Соана отождествляется с рекой Сулаком. Говоря о границах. С.Т.Еремян писал, что до распада Армении в 387 г. албанское царство было расположено на левобережье Куры, начиная от среднего течения реки Иори и Алазани до Ахсу. О.В.Кудрявцев полагает, что с середины I в.до н.э. Албания уменьшается в размерах и что границей между Арменией и Албанией становится река Кура. В.Ф.Минорский приписывает Птолемею высказывание о том, что Албания охватывала "весь район Каспийского побережья, теперь называемый Дагестаном". В "Истории Дагестана" говорится, что временами границы Албании проходили "выше левобережья р.Куры и Аракса", а в годы кризиса Албания занимала часть Кура-Аракского междуречья; страна граничила с Сарматией, включая значительные районы Дагестана примерно по линии реки Сулак. А.Ш.Мнацаканян включает в "восточный край Армении" все куринское правобережье Албании, так что до 370 г. именно Кура и являлась пограничной между Арменией и Агванком. Несколько иначе, чем упомянутые авторы, этот вопрос разбирали в свое время В.Томашек и Б.Дорн, усматривая территорию древней Албании между Алазани и Каспийским морем, с одной стороны, и сарматскими степями и древней Каспианой — с другой. В этом отношении интересна статья А.Е.Крымского, который полагал, что земли, населенные албанами, локализуются на обо-

их берегах Куры, от Иберии до Каспийского моря. К.В.Тревер также придерживается точки зрения, что древнеалбанские племена населяли территорию по среднему и нижнему течению Куры до Каспианы включительно.

Из сказанного видно, что существует путаница в высказываниях по поводу территории античной Албании вообще и о ее границах в частности. Для уточнения пределов древнеалбанских племен обратимся к сообщениям античных авторов. Страбон утверждает, что “главным образом современные (авторы) могут рассказать кое-что о (народах) Кавказа: об албанах и иберах” (II, 5, 12). Желая подчеркнуть место аборигенов среди кавказского населения, древний географ пишет, что “прочие народности, живущие около Кавказа занимают скудные и незначительные пространства земли; напротив, албанские и иберийские племена, которые как раз занимают большую часть вышеупомянутого перешейка, можно, пожалуй, также назвать кавказскими...” (XI, 2, 19). По сообщению Страбона, области, расположенные между Европой и Азией, ограничиваются на востоке Каспийским морем “вплоть до пределов Албании и Армении, где (в море) изливаются реки Кюр и Аракс; (из них) последняя протекает через Армению, а Кюр — через Иберию и Албанию. Сюда (эти области ограничены пространством) от устья Кюра до Колхиды (на расстоянии) около трех тысяч стадиев от моря через (территорию) албанов и иберов, так что она имеет вид перешейка” (XI, 1, 5). Обращает на себя внимание. Аракс течет по Армении, а Кура — через Иберию и Албанию; кроме того, здесь упоминается Кавказский перешеек с обозначением его длины от Колхиды до устья реки Куры опять-таки в связи с албанами и иберами.

В другом месте Страбон сообщает, что “Кюр, который течет по Албании, а также другие реки, пополняющие его (воды), увеличивают плодородие почвы...” (XI, 4, 2). Куру относительно территории Албании упоминали и другие античные писатели. Плиний пишет, что албанское “племя расселено по горам близ реки Кюр, и, как сказано, (пределы этого племени соответственно) ограничиваются Арменией и Иберией... По Албании текут в море реки Кас и Албан, потом Камбюс, (начало берущий) в Кавказских горах, затем Кюр, (начинающийся) в Кораксийских (горах)” (VI, 39). Начиная с того, что “теперь будут упомянуты жители, (живущие) в соседстве с (обитателями) Армении” (VI, 28), Плиний продолжает: “вплоть до всей равнины (реки) Кюр владеет землями племя албанов. потом иберов, их разделяет река Оказан, текущая в Кюр с Кавказских гор” (VI, 29). Вне связи с предыдущим фрагментом этого отрывка В.В.Латышев переводит так: “всю равнину, (начиная) от реки Кира, заселяет племя албанцев, а

затем — иберов, которые отделены от первых рекою Оказаном, текущею с Кавказских гор в р. Кир”. Такой перевод создает иллюзию, что албаны заселяли территорию, начиная от реки Куры. Между тем в связи с контекстом этот отрывок ясно показывает, что албанские и иберские племена обитали “вплоть до всей равнины (реки) Кюр” на территории, расположенной только на севере от пределов Армении — отправного пункта в описании и албанов и иберов. Наряду с этим имеется и другое сообщение, противоречащее предшествующему описанию территории албанов. Согласно Страбону, в средней части Иберии находится равнина, по которой течет река Кура и “по узкой речной равнине изливается в Албанию. (Кюр течением) многоводным проносится между нею и Арменией по равнинам, изобилующим пастбищами, и, приняв множество рек, из которых (приводятся) Алазони, Сандобан, Ройтак и Хан — все судоходные, впадают в Каспийское море” (XI, 3, 2). Очевидно, река Кура определенной частью протекала по территории Албании, а потом “между нею и Арменией” и, приняв много притоков, впадала в Каспий. С одной стороны, мы имеем сообщение о том, что Кура протекает по Албании, с другой — одно сообщение, где говорится одновременно и о том, что река Кура “вливается в Албанию” и о том, что она “проносится между нею и Арменией”. Подобных противоречий у Страбона немало. Выше говорилось, что, согласно древнему географу, албаны обитают на территории “между иберами и Каспийским морем”; с севера граница проходит по Кавказу и Кераунским горам, на юге же к Албании примыкает Армения (XI, 4, 1). Описание Албании с географическими подробностями соответствует ее орографическому описанию у Плиния, следовательно, речь идет об одной и той же территории. Данные Страбона и Плиния подкрепляются другим историком древности — Плутархом. Из приведенных сообщений явствует, что этническое ядро древних албанских племен следует локализовать именно на левобережье и правобережье реки Куры, т.е. страна древних албанов географически соответствовала территории Восточного Кавказа. Лаконичные сообщения античных авторов являются общей отправной точкой зрения на территорию, где обитали древние албаны.

Работы античных авторов содержат не только важные сведения о территории расселения албанов, но и служат основными источниками в вопросе о северных границах страны. Говоря о Кавказе, Страбон сообщает, что “эта гора возвышается над обоими морями — Понтийским и Каспийским, разделяя их и перегораживая перешеек. (Таким образом, Кавказ) отделяет с юга Албанию и Иберию, а с севера — Сарматские равнины” (XI, 2, 15). Кавказ тянется от Понтийского, т.е. Черного моря, до Каспия, отделяя степные

пространства Сарматии от Иберии и Албании. Из этого отрывка также ясно, что не вся горная зона Кавказа входила в состав Албании; в одно и то же время Кавказ являлся огромной стеной между степями на севере и странами Кавказа на юге. В другом месте Страбон пишет, что “наивысшие (горные хребты) подлинного Кавказа являются самыми южными, (сопредельными) с Албанией, Иберией, а также (с территориями) колхов и гениохов” (XI, 5, 6). Приведенный отрывок показывает, что Кавказские горы особенно высоки в южной части горного царства, т.е. в тех местах, где примыкают к Албании, Иберии и т.д. Если сопоставить эти сведения Страбона с данными орографии, то будет понятно, что пределы античной Албании простирались ненамного севернее Большого Кавказского хребта, где сосредоточено много гор, покрытых вечными снегами. К ним относятся Шахдаг (4250 м) и Базардюзю (4480 м).

В связи с северными пределами не менее важен вопрос о северо-западных пределах территории. Описывая границы Албании, Страбон указывает, что албаны “на западе граничат с иберами” (XI, 4, 1). Из другого отрывка видно, что на запад от албанов на той же равнине реки Куры обитали те же иберы (XI, 3, 3), населявшие, по-видимому, и долину реки Арагви (XI, 3, 2). Чтобы попасть из Албании в Иберию, нужно было пройти по высеченной в скалах тропинке, потом через болото у берегов Алазани, о чем пишет Страбон: “проход из Албании сначала представляет собой высеченную в скалах (дорогу). Затем (путь идет) через болото, образуемое низвергающейся с Кавказа рекой (Алазани)” (XI, 3, 5). В другом месте древний географ пишет, что проход из Иберии в Албанию находится в Камбисене — неровной, каменистой и безводной местности (XI, 4, 5). Связывая реку Алазани с местом прохода, ведущего из страны албанов к иберам, Страбон упоминает, как уже говорилось, и Камбисену, в которой “иберы, албаны и армяне находятся во (взаимной) связи” (XI, 4, 1). Как известно, в Камбисену древних писателей могла входить и территория Кахетии, охватывавшая долины Алазани и Иори. В другом месте Страбон говорит, что река Кура, “приняв стекающий с Кавказа Арагон, а также другие воды, по узкой речной равнине изливается в Албанию” (XI, 3, 2). Сведения Страбона позволяют предполагать, что территория древних албанов простиралась на западе до Карталинского или Кахетинского хребта, расположенного между верховьями рек Алазани и Иори. Страбон оставил и более конкретные сведения о северо-восточных пределах античной Албании. Согласно его сообщению относительно “остальных сторон (известно): северная ограждена Кавказскими горами — (горы) возвышаются над долинами и ближайшие к морю называются Кераун-

сьими' (XI, 4, 1). Сообщение Страбона позволяет утверждать, что пределы античной Албании простирались до Кавказских гор и что горные отроги, расположенные недалеко от Каспийского моря, назывались Кераунскими горами.

Не менее важные данные о Северной Албании приводит и Птолемей. Согласно этому автору, "на юге (Сарматия) граничит с частью Понта Эвксинского до реки Корак и оттуда (до) линии (пределов) и Колхиды и Иберии и Албании (вплоть) до Гюрканского и Каспийского морей..." (V, 8, 7). Из сообщения видно, что Сарматия имела непосредственные границы с Албанией у западного берега Каспийского моря. Это подтверждается и другим отрывком из географического описания древней Албании. Птолемей пишет, что "Албания ограничивается с севера описанной частью Сарматии" (V, 8, 1). Описание показывает, что на севере Албания примыкала к Сарматии, хотя и непонятно — где, собственно, проходила пограничная зона, где кончалась одна страна и начиналась другая? Птолемей далее сообщает, что "Сарматию прорезывают еще другие горы, называемые Гиппейскими и Кераунскими, и гора Корак, которой оканчиваются горы, идущие через Колхиду и Иберию и называемые Кавказскими, а также отрог их, который идет к Гюрканскому морю и также называется Кавказом" (V, 8, 14). В приведенном фрагменте называется несколько горных хребтов, вклинивавшихся на территорию Сарматии. Из них обращают на себя внимание горы Керауния и Кавказ. Согласно Птолемею, предгорья Большого Кавказа, примыкавшие к берегу Гирканского моря, назывались Кавказом. Птолемееское представление о Большом Кавказском хребте весьма близко к современному — Кавказ оканчивается у Каспийского моря. В таком случае, где расположены Кераунские горы, упоминаемые до Птолемея еще Страбоном? Из отрывка видно, что Кераунские горы Птолемеем мыслились севернее Большого Кавказского хребта. Исходя из этого, Кераунские горы должны локализоваться севернее реки Самур. Здесь расположен Самурский хребет, отроги которого простираются далеко на север. Таким образом, под Кераунскими горами Страбона и Птолемея можно понимать Самурский хребет и многие горные отроги, снижающиеся к побережью Каспия в сторону предгорной и степной полосы выше Дербента. Сообщения Птолемея дополняют известия Страбона о северных границах и позволяют утверждать, что северные пределы Албании соприкасались с территорией Сарматии в районе к северу от Дербента, оставаясь в основном неизменными как во времена Страбона и Птолемея, так и в раннее средневековье.

Приведенные орографические особенности северных пределов подтверждаются и гидрографическим описанием древней Алба-

нии. Согласно Плинию, “по Албании текут в море реки Кас и Албан, потом Камбюс, (берущий начало) в Кавказских горах, затем Кюр...” (VI, 39). Одно за другим упоминаются устья рек Соаны, Герра, Кайси и, наконец, Албан и Кюр (V, 11, 3). Далее упоминаются реки, расположенные к северу от Соаны. Так, “с востока (Сарматия ограничивается начинающейся) отсюда частью Гюрканского моря, в которой за устьем реки Соаны... (находятся) устье реки Алонта... устье реки Удона... устье реки Ра...” (V, 8, 12). В другом месте Птолемей сообщает, что граница Сарматии идет вдоль Иберии, а “далее предел вдоль Албании до Гюрканского моря, где устье реки Соаны” (V, 8, 11). Сообщения древних авторов не могут претендовать на точность и некоторые из упомянутых рек трудно локализовать. Отправной точкой являются те названия, которые существуют и поныне. Если Ра — это Волга, а Кюр — это Кура, то согласно списку между ними упоминается ряд гидронимов, подлежащих локализации. Обратимся к современной карте и проследим все более или менее многоводные реки, текущие в Каспий, исходя из предположения, что античным писателям были известны самые большие из них. Южнее Волги самая значительная река — это Терек, согласно списку соответствующий Удону; затем идет река Сулак, по-видимому, именуемая древним географом Алонтой. После Сулака течет в Каспий река Самур, берущая начало на склонах Самурского хребта и на северо-восточных склонах Большого Кавказа. В верховьях и среднем течении Самур — горная река, текущая в узких ущельях, а затем по холмистой местности, которая недалеко от побережья сменяется равниной. Будучи значительной рекой, она не могла пройти мимо внимания античных писателей вообще и Страбона в частности. Так, говоря о северных пределах албанов, Страбон называет Мермадаль (XI, 5, 1); локализуемая между легами и гелами, с одной стороны, и амазонками — с другой, эта река, по-видимому, соответствует Соане или Самуру. В научной литературе были попытки определить местонахождение Соаны. Еще К.Кречмер отождествлял Соану с Сунжой (приток Терека). Слишком увлекшись локализацией, С.В.Юшков Соану отождествляет с Терекком. Согласно мнению К.В.Тревер, Соаной мог бы быть и Самур, бесспорно связанный с территорией Албании. К северу от Кавказской Албании начинались труднодоступные горные районы, ограниченные с севера главным образом Андийским хребтом, Салатау и хребтом Гимринским. С юга эта область ограждена хребтами Большого Кавказа. Имеются дороги, по которым только и возможно проникнуть во внутренние области Северо-Восточного Кавказа. Так, связь с Прикаспийской низменностью осуществляется через проход у слияния Андийского и Аварского Койсу, через перевалы

в Андийских горах. С юга связь с внешним миром осуществляется через проходы и горные тропы, которые выходят на большую дорогу, проходившую по южным отрогам Большого Кавказа, т.е. уже по территории Албании (от Тбилиси до Баку). К ним относятся дороги по долинам небольших речек — левобережных притоков Куры, а также горные тропы к Телави, Гурджаани, Лагодехи, Закаталам, Каху, Шеки, Гекчаю, Шемахе и др. Внутренние области Северо-Восточного Кавказа были обитаемы племенами, сведения о которых до античных авторов доходили в ограниченном количестве, т.е. намного меньше, чем сведения об иберах и албанах. Территория Албании была расположена к югу от Большого Кавказа, тогда как к северу от него находилась горная область, с которой и связаны судьбы силъвов, лупениев, дидуров, содов и андаков.

Таким образом, неверно локализуя реку Соану, о которой сообщает Птолемей, С.В.Юшков включает в состав Албании всю территорию до реки Терек. Авторы “Истории Азербайджана” механически повторяют это положение, а авторы “Очерков истории Дагестана” и “Истории Дагестана” ненамного отходят от ошибочной гипотезы, помещая северные границы Албании по линии верховьев реки Сулак. Суждения о том, что северные границы Албании проходили по рекам, протекающим по северо-кавказским степям, основаны на вольном обращении с материалом античного времени: ни один автор древности не дает повода для утверждения, что древняя Албания включала в свои пределы всю территорию Дагестана, простираясь до Терека или Сулака. Точки зрения А.Яновского, Б.Дорна, В.Томашека, К.В.Тревер и др. более убедительны и близки к высказываниям классических писателей о северных пределах Албании. Они доходили до Большого Кавказа и северных предгорий Самурского хребта от верховьев Иори и Алазани на западе до устья реки Соаны или до нынешнего Дербента на востоке.

В вопросе о южных границах страны наметилось несколько неодинаковых точек зрения. Согласно С.В.Юшкову, Албания на юге занимала долину “по левому течению Куры, так как долину по правому течению занимала Армения”. В.Н.Левиатов приписывает Страбону высказывание, что Албания занимала земли до течения реки Куры, а в “Очерках по истории СССР” утверждает, что до распада Армении в 387 г. Албанское царство было расположено по левобережью Куры; начиная от среднего течения рек Иори и Алазани (в древности Алван или Албана) до Ахсу (по-видимому, древняя Гелаву), а Албания на правом берегу, т.е. в междуречье Куры и Аракса и около шести столетий входила в состав централизованного рабовладельческого государства Арме-

нии вплоть до IV века. Согласно К.В.Тревер, коренной территорией албанов являлась местность по среднему и нижнему течению Куры, преимущественно по левобережной ее части. Тот же автор утверждает, что со времен Арташеса I (около 189 — 164 гг. до н.э.) пограничной рекой между Албанией и Арменией античные авторы называют Куру, хотя и считает Каспиану частью Албании. В.Ф.Минорский также относит территорию южнее Куры к Армении. Авторы “Истории Дагестана” с юга ограничивают албанскую территорию рекой Курой, хотя и Каспий включаются ими в состав древних племен Дагестана. По А.П.Новосельцеву, граница между Албанией и Арменией проходила от Камбисены до слияния Аракса с Курой. Если большинство приведенных точек зрения связаны с политическими особенностями, то точка зрения А.Ш.Мнацаканяна основывается на гипотезе: все правобережье Куры было населено армяноязычным населением с глубокой древности и поэтому находилось под властью Армении и их царей. Собственно албанская территория (у А.Ш.Мнацаканяна — агванская) простирались от границ Грузии до Каспийского моря и от Кавказских гор до Куры. Несколько отличны от приведенных точек зрения высказывания других ученых. Так, еще Б.Дорн доводил южные границы Албании до слияния Куры и Аракса; по В.Томашеку, с востока южные пределы Албании кончались у дельты Куры; согласно А.Е.Крымскому, албаны занимали и левобережье и правобережье Куры. Авторы “Истории Азербайджана” отмечают, что территория Албании “простиралась от Малого Кавказа и нижнего течения Куры и Аракса до северо-восточных отрогов Главного Кавказского хребта”. Албания, как считает З.И.Ямпольский, находилась севернее Атропатены, граница между ними проходила то по Куре, то по Араксу. Согласно автору настоящей работы, южные “пределы албанских племен составляли отроги Малого Кавказа, где Албания граничила с территориями Армении и Атропатены”. Таким образом, в исторической литературе прослеживаются взаимоисключающие мнения. Действительности соответствует или точка зрения, что южные границы Албании проходили по реке Куре, или реальное положение отражают утверждения, связывающие пределы античной Албании с правобережными районами.

Бассейн Аракса часто связывали с территорией Армении. Так, Страбон рассказывает: “вблизи (от дельты Куры) впадает Аракс, бурно текущий из Армении” (XI, 4, 2). О пограничной зоне между Атропатеной и Арменией сообщает Страбон, ссылаясь на Деллия — друга полководца Марка Антония: крепость Вера служит зимним местопребыванием базилиевсов Атропатены и “на 2400 стадий удалена от реки Аракс, отделяющей Армению от Атропатены” (XI, 12, 3). Из другого источника видно, что после

поражения в Атропатене римские войны пришли к реке Араксу, отделяющей Мидию от Армении, и благополучно достигнув противоположного берега, ступили на армянскую землю. Согласно этому сообщению территория севернее Урмии до реки Аракс входила в состав Атропатены. На этом участке за Араксом начиналась Армения. Имел в виду Атропатену, Страбон рассказывает, что “расположена эта страна от Армении к востоку, от Большой Мидии к западу и (еще) к северу от обских” (XI, 13, 1). Следует учесть, что в этом отрывке ничего не говорится о том, что Армения примыкает к Атропатене с севера. А здесь, в общей обзорной части о границах Атропатены это очень уместно, если бы такой факт имел место. На самом деле приведенный отрывок как бы поясняет предыдущий. Только определенный стрезок Аракса служил пограничной зоной между Атропатеной и Арменией. Но где, на какой местности?

Согласно сообщению Плиния, “на остальной (части) передней стороны, простирающейся до Каспийского моря, находится Атропатена, отделенная от Армении (рекой) Араксом со стороны Отены” (VI, 42), т.е. граница между Атропатеной и Арменией проходила по течению Аракса, вдоль территории Отены. Это позволяет полагать, что пограничная зона по Араксу между Атропатеной и Арменией была где-то у Нахичевани, куда выходило через Аракс войско Марка Антония.

Страбон пишет, что на юге территория албанов граничит с прилегающей Арменией. Что касается самой Армении, то “восточные части (граничат) с Большой Мидией и Атропатеной, северные части — это горы Парахоатра, лежащие над Каспийским морем, албаны, иберы и Кавказ, который окружает эти народности и примыкает к (горам) Армении...” (XI, 14, 1). Из отрывка видно, что на востоке Армения соседствовала с Большой Мидией и Атропатеной, а на севере — с Кавказскими горами, албанами и иберами. Здесь Кавказ у Страбона — это, очевидно, горные отроги Малого Кавказа. Подтверждается ли это другими данными? Говоря о границах между Арменией и другими странами, а также между Иберией и Албанией, с одной стороны, и Арменией — с другой, Страбон отмечает горные отроги; “один из этих (отрогов называется) Периадром, другой — Москскими горами, третий носил различные названия. Горы эти охватывают всю Армению вплоть до Иберии и Албании. Другие возвышаются к востоку, именно те, что расположены над Каспийским морем вплоть до Мидии, как атропатенской, так и Большой (Мидии). Все эти части гор, как и те, что (простираются) до Каспийских ворот, и те, что еще дальше на восток, соприкасаясь с Арией, называются Парахоатром” (XI, 12, 4). Из описания видно, что вокруг Армении

получается цепочка гор, носивших различные названия: сначала Париадр — на западе, потом Мосхские горы, потом горы с различными наименованиями, а потом и Парахоатр — на востоке. Между находящимся на западе Париадром и Парахоатром, расположенном на востоке, в отрывке упоминаются как Мосхские, так и иные горы на севере между Арменией, с одной стороны, и Иберией и Албанией — с другой.

Географически эти горы должны соответствовать горам Малого Кавказа, т.е. как под Мосхскими горами и под горами, имеющими различные названия, по-видимому, нужно разумеать горные отроги Малого Кавказа, охватывающие Армению, по-видимому, главным образом с севера и северо-востока. Если это так, то Аракс, протекающий по территории Армении, в своих низовьях должен оказываться уже на территории Албании.

Есть ли какие-нибудь сведения об этом у древних авторов? По Страбону, в Армении много гор, плоскогорий и долин. Также сообщается, что плодородна "равнина Аракса, по которой Аракс течет в пределы Албании и впадает в Каспийское море. За этой равниной (тянется) Сакасена, тоже граничащая с Албанией и рекой Кюр" (XI, 14, 4). По античному географу, "пределы Албании" связаны с нижним бассейном реки Аракс, а этот бассейн включает отроги Малого Кавказа, степи Миль и Мугань.

Эти-то отроги, а также отроги Талышских гор у Помпония Мелы носят названия Каспийских. Тут и напрашивается предположение, что Каспийские горы связаны с народом, известным под названием каспиев. Это подтверждается следующим пояснением Мелы: "как прилежат они (горы) к тем и другим народам, так и названы теми и другими именами" (I, 109). По Страбону, албаны "на востоке примыкают к (Каспийскому) морю" (XI, 4, 1).

Другое название Каспия приводится у Плиния: "по побережью (живут) албаны... Море (у их берега) называется Албанским". Плиний также отмечает, что "весь берег, начинаая от Каса, вследствие очень высоких скал недоступен на протяжении 425 000 шагов" (VI, 38, 39). Автором этой информации, как говорит Плиний, является Агриппа. Это сообщение дало С.В.Юшкову повод высказать предположение, что в связи с более высоким уровнем Каспийского моря во времена Страбона и Плиния побережье от Баку до Махачкалы было действительно недоступным. Приведенные данные Плиния А.Яновский относил к скалистым берегам реки Турианчая, исходя из необоснованного предположения, что упоминаемые авторами реки Албании впадают не в море, а в Куру. Приведенные Плинием 425 000 римских шагов равняются, по А.Яновскому, более чем 280 верстам (римский шаг равен аршину), по С. В. Юшкову — 260 — 280 км. Эта деталь, сообщаемая

Плинием, интересна тем, что дает представление о протяженности берега моря, входившего в пределы древней Албании, по-видимому, к северу и югу от реки Каса. Говоря о неприступности берега, древний автор, очевидно, имел в виду узкую гористую прибрежную полосу, действительно возвышающуюся над морем и с точки зрения воина-римлянина недоступную на всем протяжении. Предполагая, что 425 000 римских шагов это — около 300 км, можно было бы утверждать, что протяженность побережья Каспия от Восточных отрогов Кавказа на юг равна этому расстоянию, если иметь в виду извилистость берега, по которому двигается пешеход, не отдаляющийся далеко от моря.

Мы уже знаем, что территория Сарматии на юго-востоке кончалась у устья Соаны. Упомянутые южнее реки Птолемей относит уже к территории Албании. К северу от Куры, прорезывающей Азербайджан с северо-запада на юго-восток, в Каспий впадают реки Сумгаит, Пирсаат, Гильгильчай, Кусарчай и Самур. Предгорная полоса, тянущаяся по берегу Каспия, расширяется к северу именно к низменности, по которой протекают Сулак и Терек, и сливается с Прикаспийской низменностью. По-видимому, Плиний одну из этих рек именует Камбисом вопреки древним авторам, относящим это название к реке, современное название которой Иора (кавказское) или Гавырлы (тюркское). Кроме того, здесь локализуется река Албан, упоминаемая древними писателями. Что касается рек Кайси (по Птоlemeю) или Кас (по Плинию) и Герры (по Птоlemeю), то они могут отождествляться с другими, начиная от реки Сумгаит до реки Самур. По предположению К.В.Тревер, Герром, Кайсием и Албаном могли быть реки между Самуром и Курой, т.е. Пирсаат, Сумгаит и еще одна до Самура. Нужно отметить, что все эти реки, упоминаемые античными писателями, относятся к территории Восточного Кавказа и впадают в море. Перечисленные водные артерии А.Яновский связывал не с Каспием, как об этом сообщают древние писатели, а с рекой Курой, Соана же отождествляется с рекой Сумгаит (у А.Яновского иногда неверно Сугаит или Сугант). Эти да и некоторые другие высказывания вызвали резкое возражение С.В.Юшкова.

Приведенные гидронимические параллели подтверждают высказывание античных авторов, что восточные пределы Албании кончались у Каспийского моря.

Имеется и другое сообщение о восточных пределах страны. Тот же географ пишет, что "стране албанов принадлежит Каспиана, эпоним народа каспиев, согласно которому (названо) и море..." (XI, 4, 5). По сообщению Страбона, юго-восточными пределами Албании являлась территория, непосредственно примыкавшая к Каспийскому морю к югу от Куры. Птолемей пишет, что "Алба-

ния ограничивается с севера описанной частью Сарматии, с запада — Иберией по указанной линии, с юга — частью Большой Армении, (идущей) от границы с Иберией до Гюрканского моря к устью реки Кюр... с востока — частью Гирканского моря, (простирающегося) отсюда до реки Соана" (V, 11, 1). Если в этом фрагменте Птолемей имеет в виду всю страну, в какой-то степени приближаясь к Страбонскому описанию Албании, то в другом сообщается о южных пределах: соседняя Армения "ограничивается с севера частью Колхиды, Иберией и Албанией по вышеуказанной линии, проходящей через реку Кюр" (V, 12, 1).

Из приведенных цитат видно, что ко второму веку Албания несколько уменьшается; если ее северные границы проходят по реке Соане, то южные — по реке Куре. К северу от Куры локализуется Албания и Дион Кассий (36, 54). Эти сообщения о реке Куре как о южной границе позволяют высказать предположение, что в силу особых обстоятельств территория античной Албании разделилась на Албанию, расположенную к северу от Куры, и на области, входившие до этого в состав Албании на курунском побережье близ Атропатены.

Политические события этого времени показывают, что в сообщениях античных авторов отражены реальные события, имевшие место в связи с изменениями границ между Албанией и Атропатеной. По Птолею, "западную часть (Мидии Атропатены) близ Армении занимают каспии" (VI, 2, 5). По-видимому, во времена Птолемея Каспиана снова попала под власть царей Атропатены и на протяжении длительного времени находилась под влиянием парфянского, а еще позднее сасанидского государственного образования.

Таким образом, неправы исследователи, отождествляющие южные пределы Албании I в. до н.э. — I в. н.э. с рекой Курой. К ним относятся С.В. Юшков, В.Н. Левиатов, авторы "Очерков истории СССР" и "Истории Дагестана", В.Ф. Минорский, А.Ш. Мнацаканян, А.П. Новосельцев и др. По-иному и сравнительно верно южные пределы античной Албании представляли Б.Дорн, В.Томашек, А.Е. Крымский, авторы "Истории Азербайджана" и другие исследователи.

Более подробными сведениями о южных пределах Албании античная историческая наука не располагает.

В связи с территорией важен вопрос об обитателях античной Албании. Сведения о населении страны сохранили античные писатели в виде отдельных фрагментов. Не все они достоверны, иногда носят противоречивый характер и поэтому нуждаются в дополнительных разъяснениях.

А л б а н ы. Когда античные географы и историки говорят о населении Албании, то в первую очередь речь идет об албанах. Выше уже говорилось, что, по Страбону, албаны “обитают (на территории) между иберами и Каспийским морем; на востоке примыкают к морю, а на западе граничат с иберами; (относительно) остальных сторон (известно): северная ограждается Кавказскими горами. (Горы) возвышаются над долинами и ближайšie к морю называются Кераунскими. Южную (сторону) образует границащая с (Албанией) Армения, в которой много равнин и много гор. Как например, в области Камбюсене, в которой иберы, албаны и армяне находятся во (взаимной) связи” (XI, 4, 1). Следовательно, албаны обитали на сравнительно большой территории: на западе примыкали к Иберии, а на востоке — к берегам Каспия; на севере доходили до Кавказских гор, а на юге граничили с Арменией; албаны обитали и на территории Камбисены. Сообщение Страбона считается уникальным, ибо ни один античный автор так подробно не описывает Албанию. Это и понятно: известия об албанах почерпнуты не только у античных авторов вообще, но конкретно и у Феофана Митиленского — участника описываемых событий, очевидца походов Помпея в восточные страны. Данные Страбона подкрепляются Плутархом: Помпей должен был преследовать Митридата по землям, населенным автохтонами; самые многочисленные среди них — албаны и иберы; иберы доходят до Мохских гор и Понта, а албаны расположены к востоку и Каспийскому морю. Плиний также упоминает албанов. Описывая племена, обитавшие “в соседстве с (населением) Армении” (VI, 28), он рассказывает, что “вплоть до всей равнины (реки) Кюр владеет племя албанов, потом иберов; их разделяет река Оказан, текущая в Кюр с Кавказских гор” (VI, 29).

Сообщение Плиния как бы подтверждает высказывания Страбона и позволяет утверждать, что албаны обитали на восток от Алазани — пограничной реки между иберами и албанами, а равнина Куры служила основным местопребыванием албанов. Далее Плиний уточняет информацию о пределах албанов. Согласно античному автору, албанское “племя расселено по горам Кавказа близ реки Кюр; и как сказано (пределы) ограничиваются Арменией и Иберией” (VI, 39). Высказывание Плиния о территории албанов античного времени очень близко к страбоновскому, хотя Плиний говорит и о горах Кавказа как об обиталище албанов, фиксируя тем самым ареал распространения албанского населения как на всей Прикуринской равнине, так и в горах, окружающих бассейн Куры. Плиний подтверждает высказывание, что албанские племена имели соседями Армению и Иберию.

Очевидно, наряду с сообщениями об Албании в значении политическом античные писатели говорят и об основном населении этой страны — об албанах, выделяя их из массы остальных аборигенов. Сообщения античных авторов позволяют утверждать, что албаны были многочисленны, занимали пространство от бассейна реки Алазани до берегов Каспийского моря. На севере албаны были расселены до Кавказа и Кераунских гор, на юге же — до горных склонов Малого Кавказа, степей Миль и Мугань. Именно в этом смысле албаны были и главным и руководящим населением, а название страны восходит к этнониму албанов. Все это показывает, что этноним албанов не является собирательным термином, за которым скрывается аморфная многоплеменная структура, хотя, как мы увидим дальше, вместе с албанами на территории Албании обитало и неалбанское население.

Г а р г а р ы. Одна из больших групп населения известна под именем гаргаров. В исторической литературе они рассматривались в связи с тем или иным вопросом. Так, ориенталист Кислинг, касаясь особенностей древнего Кавказа, отождествляет гаргаров Страбона с гогарами Плиния (VI, 22), а также с группой черкесов. Локализуются гаргары вне Албании в западной части Дагестана.

Аналогия Кислинга не может быть признана удачной. Упомянул гаргаров и С.В.Юшков, избегая их локализации. С.Т.Еремян их локализует главным образом южнее Куры по берегам реки Каркарчай. Согласно “Очеркам истории СССР”, Гаргарейская равнина соответствует степи Миль, по-видимому, в связи с бассейном реки Каркарчай. По К.В.Тревер, гаргары до III в. до н.э. обитали в горах, упоминаемых Страбоном. Потом переселились с гор, что дает возможность локализовать гаргаров в Карабахской степи. Исследователь называет их одним из древнейших (наряду с утиями) и наиболее выдающихся племен в составе Албанского союза. Существуют и другие попытки связать гаргаров с группами населения Кавказа. Так, выдвигается гипотеза, согласно которой албанская письменность была создана на цахурском языке, т.е. напрашивается параллель между цахурским и гаргарским. В рутульском и цахурском языках слово “гаргар” употребляется как форма общения (сосед, близкий). Согласно предположению В.Б.Виноградова, население Северного Кавказа восходит к гаргарам, имевшим место обитания горные и предгорные районы современной Чечено-Ингушетии, а под этнонимом гаргаров скрываются близкие и родственные племена вейнахской группы. Между тем первые известия о гаргарах имеются у Страбона, который пишет: “Метродор Скепсийский и Гипсикрат, также знакомые с этими местами, сообщают, что амазонки живут рядом с гаргареями на северных предгорьях Кавказских гор, называемых Керау-

ния” (XI, 5, 1). Итак, упоминание гаргаров связано со склонами Большого Кавказа или Кераунскими горами, т.е. отрогами Самурского хребта, доходящего до степей севернее Дербента. Далее Страбон пишет, что “гаргареи пришли в эти места из Фемискиур...” (XI, 5, 2). Приведенные сообщения древнего географа пересказывают Стефан Византийский и Евстафий (XIV, 292). Хоренаци упоминает княжество гаргаров наряду с племенами ути, гардман и цоде, возводя их к Арану; говорит о них и Каланкатваци. Сообщается о Тиридате III (283 — 330 гг.), который спустился на равнину гаргарацци, а также о гаргарской равнине, где произошла битва между Тиридатом III и войсками северных стран. Как историческая, так и сохранный топонимика подтверждает сообщения письменных источников о племенах гаргаров. Так, к северу от Гондаланчая находится селение Гергер. У истоков Дзегамчай недалеко от Кедабека находится местечко Гергер. У устья реки Самур находится гора Гаргар. О древних обитателях страны говорит и название Каркарчай, берущий начало в Карабахских горах; река течет в направлении к северу от Агдама, где поворачивает на восток до Агджабеди, вливаясь в болотистую местность недалеко от реки Куры.

Итак, гаргары обитали на склонах Кераунских гор между Каспием и отрогами Самурского хребта, а также на равнинной территории к северу и югу от Кераунских гор. Сообщения античных авторов позволяют высказать предположение, что гаргары первоначально были связаны с западными частями Прикаспия, занимая, если следовать античным авторам, южные земли Сарматии. Связанные с этнонимом гаргаров географические названия, разбросанные на сравнительно большой территории, позволяют утверждать, что гаргары были распространены не только на равнинах и предгорьях Северо-Восточного Кавказа, где их локализуют античные авторы, но и на более широкой территории, прилегающей к Юго-Восточному Кавказу, в том числе и в бассейне Каркарчая.

У д и н ы. На территории древней Албании обитали и другие племена. Античные авторы сообщают об удилах. Так, у Страбона мы читаем, что “начиная от (Каспийского) моря до (самых) вершин эти горные склоны на небольшом пространстве заселяет часть албанов и армян, а на большей части (обитают) гелы, кадусии, амарды, уйтии и анариаки” (XI, 7, 1). По-видимому, здесь имеется в виду вся система гор, куда входят и Малый Кавказ и атропатеновские горные отроги, где обитали кадусии, амарды, анариаки и другие племена. Здесь же упомянуты уйтии между амардами и анариаками. Если последовательность этнонимов в страбоновском фрагменте соответствует действительному расположению

племен, то уйтии обитали на территории Атропатены, не имея, по-видимому, отношения к удинам Албании.

Обратимся к другому известию об удилах. Плиний пишет, что “по правую руку от (самого) начала и до конца пролива живут удины, (относящиеся) к скифскому народу” (VI, 38). Это сообщение дает возможность локализовать удинов, относимых к скифской группе племен, по северо-западному берегу Каспийского моря, севернее албанов. Согласно К.В.Тревер, удины упоминаются на берегу Каспийского моря, потому что древние писатели, по всей вероятности, пользовались отчетом Патрокла, который мог знать только ту часть удинского населения, которая обитала в прибрежных горных районах Большого Кавказа. Г.С.Федоров и Я.А.Федоров локализируют удинов на Прикаспийском побережье в пределах Дагестана, куда они пришли из Северного Азербайджана. Известие Плиния об удилах, обитавших на побережье Каспия, подтверждается и Птолемеем, сообщающем, что “вдоль Каспийского моря живут уды...” (V, 8). Можно считать, что упоминаемые Страбоном уйтии весьма далеки не только от удинов, о которых писал Плиний, но и от удов, упоминаемых Птолемеем. Два последних этнонима — удины и уды — весьма созвучны, локализируются на одной и той же, по-видимому, территории и, может быть, имеют отношение к населению Восточного Кавказа. Как будет показано ниже, эти племена обитали и в Албании.

Согласно Плинию, Аракс протекает между Атропатеной и Отенной (VI, 42). Более поздние писатели упоминают в Албании как утиев, так и страну Отену. Например, Евсевий (IV в.) наряду с некоторыми странами Кавказа называет Отену (VI, 31). Отена упоминается и Стефаном Византийским (один раз наряду с обаренами). Ареал распространения удинского населения, вначале, может быть, занимавшего более обширные районы, куда входили и предгорья юго-восточного Большого Кавказа, со временем уменьшился до небольшой территории к западу от низовья реки Аракс, между поздним Арцахом и рекой Курой. Анонимный армянский географ VII века подтверждает это предположение, помещая Ути между Курой и Араксом, с одной стороны, и Арцахом — с другой. Хоренаци возводил утиев и другие группы населения к легендарному Арану. По его словам, Валаршак назначает Арана наместником, а от потомков Арана происходят племена ути, гардман, цоде и княжество гаргарское. Почти то же самое рассказывает Каланкатваци. Согласно распространенному мнению, в настоящее время к северу от Куры живут потомки древних удинов. По этнографическим данным, еще в начале нынешнего столетия удины занимали селения Султаннуха, Джоурлу, Нидж и Варташен. В настоящее время удинское население сохранилось в селе-

ниях Нидж и Варташен на территории Азербайджана и селении Октомбери (Зинобиани) на территории Грузии. Самоназвание жителей этих селений — ути. В исторической литературе вопрос об удинах поднимался неоднократно. Еще К.Нейман писал, что древние ути жили между Курой и Араксом к западу от Пайтакарана. В.Томашеком было отмечено, что албанские этнические группы представляли конгломерат более или менее родственных племен, которые имели свои диалекты, сохранившиеся в современном удинском, крызском и хиналугском языках. Территорию Ути Хюбман локализует южнее Куры, что соответствует территории Отены Плиния. По А.Яновскому, земли удинского населения в I в.н.э. занимали территорию Шекинского района, гранича с древними этническими группами собственно албанов. Более точно локализует удинов В.Ф.Минорский: Отена, по его словам, занимала районы, где ныне находятся Гянджа, Шамкир и Тауз. Отмечая удинов у Куры, Г.Капанцян локализует их южнее Аракса. В автохтонности удинов сомневался Е.А.Лалаян, заявляя, что удины являются не аборигенами населяемого ими района, а лишь позднейшими иммигрантами. Говоря о территории удинов, С.Т.Еремян указывает, что они населяли низовья Тертер и Куры, т.е. занимали нынешнюю Карабахскую низменность; на этой же территории локализует население Отены или Утии и К.В.Тревер; авторы "Истории Дагестана" локализируют удинов, главным образом, на приморской полосе Восточного Кавказа. Итак, письменные источники показывают, что среди албанов обитало население, именуемое утиями или удинами. На территории древней Албании оно занимало пространство к северу и югу от Куры, начиная от бассейнов Аджиганчай и Турианчай и доходя до бассейна Тертер, включая и район города Партава (нынешняя Барда). Очевидно, со временем население все больше и больше вытеснялось. Вопрос о сохранившихся до нашего времени удинах, говорящих на удинском языке, здесь рассматриваться не будет. Сообщения античных авторов позволяют утверждать, что уйтии не обитали на изучаемой местности, хотя не исключено, что они жили в Атропатене, тогда как удины (по Плинию) или уды (по Птолемею) населяли северо-западный берег Каспия к северу от Албании.

Таким образом, уйтии, удины или уды локализируются не на территории античной Албании, их связи еще не изучены, хотя созвучие этнонимов создает иллюзию об этническом родстве между ними и удинами Албании.

Л е г и. Согласно Страбону, "рассказывают, что в горах над Албанией обитают амазонки. Вместе с (Гнеем) Помпеем принимавший участие в военном походе и (вместе с ним) побывавший среди

албанов Феофан (Митиленский) сообщает, что между амазонками и албанами обитают гелы и леги-скифы...” (XI, 5, 1). Очень ценно, что это сообщение подтверждается данными Плутарха, также пользовавшегося книгой Феофана Митиленского. Плутарх свидетельствует, что амазонки занимают ту часть Кавказа, которая прилегает к Гиркя́нскому морю, но не рядом с албанами, ибо между ними обитают гелы и леги. Армянская география VII в. наряду с другими племенами упоминает также легов; есть леги и в более поздних источниках. Главным образом, в горных районах около казикумукского Койсу живет небольшая народность, самоназвание которой лак, а горные и предгорные районы бассейнов рек Самур и Гюльгеричай занимает родственная лакам более крупная народность, самоназвание которой лезгийр или лезги. В верховьях Самура обитают цахуры, рутульцы, а к северу — агулы, табасараны, а еще севернее — даргинцы. Все они кавказоязычны. К северу от них обитает тюркоязычное население — кумыки. Грузины и армяне лезгинов называют лаками, тогда как для населения Северо-Западного Дагестана употребляются также этнонимы дидо, анди, дурдзуки, авары и др. Около ста лет тому назад, касаясь вопроса о легах, А.Яновский заметил, что выше сильвов, в безлесных горах Кавказа, жили и живут леки, являющиеся предками лезгин; локализируются леги к северу от албанцев в горах Кавказа. Еще П.К.Услар проводил знак равенства между легами и теперешними лезгинами и лакцами. Г.Халатьян полагал, что потомками легов являются не лезгины, а казикумухи, называющие себя и теперь лаками. Н.Я.Марр также отождествлял легов древней Албании с лезгинами Дагестана. Герман же осторожно помещал древних легов на юго-западном побережье Каспия, избегая более определенной локализации. С.В.Юшков писал, что леги должны жить по Самуру, т.е. южнее Дербента. Согласно С.Т.Еремяню, леги являются предками лезгин и что леги в античную эпоху занимали те же места, что и ныне в долине реки Самур. С авторами, перечисленными выше, согласна К.В.Тревер, которая помещает легов севернее удинов и собственно албанов. Интересно, что Л.И.Лавров считает современных лаков потомками гумиков, а лезгинское население возводит к народу легов, упоминаемых у античных авторов. Автор настоящей работы отмечает легов на территории Южного Дагестана и к югу от реки Самур. Согласно М.Ихилову, леги в античную эпоху занимали те же места, что и ныне — долины рек Кудиала и Самура; в албанский период они известны под общим этническим именем “леки”, имея в основе один лезгинский язык. Большая часть легов в основном обитала в бассейне Самура. На севере территория легов простиралась до Сарматии, охватывая Самурские горы вплоть до ны-

нешнего Дербента. На юге леги занимали склоны Большого Кавказа южнее реки Самур. К потомкам легов, по-видимому, относятся лаки, лезгины, рутульцы, цахуры и другие аборигены Южного Дагестана.

К а с п и и. Сюга и юго-востока соседями албанов были каспии, на рубеже нашей и до нашей эры входившие в состав Албании. Страбон пишет, что “стране албанов принадлежит и Каспиана, эпоним народа каспиев, согласно которому (названо) и море. (О каспиях) в настоящее время (ничего) не известно” (XI, 4, 5). Однако тот же Страбон отмечает, что, по словам Эратосфена, по берегу Каспийского “моря за гюрканами следуют амарды, анариаки, кадусии, албаны, каспии, уйтии...” (XI, 8, 8). Другие греческие и латинские писатели неоднократно отмечали каспиев, ничего не говоря о том, что они не существовали в I в. до н.э. — I в. н.э. Так, Помпоний Мела пишет, что “ближе (всего) к скифам каспианы, которые окружают Каспийский залив” (I, 2, 12), а также, что “у Каспийского моря живут каспии” (III, 5, 39). Эти сообщения подтверждаются и другими писателями. Так, Плиний утверждает: “от Куры (море) начинает называться Каспийским морем. (Здесь) проживают каспии” (VI, 39). По Птолемию, западную часть Мидии “близ Армении занимают каспии” (VI, 2, 5). Позже Аврелий Виктор (V в.) писал, что Помпей проник к албанам и каспиям. Эти данные о том, что Каспий в юго-западной части примыкает к Гиркании, Мидии, а также к гелам, делам и каспиям до впадения реки Аракс подтверждается армянским географом VII в. Дионисий Перизет (I — II вв.) писал, что вокруг Каспийского моря живут унны, каспии, албаны и др., а пять веков спустя Равеннский Аноним (VII в.) также упоминает Каспию: “...область (патрия) Албания, а также область (патрия) каспиев, а также область (патрия) Лепон...” В этом отрывке обращает внимание локализация области каспиев, соседствующей с областью массагетов. Эта информация о каспиях перекликается с данными Страбона о Каспиане. В схолиях к “Землеописанию” Дионисия Перизета Евстафий (XII в.) отмечает, что “каспии — народ весьма замечательный; от них и море называется Каспийским”. Как уже упоминалось, аналогичные высказывания мы находим у Помпония Мелы и Плиния. В исторической литературе вопрос о каспиях затрагивался неоднократно, были отдельные попытки локализации. Так, согласно С.В.Юшкову, каспии жили южнее Куры у Каспийского моря; Герман же каспиев локализует на юго-западном берегу Каспийского моря, на юг от Куры в долине реки Аракс. С.Т.Еремян отмечал, что каспии населяли нынешний Талыш и соседние районы — Муганскую степь и долину Кара-су. Согласно К.В.Тревер, к I в. до н.э. термин “каспии” перестал быть

объединяющим этнонимом, а употреблялся только для обозначения части племен и народностей, именовавшихся каспиями еще до этого. Автор настоящей работы локализует каспиев южнее слияния Куры и Аракса, а авторы “Истории Дагестана” связывают каспиев с племенами Дагестана. Сообщения античных писателей, а также более поздних авторов позволяют утверждать, что на юго-востоке к албанам примыкали каспии. Скучные сообщения Страбона (о народе каспиев и стране Каспиане), Мелы и Плиния (о каспианах или каспиях у Каспийского моря), а также Равеннского Анонима и армянской географии VII в. позволяют предположить, что территория обитания каспиев находилась южнее слияния Куры и Аракса, охватывая нижний бассейн реки Аракс и далее на юг вплоть до Талышских гор.

Отдельные попытки охарактеризовать население античной Албании были со стороны Плиния, который сообщает, что “в Албании рождаются (люди) с зеленоватыми глазами” (VII, 12). К этому высказыванию как нельзя лучше подходит описание албанов Страбоном. Так, “выгодно отличаются (своей) статностью и высоким ростом (албанские) мужчины” (XI, 4, 4). Видимо, это сообщение относилось к определенной группе населения, с которым непосредственно сталкивались греки и римляне, так как это известие, относимое географом античности ко всем албанам, ни одним историком древности не подтверждается. В этом отношении интересно другое сообщение: “Что же касается албанов, обитавших в прибрежных областях, — пишет Солин, — то считают, что они потомки Иасона. Они рождаются с белыми волосами; пепельный цвет волос они считают особым предзнаменованием... Зрачок у албанов серый, потому они ночью видят лучше, чем днем” (15, 5).

Приведенные сообщения дают возможность иметь только неполное представление, позволяющее частично судить о внешнем облике и антропологических данных населения Кавказской Албании. Наружность албанов весьма напоминает антропологические признаки теперешнего населения страны, но весьма далека от монголоидных антропологических примет.

Вопрос о населении Албании не может быть решен на основании только письменных источников. В результате археологических исследований выявлены черепа древних людей, живших и умиравших на территории Албании. Сохранились для науки около двух десятков черепов из грунтовых, кувшинных и срубных погребений в Мингечауре. Они длинноголовы, узколицы. Как думает Р.М.Касимова, население долины IV в. до н.э. — III в. н.э. обнаруживает в антропологическом отношении большое сходство с обитателями Закавказья предшествующих эпох (XIII — IX в. до н.э.) и Передней Азии III — II тысячелетий до н.э., чем с пле-

менами сарматского времени Нижнего Поволжья. Более подробно изучена другая группа мингечаурских черепов. Речь идет об антропологических особенностях носителей культуры катакомбных погребений. Выявлено около ста тридцати черепов, деформированных уже прижизненно. Они характеризуются всеми признаками европеоидной расы, долихокранией, узким лицом. Согласно данным антропологии, деформация не приводит к каким-либо существенным изменениям лицевого скелета, у деформированных черепов “сохраняется характерная для европеоидной расы сильная горизонтальная профилировка лица; деформированные черепа отличаются от недеформированных только по тем признакам, на которых непосредственно сказалось влияние деформации” (Р.М.Касимова “О краниологических материалах”, с.46 — 47). Однако только палеоантропология не может внести ничего из ряда вон выходящего в изучение этнических особенностей на современном уровне. Дело осложняется общими положениями антропологического изучения Азербайджана и окружающей его территории с древнейших времен по наше время. Совсем иная картина, когда данные палеоантропологии берутся в комплексе со свидетельствами письменных источников и археологии вообще.

Таким образом, антропологические исследования скелетов из археологических раскопок показывают, что в изучаемое время черепа из грунтовых, кувшинных и срубных погребений европеоидны и восходят к глубокой древности. Только часть черепов носителей культуры катакомбных погребений подвержена деформации. Все это может явиться связующим звеном в процессе глоттогенеза на территории античной Албании.

Изучение археологического материала позволяет высказать предположение, что главным показателем выделяемых групп является обряд погребения.

Грунтовые погребения — один из наиболее распространенных видов погребального обряда древней Албании. Раскопками выявлен ряд некрополей: это в первую очередь, могильник у Ялойлуте, открытый в 1926 г. Д. Шарифовым; по наименованию могильника археологическая культура получила название ялойлутепинской. Могильники этого типа открыты в Варташене и Нидже, Амирджанлы и Марсаче, Деймедере и Моллаисаклы, Варданлы и Калыгах, Шафили и Чайбогазы (левый берег Турианчая), Агдаме и Джафархане, в Хыныслы и других местах на территории Азербайджана и в Архилос-кало, Камарахеви и Чиаури. Отдельные находки были в Чумлаки, Антоки, Гурджаани, Икалто и других местах на территории Восточной Грузии. Изучение всех данных позволяет выявить характерные признаки, а также в общих чертах восстановить погребальный обряд. Грунтовые моги-

лы, часто залегающие очень глубоко от поверхности (до 4 м) в настоящее время, как правило, не имеют никаких наземных признаков, что затрудняет их обнаружение. Исключение составляют погребения у селений Нидж и Варташен: это насыпи высотой до 2 — 2,5 м; ямы различны по форме и по размерам, чаще прямоугольны, встречаются круглые и овальные, длина от 1 до 2,5 м; диаметр — до 3,5 м. Дно некоторых могил обмазано глиной, замешанной на соломе; иногда оно выложено черепками от сосудов (Хыныслы, Кубахалиллы). Перекрытием служили деревянные бревна, остатки которых удалось проследить лишь в нескольких могилах (Нидж, Агдам). Все известные нам грунтовые могилы изучаемого времени содержат одиночные погребения. Это один из характерных признаков таких могил. Покойника всегда хоронили в скорченном и сильноскорченном положении на правом или левом боку. Ориентировка погребенных, как правило, разная. Зафиксированы случаи ориентации: север-юг (Нидж) или юг-север (Варташен), северо-запад — юго-восток (Калагях), юго-восток — северо-запад (Мингечаур), запад-восток (Архилос-кало). Некоторое исключение в ориентации представляет Ялойлутепинский могильник, где удалось установить преобладание направления северо-запад — юго-восток для мужских погребений и запад-восток для женских. О.Ш.Исмизаде зафиксировал для некрополя Ялойлутепе ориентацию в сторону наибольшего освещения солнцем.

Покойника хоронили в одежде, нередко с украшениями. В могилу клали орудия труда, в отдельных случаях — оружие, а также сосуды с пищей. В расстановке посуды устанавливается некоторая закономерность. Как правило, сосуды ставили у головы погребенного, реже у таза. В отдельных случаях (обилие сосудов, когда количество их доходило до 30) покойник обставлялся ими со всех сторон. Сосуды, встречающиеся в погребениях, весьма своеобразны, для них характерны врезной и рельефный орнамент, отсутствие росписи, встречающейся на керамике синхронных кувшинных погребений. В некоторых случаях после того как уложили труп могилу наполовину засыпали землей, разводили костер, куда сбрасывали куски мяса и отрезанную голову жертвенного животного. Таким в общих чертах представляется обряд погребения в грунтовых могилах ялойлутепинского типа.

Погребения в бассейнах Алазани, Турианчая и Пирсаатчая тождественны по обряду погребения и керамике, что позволяет относить их к определенному отрезку времени. При изучении глиняных изделий нельзя не обратить внимание на тождество и аналогию керамики из грунтовых и кувшинных погребений. Так, в кувшинных погребениях Мингечаура найдено большое количе-

ство изделий с сильно развитым желобчатым сливом, иногда на поддоне, а также красноглиняные чаши на трех ножках, имеющих аналогии среди керамики из грунтовых погребений. С изделиями из кувшинных погребений и сырцовых гробниц аналогичны небольшие узкогорлые кувшинчики с ручкой и трубочкой-сливом (О.Ш.Исмизаде, Ялойлутепинская культура, табл. I, рис. 14; XII, рис. 5; XXI, рис. 1-4), большое количество кувшинов с трехлепестковым (круглым) венчиком и пуговками у слива, а также большое количество красноглиняных чаш из погребений типа Ялойлутепе. С изделиями из кувшинных погребений также тождественны большие узкогорлые кувшины с двумя вертикальными ручками (О.Ш.Исмизаде, Ялойлутепинская культура, табл. III, рис. 3; XII, рис. 1; ср. также табл. XXVI, рис. 1-10). Кроме керамических изделий здесь обнаружены железные секачи, ножи, кольца, украшения из золота, стекла и стекловидной массы. Изучение керамики кувшинных погребений, с одной стороны, и глиняных изделий из сырцовых и грунтовых погребений — с другой, позволяет высказать предположение о синхронности указанных памятников. Касаясь датировки грунтовых погребений, А.А.Иессен пишет, что наиболее вероятной датой культуры Ялойлутепе кажется время около IV — I вв. до н.э. С этой датировкой согласны И.И.Мещанинов и Т.С. Пассек. С А.А.Иессеном в основном согласны О.Ш.Исмизаде, датирующий грунтовые погребения (последний этап) от III до I в. до н.э., И.М.Джафарзаде — III в. до н.э. — I в. н.э., а также К.Х.Кушнарева — III — I вв. до н.э. Основой датировки последнего периода культуры Ялойлутепе являются римский серебряный денарий второй половины I в. до н.э. и серебряная парфянская драхма I в. до н.э. Аналогии в керамике, наличие железа, стекла, римского денария и парфянской драхмы позволяют с большой вероятностью отнести самый последний этап развития культуры Ялойлутепе ко времени I и II вв. н.э.

К одному из распространенных видов погребального обряда Албании относятся кувшинные погребения, обнаруженные в Багман-бергушате, Вандаме, Калагах, Ивановке и Куба-халиллы, Пиразы, Мингечауре, Гургуджа, Калатепе, Агджабеди, Эфетли, Покровке, Джафархане, Горадизе, Физули, Ханкенди, Гарове, Узерликтепе, и других мест на территории Азербайджана, а также в Земоавчале, Мцхета и других местах Восточной Грузии; кувшинные погребения открыты и в Армении: Гарни, Двине, у озера Севан, Вагаршапате, Арташате, Ошакене и других местах. Раскопки позволяют воссоздать картину погребального обряда. Как правило, кувшинные погребения также не имеют никаких наземных признаков. Глубина могильных ям различна, начиная от нескольких десятков сантиметров и кончая тремя-четырьмя метра-

ми. Могильные ямы имели квадратные, прямоугольные, круглые или овальные формы; дно обычных могил занимало площадь от 2 × 2 м, а наиболее богатых до 3 × 5 м. Погребальные кувшины вылеплены из красноватой глины; они без ручек, с массивным отогнутым венчиком; кувшины сужаются к плоскому днищу. Высота колеблется от нескольких десятков сантиметров до 2,05 м, диаметр кувшинов колеблется от 0,7 до 1,5 м, диаметр горловины — от 0,21 до 0,34 м; диаметр днища — от 0,15 до 0,35 м, толщина стенки кувшина — от 1,0 до 2,5 см. Погребальные кувшины укладывались на дно ямы в горизонтальном положении. Часто кувшин с боков снабжали подпорками из небольших камней. Отверстие погребального кувшина закрывали кусками разбитой глиняной посуды, известковыми плитами, сырцовыми и обожженными кирпичами или камнями. Заложённая таким образом горловина обмазывалась глиной. Подростков хоронили в кувшинах несколько меньшего размера. Высота детских погребальных кувшинов колеблется от 0,65 до 0,75 м, максимальный диаметр — 0,6 м, диаметр венчика — 0,35 м, горловины — 0,30 м, диаметр днища около 0,15 м. Детей хоронили в кувшинах небольших размеров, имеющих две, три или четыре ручки. Иногда детское погребение лишь прикрывалось кусками сосудов. Обычно в каждом погребальном кувшине только один костяк в скорченном положении на правом или левом боку; встречаются погребения с вытянутыми костяками. Зафиксировано немало парных погребений: главным образом, это — погребение мужчины и женщины, похороненных в одно и то же время. Подобных синхронных захоронений взрослых и детей пока не обнаружено. Кувшинное погребение с тремя костяками представляет большую редкость. Почти все костяки расположены вдоль погребального кувшина. В подавляющем большинстве случаев черепа находятся у горловины и только иногда у днища погребального кувшина. Ориентация погребальных кувшинов неодинакова. Наиболее устойчива ориентация в Мингечауре, где большинство кувшинов направлено с юго-востока на северо-запад. Устойчивая ориентация кувшинов наблюдается и в карабулагском некрополе — большинство кувшинов ориентировано с северо-запада на юго-восток. В других могильниках ориентация кувшинов различна. В Самтавском могильнике наблюдались ориентации: в одном случае с севера на юг, в другом — с востока на запад. В Багман-бергушате направление погребальных кувшинов с северо-запада на юго-восток, а также с северо-востока на юго-запад. Ориентация с северо-запада на юго-восток наблюдается в некоторых погребениях Агджабеди, Агдама и Калагях. Стабильная ориентация погребений в Мингечауре имеет аналогии в могильниках Пираза и других кувшинных некрополях. Таким об-

разом, в одних и тех же могильниках намечаются большие группы погребений, в ориентации которых преобладает восточное направление с уклоном больше на юг и меньше на север или западное — с уклоном больше на север и меньше на юг. В настоящее время проследить закономерность в ориентировке кувшинных погребений подробней не удастся из-за отсутствия более полных сведений. Можно лишь высказать предположение о локальных ориентировочных объектах, что подтверждается могильниками Мингечаура и Карабулага, ориентации погребений которых заставляют предполагать наличие между ними одного из святилищ античной Албании. Вместе с покойником в погребальный кувшин клали сосуды, орудия труда, оружие, а также различные украшения: встречаются серьги из бронзы, серебра и золота; бронзовые, железные и серебряные перстни со вставками и перстни из сердолика, а также сосуды из стекла различных оттенков и размеров. Вероятно, изделия из стекла ценились наравне с золотыми и серебряными изделиями и принадлежали более или менее обеспеченным албанам. В могилу клали и монеты, значительная часть которых является парфянскими. Обилие ножных и ручных браслетов и большое количество височных колец, колокольчиков, фибул, подвесок из стекла, ракушек каури, а также золотые и бронзовые пуговицы говорят о том, что древние албаны хоронили своих покойников в платье и украшениях. Как было уже сказано, сосуды ставились в погребальный кувшин и вокруг него. Количество сосудов от 1 до 6: они ставились то у горловины, то по сторонам, а иногда и у дна погребального кувшина. Керамика погребений своеобразна; орнамент на сосудах состоит из рельефных и врезанных геометрических рисунков, что является характерным для орнамента и на сосудах из грунтовых погребений, а также стилизованных изображений, нанесенных красной краской. Остатки угля и золы позволяют предполагать, что еще до засыпки могилы у горловины погребального кувшина разводился большой костер. Кувшинные погребения Самтавро тождественны по обряду погребения, керамике и металлическим изделиям, что указывает на принадлежность их к одному, относительно короткому периоду. Как уже говорилось, эти погребения характеризуются отсутствием больших или малых глиняных изделий, сопровождающих погребальные кувшины; инвентарь каждого погребения — два сосуда. Сравнение дает большое количество аналогий не только в обряде захоронения и размещения инвентаря, но и в других элементах культуры. Так, в кувшинных погребениях Самтавро выявлены бронзовые, серебряные и золотые серьги, геммы от бронзовых и железных перстней, аналогичных геммам из погребений Мингечаура. Кроме того, в кувшинных погребениях

Самтавро найдены бронзовые колокольчики (например, кувшинные погребения № 28, 59; 1939 г.) и пуговицы (кувшинное погребение № 227; 1940 г.), обломки железного ножа (кувшинное погребение № 227; 1940 г.), бронзовые фигурки оленя, а также небольшие глиняные усеченные пирамиды с дырочками для вдевания ниток — все эти предметы имеют аналогии в кувшинных погребениях Албании. То же самое можно сказать об украшениях, происходящих из кувшинных погребений Земоавчалы: встречаются пастовые и стеклянные бусы, железные перстни со вставками из стекла, костяные подвески в виде “капли”, бусы из сердолика и обожженной глины, находимые в большом количестве в кувшинных погребениях Мингечаура.

Эти аналогии были бы относительны, если бы в кувшинных погребениях Самтавро не были обнаружены пять серебряных аршакидских монет Орода I (80 — 78 гг. до н.э.), Санатрука (77 — 70 гг. до н.э.) и Фраата III (70 — 58 гг. до н.э.), подтверждающих принадлежность кувшинных погребений этой зоны к I в. до н.э. — I в. н.э. Данная датировка может быть принята как наиболее вероятная.

Подобно погребениям Самтавро кувшинные погребения Мингечаура единообразны и по своему обряду и по богатой керамике, представляя одно из больших и характерных звеньев в цепи кувшинных погребений Кавказа. Мингечаурская керамика часто аналогична или тождественна изделиям не только кувшинных погребений близлежащих территорий. Так, чаши на трех ножках, кувшинчики с длинным желобчатым сливом, расположенным влево от ручки под углом 90 градусов, узкогорлые кувшины с двумя вертикальными ручками, одноручные кувшины с трубчатым сливом, прикрепленным к венчику, кувшины с узким и широким горлом и вертикальной ручкой, фляги с двумя ручками, кувшинчики с трубчатым носиком, расположенным на 90 градусов влево от вертикальной ручки и, наконец, большое количество чаш с ручкой и без нее имеют аналогии в синхронных грунтовых погребениях типа Ялюлутепе. В этом отношении интересны краснолощенные миниатюрные глиняные изделия, по способу обработки напоминающие краснолощенную керамику из кувшинных погребений Самтавро. Для кувшинных погребений Мингечаура изучаемого времени наблюдается уменьшение количества больших кувшинов, сосудов с носиком и больших вьючных фляг вокруг погребального кувшина. Зато появляется оружие — железные мечи, кинжалы, ножи, железные вилы и т.д.; к предметам этого времени относятся также канделябры. В погребениях найдены золотые серьги со вставками из камней и без них, бронзовые и серебряные браслеты с зооморфными концами, фибулы, перстни

с геммами из стекла и пасты, а также большое количество массивных ручных браслетов и бус из стекла, аналогичных самтаврским.

Монеты, обнаруженные в кувшинных погребениях Мингечаура: две серебряные драхмы Тиграна II (95 — 55 г. до н.э.), римский серебряный денарий, чеканенный Л.Скрибонием Либоном (около 54 г. до н.э.), римский серебряный денарий, чеканенный Гнеем Помпеем Магнусом Младшим (около 46/45 г. до н.э.), два одинаковых римских республиканских серебряных денария, выпущенных Л.Плавтием Планком (около 45 г. до н.э.), драхма Фраата III (70 — 58 г. до н.э.), драхмы Митридата III (57 — 55 г. до н.э.), драхмы Орода II (58 — 39 г. до н.э.) позволяют датировать часть мингечаурских кувшинных погребений I в. до н.э. — I в. н.э. Место кувшинных погребений Агджабеди, а также других близлежащих мест на западе степи Миль в относительной хронологии памятников не вызывает затруднений и определяется, главным образом, по керамике и обряду погребения в горизонтально лежащих кувшинах. Датирующим материалом служат характерные керамические изделия: одноручные узкогорлые кувшины с трубочкой-сливом, маслобойки, кувшины узкогорлые с круглым или трехлепестковым венчиком и ручкой, которые говорят об одновременности бытования их с керамикой Мингечаура и его районов, а также широкогорлые кувшины с круглым или трехлепестковым венчиком, чаши без ручек и небольшие широкогорлые кувшинчики без ручек, которые синхронны керамике не только Мингечаура, но изделиям из глины Самтавро и Гянджачая. Далее на восток обнаружены кувшинные погребения Мугани, близкие к кувшинным погребениям Мингечаура и Агджабеди. Датирующим материалом служат керамические изделия (одноручные узкогорлые и широкогорлые кувшины и т.д.), предметы украшения (бронзовые браслеты, медные перстни, стеклянные бусы), имеющие аналогии в соседних кувшинных и грунтовых погребениях. Все это позволяет датировать кувшинные погребения Мугани I в. до н.э. — I в. н.э.

Допуская возможные отклонения датировки в ту или иную сторону еще полностью не изученных кувшинных погребений Самтавро, Мингечаура и особенно степей Миль и Мугань, можно утверждать, что полученные хронологические рамки важны как отправная точка и не будут страдать значительной погрешностью, если иметь в виду, что значительная часть кувшинных погребений, расположенных севернее реки Куры, более моложе, а те, которые находятся южнее, — более древние.

Кроме грунтовых и кувшинных погребений, определяющих археологическое лицо античной Албании, обнаружены некрополи, не имеющие ясных параллелей. К одному из них относятся

сырцовые погребения, обнаруженные только на берегу реки Гянджачай недалеко от Гянджи. Большая часть гробниц выстроена в могильных ямах, выкопанных на древней курганной насыпи. Ямы прямоугольны, дно могилы занимает площадь от 0,6 × 1,1 м до 3,0 × 5,0 м. Строительным материалом служили сырцовые плиты. Гробницы и их перекрытия делятся на три большие группы. На дне разжигали костер, огонь охватывал часть гробницы. При погребенном обнаружены закопченные кувшины. На дно укладывали труп при украшениях и очень редко при оружии и орудиях труда. Зафиксирован случай, когда дно гробницы покрывалось белой известью, сырцовыми плитами или деревянным настилом. Внутренний обмер погребальной камеры показывает, что длина гробниц колебалась от 0,85 до 3,3 м, ширина — от 0,32 до 1,65 м, а высота от 0,13 до 1,0 м. Большая часть погребенных в вытянутом положении с руками на груди или вдоль туловища, меньшая — в скорченном положении на правом или левом боку. В гробницах преимущественно по одному костяку, хотя встречаются и парные захоронения (в одной гробнице два костяка) и парные гробницы (в одной яме две сырцовые гробницы). Ориентация с запада на восток. Сосудов в каждой гробнице насчитывается от одного до трех. Они почти всегда находятся у ног погребенного и состоят, главным образом, из кувшина и чашечки. В некоторых гробницах глиняная посуда отсутствует. Погребальный инвентарь состоит из разнообразных браслетов, височных колец, бус, серег и монет. В одной из парных сырцовых гробниц обнаружена литая стеклянная гемма с изображением рукопожатия. Гробницы аналогичны по обряду погребения и по керамике. Это обстоятельство указывает на непродолжительность бытования носителей этой культуры. Сырцовые гробницы характеризуются небольшим количеством керамики: узкогорлыми кувшинами с ручкой и трубчатым сливом, кувшинчиками с трубчатым сливом, находящимся на 90 градусов влево от вертикальной ручки, широкогорлыми кувшинами с ручкой и красноглиняными чашами, имеющими аналогии в керамике из кувшинных погребений. Гробница № 8 (курган № 4, Розендорф) содержала длинный железный меч, двуручный кувшин с орнаментом из коричневой краски и второй скорченный костяк, найденный у ног покойника. Значительное количество длинных железных мечей обнаружено в кувшинных погребениях Мингечаура. К тому же времени относится расписной сосуд, орнамент которого повторяет мотивы мингечаурских сосудов (незакрашенные треугольники между нижней и средней горизонтальными параллельными линиями) и сосудах из Агджабеды — зигзагообразные линии сверху вниз между средней и верхней линиями.

Интерес вызывает второй костяк. Одновременное погребение характеризуется обычным положением главного костяка, уложенного на правом или левом боку с соответствующей ориентацией, и необычным положением второго костяка, находимого обычно в сидячем или лежащем положении. Парные кувшинные погребения Самтавро и Мингечаура относятся к одному и тому же отрезку времени I в. до н.э. — I в. н.э. В гробнице № 11 (курган № 4, Розендорф) также обнаружен скорченный костяк у ног погребенного (главного костяка). Здесь же найден кувшин с асимметричным врезанным орнаментом. Вопрос о датировке погребений № 46, 47 (Гуммель) интересен в связи с другими находками. Оба погребения находятся в одной и той же грунтовой яме вплотную друг к другу. Аналогичное парное захоронение выявлено Г.О.Розендорфом (курган № 4, гробницы № 3-4). Для сооружения гробниц также была использована одна общая яма; лица погребенных обращены друг к другу. И первое и второе парные погребения имеют относительно богатый инвентарь. И в первом и во втором погребениях найдены аналогичные бронзовые серьги формы висячего замочка плоской листовидной формы. В погребении № 47 обнаружена бронзовая лопаточка, украшенная врезанным орнаментом, состоящим из прямых линий, и гемма с изображением рукопожатия. Бронзовые лопаточки обнаружены в Гарни, Мингечауре и др. Обращают на себя внимание браслеты с обвивающимися концами; они находят аналогии за пределами Албании. Перечисленные аналогии керамики и других предметов подкрепляются монетными находками — серебряной аршакидской драхмой Фраата III (70 — 58 гг. до н.э.) и Орода I (по-видимому, Орода II — 58 — 39 гг. до н.э.), что дает возможность датировать некрополь на берегу Гянджачая I в. до н.э. — I в. н.э.

Если приведенный материал отражает существующие реалии, то на территории Албании для наиболее освещенного античными писателями времени I в. до н.э. — I в. н.э. Фиксируются отдельные археологические зоны, имеющие свои характерные особенности и поэтому отличающиеся друг от друга. Для изучаемого времени в первую очередь выделяются две большие зоны распространения некрополей.

Одна из них охватывает в основном территорию к северу от Куры, т.е. левобережье с преобладанием грунтовых погребений типа Ялойлутепе. У зоны своя специфика. Так, могилы этого типа содержат одиночные погребения; парных захоронений не встречено. Керамика имеет в основном девять типов специфической глиняной посуды, отличающейся от глиняных изделий Самтавро, степи Миль и Гянджачая. К ним относятся: ваза на одной ножке, вазы на трех ножках, кувшины с вертикальной ручкой, чаши без

ручки, чаши с ручкой, кувшины с трубчатым носиком — расположенным на 90° влево от вертикальной ручки, фляги с двумя ручками (иногда с трубчатым носиком), кувшины с двумя вертикальными ручками, одноручные кувшины с трубочкой-сливом, прикрепленным к венчику. Для всей территории распространения грунтовых погребений характерна керамика из глины как черного (иногда с темно-коричневым оттенком) и серого (светло-серого и темно-серого тонов), так и желтого (светло-желтого и почти белого), и красного (светло-красного и темно-красного тонов) цветов. Бросается в глаза отсутствие крашеной керамики. Орнамент на сосудах рельефный или врезанный. Рельефные пуговицы или врезанные линии на тулове сосудов отражают числовые отношения в основном "три", "семь", "одиннадцать". Для грунтовых могил характерно отсутствие монет (за исключением монет-подражаний и др.). Территория распространения грунтовых погребений типа Ялойлутепе в основном охватывает долины юго-восточных склонов Большого Кавказа, начиная от бассейна Алазани до берегов Пирсагата.

Другая зона занимает земли главным образом к югу от Куры, ее правобережье, с преобладанием погребений в кувшинах. Представляют интерес районы распространения некрополей. В этом отношении выделяются могильники долины Куры, представленные кувшинными погребениями Мцхета, Самтавро, Дигоми и Земоавчалы. Ориентация: с севера (днище) на юг (горловина) и с востока (днище) на запад (горловина) в Самтавро или с северо-востока на юго-запад в Земоавчала. Инвентарь небогат. В погребениях по два сосуда. Около погребального кувшина (горловины прикрыты черепицей) керамика отсутствует. Размеры сосудов также невелики. Оружие и орудия труда отсутствуют. Отмечается обилие гемм, четырехгранных пронизок из голубого и синего стекла, найдены браслеты с прогнутой спинкой. Кувшинные погребения этого района тесно примыкают к некрополям Мингечаура, степи Миль и др., содержат большое количество одиночных и парных погребений (один случай тройничного погребения); керамика имеет 4 типа специфической посуды, отличающейся от изделий из грунтовых и сырцовых погребений, а также из кувшинных погребений Мингечаура и степи Миль; отличается рядом своеобразных черт: тулово грушевидное, венчики имеют расходящуюся форму; в основном сосуда одноручные, поверхность покрыта красной краской. Для всей территории распространения кувшинных погребений характерна керамика из местной глины. Сосуды этой группы в основном не имеют орнамента (ни рельефного, ни врезанного). Для кувшинных погребений Самтавро характерны монеты в основном парфянского чекана.

Большой арсенал некрополей долины Куры представлен в основном кувшинными погребениями Мингечаура, Каркарчая и степи Миль. Ориентация в основном с юго-востока (днище и ноги) на северо-запад (горловина и череп). Иногда погребальный кувшин имеет направление с запада (днище) на восток (горловина) или с юга (днище) на север (горловина), а также с северо-запада (днище) на юго-восток (горловина). В большинстве случаев горловина погребального кувшина прикрывалась фрагментом большого глиняного сосуда. Для погребений характерно небольшое количество сельскохозяйственных орудий наряду с кинжалами, мечами и наконечниками стрел. Почти во всех погребениях попадаются бусы из яшмы, агата, сердолика, стекла и ракушек, бронзовые браслеты, серьги, кольца и пр. Характерны также ручные и ножные браслеты, шейные гривны, обнаруженные в некрополях Мингечаура. Для этого района свойственны также сосуды из стекла. Наряду с мелкими керамическими изделиями, обычно находящимися в погребальном кувшине, встречаются и крупные изделия в основном красного цвета. Немало керамики с зооморфными мотивами. Кувшинные погребения содержат большое количество одиночных погребений, парных — немного. Глиняные изделия изучаемого района имеют приблизительно десять типов специфической глиняной посуды, отличающейся от керамики грунтовых и сырцовых погребений, а также от кувшинных погребений Самтавро. К ним относятся большие погребальные кувшины с двумя или четырьмя ручками, кувшины узкогорлые с круглыми или трехлепестковыми венчиками и ручкой, кувшины широкогорлые с круглым венчиком и ручкой, чаши на поддоне и без него с одной ручкой, чаши без ручки, фляги с двумя ручками (вьючные), узкогорлые кувшины с двумя ручками, широкогорлые кувшины с двумя ручками, узкогорлые кувшины с ручкой и трубочкой-сливом. Керамика, главным образом, из светлой глины. Сосуды изучаемого района имеют богатый рельефный или врезанный орнамент, большое количество керамики с рисунком из красной краски. Для кувшинных погребений района характерны монеты парфянского происхождения. Кувшинные погребения занимали обширную территорию, в I в. до н.э. — I в. н.э. включавшую нынешнюю Кахетию, район Мингечаура, а также Мильскую степь и более восточные районы.

Существование отдельных больших археологических зон не исключает совместное проживание в смежных районах. Именно в это время кувшинные погребения встречаются на левобережье, так же как грунтовые — на правобережье Куры.

Отдельные археологические зоны со своими характерными особенностями, по-видимому, являют собой самобытные культур-

ные ареалы: слишком велика разница между доминирующими обрядами античной Албании — грунтовыми и кувшинными погребениями как по форме, так и по содержанию, чтобы считать их отражением идентичного культурного процесса, хотя многое в этом процессе взаимно переплетается, в том числе обычай хоронить покойников на одном и том же кладбище: в грунтовых ямах, с одной стороны, и в кувшинах — с другой. По всей видимости, отдельные археологические зоны связаны с процессами как этническими, так и культурными. Как бы то ни было, в изучаемое время культура носителей грунтовых погребений переживает упадок, а население, представлявшее кувшинные погребения, увеличивалось, занимая доминирующее положение.

По-видимому, речные долины являются теми путями, по которым распространялось население, хоронившее в кувшинах. Особенно хорошо прослеживается это движение на северо-запад еще в конце I в. до н.э. и на северо-восток (к северу от Куры) от степи Миль и Мингечаура. Все кувшинные погребения, расположенные севернее Куры, как правило, являются некрополями более позднего времени. Появление их на левобережье, возможно, следует понимать как движение обряда от берегов Аракса на север к Агдажбеди, оттуда в Мингечаур и Самтавро и далее в Калагях и Хыныслы. Некрополи у Калагях и Багман-бергушата датируются I — II вв. н.э., а возможно, и III в. н.э. На основании керамики и украшений, а также стеклянных изделий, датируемых по аналогии с предметами из других погребений, некрополь у Пираза также относится ко II в. н.э.

Помимо албанов и другого населения, обитавшего на Восточном Кавказе, в источниках упоминаются номады. О кочевниках, просачивающихся на территорию албанов, как и соседних иберов, а отсюда на территорию, населенную армянами, говорится у Флавия: албаны и иберы не согласились воевать с парфянами, а направили против них кочевников, живших на севере, “через свои (земли) и Каспийские ворота”. Об очередном вторжении с севера против армян рассказывает Тацит. Так, “иберы, владея местностью, быстро впускают сарматов Каспийской дорогой против армян” (VI, 33). О движении скифов, призванных против Тиридата парфянским царем Артабаном II (10 — 38 гг.), сообщает Дион Кассий. Так, “Артабан призвал на помощь скифов и без труда прогнал (Тиридата)” (58, 26). О нашествии на Кавказ и Атропатену “аланов, которые являются скифами”, сообщает Флавий Амбросий (IV в.) также говорит о походе алан через Каспийские ворота в Мидию. Так, аланы попросили гирканского царя, чтобы он “отворил ворота и предоставил возможность вылазки; достигнув этого, (они) обрушились на племя мидийцев и, добыв скоро

быстрых коней, а равным образом привязав справа других... они объехали почти всю страну... ибо страна была многолюдна и изобиловала скотом; без сопротивления (она) легко была доступна грабежу...". Изучаемая территория подвергалась нападениям и в более позднее время.

Таким образом, кочевники проникали на территорию Южного Кавказа, в Армению и Атропатену. Если сообщения древних писателей отражают реальное положение, то эти движения кочевников в последние века до нашей эры — первые века нашей эры не могли миновать античную Албанию, занимавшую значительную часть Восточного Кавказа. На территории Албании скотоводы могли пользоваться лугами прикуринских долин, по Страбону, имевших вид богатых пастбищ (XI, 4, 3). Античный географ указывает и на то, что в войнах с врагами номады помогали как албанам, так и иберам; Страбон имеет в виду племена, которые нередко нападали на земледельцев, когда отмечает, что номады "часто накладывают руку на людей, не дают заниматься земледелием" (XI, 4, 5). Это сообщение согласуется с упоминанием у Плутарха значительного количества племен, не имеющих царей и "пасущих стада (на берегах) Аракса...". Если сообщение Страбона позволяет судить о военной силе кочевников, то сообщение Плутарха раскрывает скотоводческий образ жизни и местопребывание кочевников.

Для выяснения вопроса о территории обитания скотоводов снова обратимся к Страбону: саки "овладели в Армении лучшей землей, которая по их имени и стала называться Сакасенной" (XI, 8, 4). Возникает вопрос: где находилась эта "лучшая земля" саков? Страбон указывает, что за долиной, по которой река Аракс течет в пределы Албании и впадает в Каспийское море, находится "Сакасена, тоже граничащая с Албанией и рекой Кюр" (XI, 14, 4). Указание античного автора позволяет утверждать, что территория сакассов или саков примыкала к Албании и реке Куре. Весьма ценно, что сообщение Страбона перекликается с утверждениями других авторов. Так, Плиний сообщает, что земли мосхов лежат вплоть "до реки Ибер, впадающей в Кюр, а ниже них сакасы" (VI, 29). У Арриана сакасы упоминаются вместе с албанами, что лишним раз подтверждает предположение о тесных связях между албанами и их соседями, к этому времени, по-видимому, уже закрепившимися на территории Восточного Кавказа. Область сакассов упоминают и поздние источники.

В исторической литературе вопрос о сакасах или саках и их территории освещен слабо. Можно отметить, что И.Маркварт упоминает Сакасену в составе области Ути, а С.Т.Еремян — в районе Гянджи и Шеки. И.М.Дьяконов связывает Сакасену с одной из

сатрапий Мидии, возводя сакашенов к ортокорибантиям, упоминаемым Геродотом. Сакашенов, как одно из крупных племенных объединений, отличавшееся высокими военными качествами, отмечали К.В.Тревер и другие исследователи.

Изучение сообщений античных авторов позволяет полагать, что объединения сакашенов или саков имели место на территории, куда примыкали северо-западные пределы древней Албании, главным образом, к западу от реки Тертер.

Вызывает интерес и другая группа номадов. Помпоний Мела, имея в виду, по всей вероятности, территориальное соседство, упоминает рядом массагетов и кадусиев (1, 13). Говоря о событиях середины II в., Дион Кассий связывает начало похода против страны "албанов, ведущих (свой род) от массагетов" (69, 15). Это сообщение, по-видимому, говорит о том, что на территории античной Албании имелось определенное количество кочевых массагетов, которых Дион Кассий возводил к одному и тому же корню с албанами. В связи с этим вызывает интерес сообщение Аммиана Марцеллина, писавшего, что "Помпей прошел через страну албанов и массагетов, которых мы теперь называем аланами, разбил это племя и увидел Каспийские озера" (23, 5, 16). Автор IV в. в аланах видел потомков массагетов и, наверное, вел речь о территории, примыкающей к Каспийскому морю. Как известно, при попытке завоевания Кавказа Помпей до Каспия не дошел, но столкнулся с местными, возможно, кочевыми потомками массагетов. Более поздние авторы продолжали упоминать массагетов в связи с Каспийским морем. Вопрос о массагетах на территории древней Албании не получил в исторической литературе достаточного освещения. М.Бархударян в свое время локализовал массагетов в районе между Дербентом, Каспием и отрогами Малого Кавказа. Касаясь вопроса о массагетах, С.Т.Еремян полагает, что побережье у Каспийского моря занимало скифское племя массагетов и что территория, занятая этим племенем, простиралась до северных пределов Албании. Массагетов упоминает К.В.Тревер, пытаясь отделить их от мазкутов; в Восточной Албании локализует массагетов автор настоящей работы; на основании параллели мазкут-маскат В.Ф.Минорский массагетов помещает в районе Кубы. Согласно И.Г.Алиеву, племена массагето-аланского круга уже в I в. н.э. проникали на территорию прикаспийской полосы Азербайджана.

Изучение сообщений античных писателей позволяет высказать предположение, что значительная часть территории, примыкающей к морскому побережью от Дербентского прохода до нижнего течения Куры, была обитаема группами кочевников, носивших общее название массагетов.

На территории Азербайджана обнаружены погребения в катакомбах, представляющих куполообразное подземное сооружение на глубине до 6,0 м. Доступ в погребение через длинный (2 — 4 м) и широкий (0,6 — 1,1 м) проход с прямоугольным или овальным входным просом. Для Албании начальный период катакомбных погребений относят ко времени от I в. до IV — V вв. Как правило, в каждой могиле имеется один костяк, в редких случаях — два. Костяки в скорченном состоянии на левом боку. Лица у покойников обращены ко входу в камеру. Покойника хоронили в одежде, с украшениями; рядом клали орудия труда и оружие. Иногда на полу камеры около погребального кувшина или сруба укладывали труп человека. Часть носителей культуры катакомбных погребений имеют деформированные черепа. Надо сказать, что появление катакомбных погребений знаменует собой радикальную перемену в погребальном обряде населения Албании. При сравнении обряда грунтовых и кувшинных погребений, с одной стороны, и катакомбных — с другой, замечаются особенности, отличающие аборигенов от пришлого населения: чуждая для Албании форма могил и присущая носителям этой культуры искусственная деформация черепа; катакомбы содержат меньшее количество глиняных изделий, которые к тому же небольших размеров; чаще, чем в грунтовых и кувшинных погребениях, встречаются стеклянные сосуды.

Истоки культуры катакомбных погребений, обнаруженных на изучаемой территории, находятся за пределами страны. Подобный погребальный обряд, аналогичная деформация черепа, а также другие особенности имеют распространение не только в Северном Прикаспии, где катакомбные погребения появляются еще в IV — III вв. до н.э., т.е. раньше, чем в Албании, на целых четыре столетия, но и на большой территории к западу и востоку от Каспия. Так, в Средней Азии зафиксировано большое количество катакомбных и подбойных погребений; к ним относятся некрополи в Фергане, Газизентском оазисе, Таласской долине; наряду с этим катакомбные погребения имеются на Тяньшане и Памиро-Алае, а также в Ошской области. Вместе с тем Средняя Азия имела связи с Восточным Туркестаном. Интересны в этом отношении могилы, открытые в Китае, и другие катакомбные погребения, в связи с которыми отмечается деформация черепов европеоидных и монголоидных физических типов.

Разрозненные письменные источники и ограниченный археологический материал последних веков до н.э. — первых веков н.э. не позволяет более подробно остановиться на вопросе о проникновении кочевников в античную Албанию, хотя уже теперь можно выделить отдельные районы расселения: сакасы упоминаются

на албанском западе (по Страбону и Плинию), а массагеты — на востоке (по Меле, Диону Кассию и более позднему Марцеллину). Имеются сведения и о номадах у Аракса (по Плутарху). Со скотоводческими племенами, проникавшими на территорию древней Албании, связываются носители культуры катакомбных погребений, занимавших земли к западу и востоку от Каспийского моря.

Представляется необходимым остановиться на вопросе о местной языковой ситуации и связать его с эпиграфическими памятниками, ретроспективно освещающими этнические особенности античной Кавказской Албании.

Страбон сообщает, что в Албании “отличаются и басилевсы”. Поэтому в настоящее время над всеми властвует один, а прежде (над носителями) каждого языка царствовали отдельные (басилевсы). Языков у них двадцать шесть из-за нечастых сношений друг с другом” (XI, 4, 6). Сведения эти недостаточны для воссоздания реальной этнической картины. И в эпоху разрозненных племен, во главе которых стояли несколько басилевсов, и позже, когда населением правил один басилевс, в Албании бытовали свои языки или диалекты: их было двадцать шесть. Сохранилось упоминание о языке албанов у епископа Ипполита Партского (III в. н.э.). Согласно этому автору, “племена, которые имеют свои языки, следующие: ...маги, каспии, албаны... армяне, иберы...” (Хроника, 25). Приведенное сообщение интересно в том отношении, что древний писатель, видимо, использовал источники I — II вв. н.э., а это в свою очередь является ключом к сообщению Страбона. Есть основание предположить, что албаны имели свой язык, который был распространен в Албании, т.е. стоял обособленно среди языков Кавказа.

И действительно, археологические раскопки выявили знаки на фрагментах керамических изделий, относящихся к античному времени. Так, сохранилось несколько врезанных знаков на черепицах из Кабалы: один знак, напоминающий римскую цифру “X”, и два похожих по форме, но разных по размерам знака, слабо напоминающих одну из графем мингечаурской эпиграфики (первая буква албанского алфавита в армянской рукописи XV в., инв. № 7117, Матенадаран). Знаки нанесены на глиняную поверхность изделий еще до обжига. Для сравнения можно упомянуть врезанную надпись на одном из погребальных кувшинов Самтавро.

К особой разновидности имитации письменности можно отнести письмена-рисунки на глиняном изделии из селения Гаджатамлы. Полусферическое тулово сосуда, разделенное вертикальными выпуклыми линиями на пять секторов, покрыто двенадцатью выпуклыми знаками, внешне сходными с древнесемитскими. Согласно археологу Ф.Л.Османову, сосуд относится к III — I вв. до н.э., а знаки напоминают греческие и финикийские буквы.

Конечно, из эпизодического набора знаков трудно воссоздать алфавит или сказать что-либо о связях этих знаков с местными языками.

Однако на изучаемой территории найдены эпитафические памятники, отнюдь не связанные с местной традицией. К ним относятся хорошо сохранившиеся надписи античного времени. Так, еще в 1902 г. около селения Беюк-Дегне археолог Э.Реслер обнаружил древнегреческую эпитафию, высеченную на местном желтоватого цвета известняке (длина — 1,45 м, ширина — 50 см, толщина — 25 см). Надпись гласит: “Элий Ясон Эвнону Благодарителю памяти ради”. Надпись относят к I — III вв. н.э. Кто же эти люди, оставившие о себе столь редкую память на чужбине? Элий Ясон не мог быть албанином. Среди ограниченного количества дохристианских имен Кавказской Албании нет греческих или латинских. Элий Ясон или его благодетель Эвнон могли быть именно теми людьми, которые во II в. н.э. побывали в Албании с торговыми целями. Другая надпись, высеченная на поверхности скалы по-латыни, обнаружена у горы Беюк-Даш в Гобустане недалеко от Баку в 1948 г. Высота врезанных букв 7 — 16 см, глубина — около 1 см. Надпись гласит: *Imp(eratore) Domitiano Caesare Aug(usto) Germanic(o) L(ucius) Iulius Maximus, > (=centurio) leg(ionis) XII Ful(minatae)*. “При императоре Домициане Цезаре Августе Германском Луций Юлий Максим, центурион XII легиона Фульмината (Молниеносного)”.

В надписи упоминается Тит Флавий Домициан, император Рима (81 — 96 гг. н.э.), у которого титул “германский” появился в 84 г. XII легион Фульмината после Малой Азии и Сирии временно активизировался в Закавказье. К этому времени Домициан был убит и многие его изображения оказались жертвой “Закона об осуждении памяти”, эпитафические памятники с именем императора в Риме были уничтожены. Гобустанская латинская надпись относится к концу I в. н.э. и является самым восточным римским эпитафическим памятником, известным науке.

Скупые сведения о языках или диалектах; обнаруживаемые знаки на керамике дают основание предполагать, что местная письменность с большим трудом пробивала себе дорогу или, может быть, только зарождалась, тогда как надписи на древнегреческом и латинском определенно свидетельствуют о западном влиянии.

Уже в раннее средневековье снова дало о себе знать новое веяние: в Албании распространилось христианство. Во время археологических раскопок в Мингечауре были обнаружены надписи на большом камне, светильниках из обожженной глины и на фрагментах керамики. Эпитафические памятники насчитывают все-

го восемь надписей, большая часть которых фрагментарна. Надписи нанесены на керамические изделия до обжига. С самого начала они были восприняты как албанские.

Мингечаурскую эпиграфику впервые пытался раскрыть А.Г.Абрамян. Последующие попытки не отличались оригинальностью: копировалась схема этимологического метода. В свое время впечатлениями о мингечаурской эпиграфике я делился с К.В.Тревер.

В процессе изучения хранящихся в Музее истории Азербайджана (Баку) эпиграфических памятников (а не рисунков или фотоснимков) было выявлено, что среди них обращает на себя внимание один, наиболее сохранившийся и, следовательно, наименее дефектный. Это — хорошо обожженный красноватого цвета миниатюрный терракотовый светильник, имеющий форму усеченной пирамиды (высота — около 8 см, ширина граней от 3 до 5 см). Ножки (их было четыре) светильника отломаны. Светильник имеет вертикальное отверстие, постепенно расширяющееся кверху (диаметр 1 — 2 см).

Первоначально надпись имела 52 или 53 знака, из которых 49 сохранились отлично и только 4 деформировались. Знаки образуют строки, переходящие с одной грани на другую. С точки зрения современного читателя почерк неуверенный, идентичные знаки не совсем одинаково переданы, что, по-видимому, связано с необычностью материала для письма — было, вероятно, очень неудобно выводить знаки на небольшом предмете из сырой глины. Строки относительно ровные. Надпись состоит из двух самостоятельных предложений. Первое попеременно занимает все четыре грани и имеет 29 хорошо сохранившихся и 4 или 5 дефектных знаков, второе — только три грани при наличии 18 отлично сохранившихся и 1 дефектном знаках. Предложения четко прослеживаются согласно размерам знаков и по линиям строк, переходящих с одной грани на другую. Достаточно взять в руки светильник, чтобы легко убедиться в этом. Законченные формы этого памятника очень хорошо выражают дух времени. Выведенные на всех четырех гранях знаки как бы принизаны друг к другу — это говорит о мастерстве писца. Надпись идет слева направо: писец начал с одной из граней (с ее середины) и из-за недостатка места переходил по горизонтали на следующие. Для начала второй фразы он использовал верхнюю свободную часть второй грани и тоже по горизонтали письма переносил с грани на грань вплоть до завершения предложения. Это весьма существенно как для дешифровки, так и для интерпретации, ибо перед нами единственный более полно сохранившийся связный текст, у которого есть начало и конец. Особенности миниатюрного терракотового свети-

льника и знаки, запечатленные на его поверхности, говорят о связях с более ранними и более поздними памятниками мингечаурской эпиграфики. Письмо приближается к фонетической транскрипции, выделяются знаки в конце некоторых слов. Это, по-видимому, связано с падежным формантом. В чередовании знаков бросается в глаза некая закономерность, отражающая взаимосвязь между гласными. В данной ситуации знаки миниатюрного светильника являются эталоном для раскрытия мингечаурской эпиграфики в целом.

Другой древний эпиграфический памятник Азербайджана — большой терракотовый светильник с короткой надписью. Светильник имеет форму усеченной пирамиды, красноватого обжига, хорошо сохранился (высота — 18 см, ширина верхней части граней — по 6,5 см, нижней — по 10,5 см). Светильник имеет вертикальное (не сквозное) отверстие (диаметр — 3 см при глубине 13 см). Считаю, что в отверстие наливалось горячее и, может быть, вставлялся фитиль; верхняя часть светильника покрыта слоем гари. Нанесенная на уже твердую глиняную поверхность только одной грани еще до обжига надпись хорошо сохранилась и состоит из десяти знаков каждый размером в один сантиметр, три последние из них вырезаны сравнительно слабее. Упомянутый терракотовый светильник отличается от остальных особенностями, больше нигде не встречаемыми.

Неважной сохранности десятисантиметровый светильник светло-серого цвета с отломанными ножками имеет более обтекаемую форму. В свое время светильник был покрыт ангобом светлого цвета, имеет вертикальное отверстие (верхний диаметр — 2,5 см, нижний — около 1,5 см). На каждую из выпуклых сторон небрежно нанесены по горизонтали знаки (от 2 до 3 см). По вертикали идут знаки помельче, величина их не превышает 1 см. Надпись состоит всего из 9 крупных знаков по горизонтали и 6 более мелких знаков по вертикали (на ножках светильника). По-видимому, надпись, состоящая из более крупных знаков по горизонтали, являет собой одно целое, независимое от надписей, сделанных вразброс на каждой ножке по вертикали. Есть основание предполагать, что на двух отломанных ножках также были надписи.

Далее мы будем иметь дело с отдельными фрагментами эпиграфических памятников Кавказской Албании. Один из фрагментов представляет ножку подсвечника (одну из четырех ножек) вместе с частью тулова. Хорошо сохранилась нетронутая нижняя часть. Высота фрагмента — 15,5 см, ширина первой грани — 4,5 см, второй — от 2,5 до 4 см. По всему видно, что перед нами только часть большого красноватого, хорошо обожженного светильника,

покрытого более светлым ангобом. По фрагменту видно, что светильник был снабжен (как и вышеописанные) вертикальным отверстием, куда наливалось топливо и вставлялся фитиль. Каждая из двух граней имеет надпись, знаки которой очень хорошо сохранились, несколько небрежно выведены по сырой глине, пропорции между знаками не соблюдены. Нетрудно догадаться, что одна грань содержит начало одной надписи, следующая — конец другой. И первая и вторая, возможно, этимологически не связаны друг с другом и, следовательно, представляют две самостоятельные надписи. Можно предположить, что надписи имелись и на нецелевых ножках. От первой надписи сохранилось всего 13 знаков и едва заметный остаток четырнадцатого. Бросаются в глаза особенности почерка, приближающегося к рукописному. Надпись на другой грани керамического фрагмента являет собой последнюю строку, состоящую из 11 хорошо просматриваемых знаков, и обрывается на 12 знаке, остаток которого виден отчетливо. Первая надпись совсем бы не отличалась от многих эпиграфических памятников, если бы тут не было двух знаков, отсутствующих в остальных. Во второй надписи бросается в глаза особенность написания двух букв: они объединены как бы в один знак. Здесь сказалась более поздняя манера скорописи. Исполнение следующего знака также имеет свои особенности, выраженные очень ярко. Ножка светильника с двумя надписями по времени, пожалуй, стоит между ранними и поздними эпиграфическими памятниками Мингечаура, тяготея к первым простым формам знаков, а ко вторым — приятной манерой исполнения.

Фрагмент керамического изделия (большого хозяйственного кувшина или специально приготовленной таблички) красновато-го обжига (высота — около 9 см, ширина — около 10 см, толщина — около 2 см), поверхность слегка выпукла. Надпись состоит из четырех строк, до деформации, надо полагать, выходящих за пределы глиняного фрагмента. Об этом говорят остатки знаков, прослеживающихся в верхней и нижней краях фрагмента, а также на его правой окраине. Высота знаков от 1 до 2 см. Выделяются лишь три строки, знаки четвертой, находящейся на самом изломе, уже деформированы. Большинство знаков выглядят отлично. Достаточно взглянуть на фрагмент, чтобы убедиться, что автор надписи — высококвалифицированный писец — представитель теократического аппарата. На фрагменте сохранились следы разметки. Знаки на керамической табличке выведены мастерски, без намека на вычурность. Ровный ряд строк гармонирует с оставленными слева краями. Первая и вторая строки начинаются с заглавных букв, отличающихся от остальных лишь размерами. На керамической табличке более 15 знаков. Наберется и полдесятка де-

фектных. По всему видно, что надпись начинается на левой стороне фрагмента, хотя, как уже говорилось, в верхней и нижней частях, а также справа надпись обрывается. Обращает на себя внимание ровный ряд знаков, искусно нанесенных на глиняную поверхность. Здесь уже нечто от скорописи, от летописных анналов и расцвета письменности христианской Албании.

И, наконец, последний фрагмент венчика, по-видимому, от хозяйственного кувшина красноватого цвета, снабженного знаками знакомого нам алфавита. Длина фрагмента около 15 см. По всему видно, что надпись имела продолжение, но обрывается на месте слома. Знаки высотой около 2 см, отчетливых всего четыре, далее идут неразборчивые, по-видимому, уже другого слова, навсегда исчезнувшего вместе с недостающей частью венчика.

Самый большой по объему и количеству знаков эпиграфический памятник из Мингечаура — большая лапидарная надпись с павлинами — высечен из местного тяжеловесного сероватого туфа, имеет вертикальное отверстие. Верхняя площадь равна 78 x 69 см, нижняя — 67 x 62 см, высота — 40,5 см, диаметр отверстия — 19 см. Бордюр, содержащий знаки, выдается на 1,5 см, ширина — 7 см. Только на одной из четырех сторон рельефно выступают два павлина, обращенные друг к другу, а между ними стилизованное дерево, увенчанное трехлепестковым бутоном гранатового цветка. Выделяются сложенные крылья, пышные хвосты и типичные для павлинов хохолки, а также когтистые ножки. Шеи павлинов украшены пышными лентами с орнаментом. Изображение птиц и животных имется на близких по габариту капителях и базах V — VI вв. из Грузии. На одной из капителей (Болнис) изображены два павлина, а вместо стилизованного дерева поставлен крест; на другой (Цопи) — два скачущих оленя, а за ними их преследователь — лев. Для сравнения интересна база (Пантиани) с изображением летающих птиц (павлинов) с человеческими лицами, обращенными к расположенному между ними кресту. К.В.Тревер упоминает в связи с мингечаурским памятником деревянную резную капитель (VII — VIII вв.) из храма на острове Севан: на капители изображены две птицы, обращенные к древу жизни — пальметке.

Большая лапидарная надпись с павлинами, полагаю, имела 80 с лишним знаков, из которых в настоящее время имеется в наличии 51 ясный и около 10 дефектных. Таким образом, недостает около 20 знаков. Хотя надпись имеет и начало и конец, недостающие знаки отнюдь не способствуют дешифровке и, естественно, оставляют место для догадок и предположений. Относительно хорошо сохранились только вторая и четвертая стороны, знаки которых представляют интерес для дешифровки. Собственно, вторая и четвертая стороны являются как бы эталоном для всего па-

мятника. На второй грани 18 отчетливых знаков при одном стертом в конце, на четвертой (последней) — 21 ясный, около 3 выпавших при 1 деформированном. От правильной дешифровки этих строк зависит успех раскрытия всей лапидарной надписи. При нынешнем состоянии изучения большой надписи можно выделить около 30 знаков. Некоторые из них фигурируют в надписи только как исключение, другие — по несколько раз. Первое же ознакомление показало, что лапидарная надпись значительно отличается от мингечаурских надписей на керамических изделиях.

Отдельные местные знаки прослеживаются и на керамических фрагментах к ссверо-западу и ссверо-востоку от Мингечаура. Так, во время раскопок в местности Кётукли и Гюллюк недалеко от Лекита найдены фрагменты черепиц со знаками, аналогичными мингечаурским. Знаки рельефны, высота от 5 до 12 см. Предварительный анализ позволяет высказать предположение, что знаки встречаются на черепицах и раннего средневековья и более позднего времени. Другой фрагмент врезанной надписи (сохранились два знака) обнаружен на венчике большого хозяйственного кувшина из Караултепе (30 км к югу от Кабалы); датируется началом VIII в.

Попытки раскрытия двух сохранившихся и остальных шести фрагментарных или очень поврежденных надписей Мингечаура не увенчались успехом, ибо не соблюдены обычные правила дешифровки: одни и те же знаки, выведенные неодинаково еще древними писцами, нередко принимались за разные, а разные, только приблизительно напоминающие друг друга, выдавались за тождественные, т.е. много знаков воспринималось неверно и более чем неверно верифицировалось зачастую под влиянием окончательно не изученного албанского алфавита XV века. В подобном положении не может быть речи о применении дистрибутивного метода.

При попытках раскрытия мингечаурских надписей получалось "чтение" только дефектных надписей, тогда как хорошо сохранившиеся отнюдь не поддавались дешифровке. Это не смущало последователей этимологического метода: надписи еще не раскрыты, а их язык уже известен.

Желание увидеть албанские языки там, где их нет, нередко приводит к ляпсусам или грубым ошибкам. Это именно случилось со знаками на тесаных камнях бешикдагского храма (Агдамский район) или с так называемой албанской надписью из Лачинского района.

Недавно в Дагестане (район Леваши) при туманном стечении обстоятельств обнаружена каменная табличка, знаки которой, кажется, тесно перекликаются с буквами албанского алфавита из

матенадаранской рукописи. Табличка не укладывается в рамки эпиграфики раннего средневековья, с одной стороны, и рабски копирует албанский алфавит — с другой, хронологически повисая в воздухе. Все это наводит на грустные размышления о неподлинности каменной таблички.

Возвращаясь к знакам мингечаурской эпиграфики, надо сказать, что они находят аналогии и тождества в древнейших христианских памятниках. Так, примечательна в этом плане надпись на болнисском храме (вторая половина V в.). Более или менее хорошо сохранились надписи на стеле V в. (Бурдадзори), на фрагменте стелы VII в. (Цроми) и X в. (Кацхи), на постаменте IX — X вв. (Октиси), получивших отражение в выставочных залах Музея грузинского искусства в Тбилиси. Немало схожих со знаками мингечаурской эпиграфики букв мы находим в надписи Сахакдухта (VI в.) из грузинского монастыря в Раче. Большой интерес вызывают надписи в древнегрузинском монастыре Бир эль-Кутте в Иерусалиме. Одна группа древнегрузинских знаков полностью совпадает по форме с мингечаурскими, другая — только напоминает графемы мингечаурской эпиграфики, если поворачивать их вокруг своей оси направо или налево. То же самое можно сказать и в отношении первых христианских армянских надписей. В этом смысле интересна надпись V в. из Текорского храма, а также надгробная плита с армянской надписью V в. (Верин талин) и другие надписи, криптографическая надпись из Авана (первая половина VII в.), выставленные в Музее истории Армении. Можно провести более десятка аналогий и тождеств между знаками древнеармянских и мингечаурских надписей. Чтобы сделать похожими древнеармянскую букву на знак мингечаурской надписи, достаточно повернуть ее вокруг своей оси.

Но самое близкое сходство обнаруживается между графемами албанского алфавита ("агваниц гир") в рукописи XV в. (инв № 7117, Матенадаран) и знаками надписей Мингечаура. С одной стороны, этим аналогиям уделяется неоправданно много внимания, с другой — существует призыв опираться на информацию, извлекаемую из самих агванских текстов. Согласно иному мнению, алфавит из рукописи, как явствует из сравнения его с надписями, и неполный и неточный, хотя, несомненно, подлинный.

Если же обратиться в общем плане к более древним аналогиям, то необходимо отметить неожиданные тождества между буквами несемитских и семитских алфавитов и знаками мингечаурских надписей. Так, некоторые знаки напоминают греческие буквы: альфу, бету, омикрон, иоту и сигму или знаки финикийского, лидийского и рунического алфавитов. По-видимому, тут уже не случайное внешнее сходство, а звуковое тождество.

Какой язык отражают уникальные мингечаурские надписи? Известно, что Месроп Маштоц пришел в “страну албанов, возобновил их алфавит, содействовал возрождению научных знаний и, оставив у них также (как в Армении) наставников (вардапетов), вернулся в Армению”. Еще до этого к Маштоцу “случайно пришел некий священник, родом албанин, по имени Вениамин. И он (Маштоц), разузнав и обследовав чужеземный говор албанского языка, составил затем письмена по своему дарованному свыше мощному обыкновению... Прибыв в царскую резиденцию, он увиделся со святым епископом Албании, которого звали Иеремией, и с их царем, имя которого было Арсваг, и со всеми азатами... они согласились подчиниться введению письменности. Они же приказали обучить искусству письма многих детей из областей и районов страны, послать их группами в школы в подобающие и удобные места и назначить им “рочик” (довольствие) на пропитание”. Согласно Мовсесу Хоренаци Месроп отправляется в Албанию к царю и к главе епископов Иеремии. “Они охотно принимают его ученье и дают ему (для обучения) избранных мальчиков. И призвав к себе даровитого переводчика Вениамина, которого немедленно отпустил к нему юный Васак, владетель Сюнийский, через посредство епископа своего Ананию, Месроп при их помощи создал письмена говора гаргарского, говора, богатого гортанными звуками, грубого, варварского, в высшей мере нескладного. Поручив надзор ученику своему Ионафану и назначив священников при царском дворе, сам Месроп возвращается в Армению” (III, 54).

Сравнивая приведенные отрывки, мы узнаем, что Вениамин в одном случае албанин, в другом даровитый переводчик, посланный к Месропу сюнийским владетелем, и что речь о письменах, созданных в одном случае для чужеземного говора албанского, в другом — для гаргарского языка — гортанного, грубого, варварского и в высшей степени нескладного. Итак, кто является изобретателем алфавита и для кого изобретали алфавит: для албан или гаргаров? Судя по всему, в создании письменности большую роль сыграло сотрудничество Маштоца и Вениамина, в результате чего родилась отличающаяся от соседних алфавитов специфическая система графических знаков. Новое письмо предназначалось для носителей гаргарского языка — самого значительного в политическом, экономическом и культурном отношении населения Албании. Совсем не случайно, что, спустя пять веков после Страбона, Месроп изобретает алфавит именно для гаргаров; ни один источник не говорит об алфавите для удинов, легов или каспиев.

В этом ракурсе очень важно еще раз проверить и уточнить хронологические рамки этих надписей. Основные хронологичес-

кие веши эпиграфики Мингечаура определены археологами. Это — время бытования второго храма, где обнаружена большая латинская надпись с павлинами (относится к V — VI вв.), и второго поселения, где обнаружены граффити (датируются V — VII вв. и отчасти началом VIII в.). В целом эпиграфика Мингечаура охватывает время от V до начала VIII в.

Вопрос о языке аборигенов представляет значительный интерес, в связи с чем я позволил себе выйти за временные рамки этой книги и обратился к материалу раннего средневековья.

Таким образом, осмысление письменных источников, наиболее полно освещающих события изучаемого времени, и синхронного археологического материала, добытого за последние десятилетия, позволяет по-новому ответить на вопросы о территории и населении античной Албании. Согласно источникам западные границы страны проходили по землям, где расположены верховья Алазани и Иори, возможно, по Кахетинскому хребту, а также по горным склонам Малого Кавказа севернее озера Севан; восточные границы тянулись вдоль Каспийского моря, которое соответственно называлось: севернее Апшерона — Албанским, а южнее — Каспийским. Северные границы страны проходили по Большому Кавказу и Кераунским горам севернее Самура, а южные границы охватывали горные районы Малого Кавказа и Каспиану — бассейн нижнего течения реки Аракс до степей Миль и Мугань включительно, т.е. в изучаемое время Албания занимала левобережье и правобережье Куры от верховьев Алазани до берегов Каспийского моря. Об Албании, занимающей вместе с Иберией большую часть Кавказа, писал Страбон. При всей своей неопределенности сведения об Албании и относящейся к ней Каспиане, полагаем, носят больше политический характер. Сведения, позволяющие локализовать албанов на левобережье и правобережье Куры, отражают не только политические, но и этнические границы того времени. Когда античные авторы говорят о населении Албании, то в первую очередь идет речь об албанах: на севере они обитали на склонах Большого Кавказа и Кераунских гор, на юге занимали склоны Малого Кавказа, а также степи Миль и Мугань. Албаны были и наиболее значительны и сравнительно многочисленны. Только поэтому страна по этнониму албанов называлась Албанией. Кроме самих албанов в стране обитали отдельные группы населения. К ним относились гаргары, населявшие бассейн Гаргарчая и, может быть, другие смежные районы, а также удины, в изучаемое время занимавшие главным образом пространство к северу от Куры, начиная от бассейнов Алджиганчая и Турианчая и доходя до бассейна Тертера, включая район Партава. Кроме того, в стране обитали леги. На севере их территория простиралась

до Сарматии, охватывая северные предгорья Самурских гор вплоть до нынешнего Дербента. На юге леги занимали склоны Большого Кавказа на юг от реки Самур. Находившаяся южнее слияния Куры и Аракса страна каспиев или Каспиана примыкала к албанам с юго-востока. Согласно Страбону, на рубеже до нашей и нашей эры обитатели Каспианы входили в состав Албании.

Вопрос о населении Албании не может быть решен на основании только письменных источников. Изучение археологического материала позволяет высказать предположение, что главным показателем выделяемых групп является обряд погребения. В изучаемое время каждая группа в основном занимала свою территорию, причем не исключается и совместное проживание в смежных зонах, имела своеобразный инвентарь, особую технику изготовления глиняной посуды и специфический орнамент. Представляется возможным выделить локальные группы памятников, соответствующие, очевидно, отдельным большим и малым этническим группам, находящимся в тесной связи друг с другом, что подтверждается определенной общностью находимых в погребениях вещей. Некоторые формы посуды встречаются во всех погребениях. Однако выделяются керамические изделия, характерные отдельно для каждой археологической культуры. То же самое относится к орнаменту. Для грунтовых погребений свойствен орнамент врезанный и выпуклый, для кувшинных — характерны не только врезанный и выпуклый орнамент, но также рисунок красной краской.

Упоминание жителей Албании в античной литературе (только более поздний писатель Арриан говорит об албанах относительно IV в. до н.э.) по времени совпадает с ареалом распространения носителей культуры кувшинных погребений. В начале нашей эры носители этой культуры передвигаются к северу от Куры, воспринимая элементы материальной и духовной культуры у своих предшественников, но продолжая сохранять свой погребальный обряд и особенности культа еще на протяжении нескольких столетий вплоть до появления ислама.

В Албании античного времени обитали и кочевники. Они занимали бассейны Куры и Аракса. Античные авторы называют их саками, массагетами и другими именами. На западной окраине упоминаются главным образом сакасы, на восточном — массагеты. Часть кочевников примыкала к Албании с юга. При сравнении погребальных обрядов выделяются особенности, отличавшие население, хоронившее в катакомбных погребениях. Как известно, подобный погребальный обряд, аналогичная деформация черепа и некоторые другие особенности имеют распространение не только в Северном Прикаспии, где катакомбы появляются раньше, чем в

Албании, на целых четыре столетия, но и на обширной территории к западу и востоку от Каспия.

И отдельные знаки, обнаруженные на керамических изделиях, и эпиграфические памятники, связываемые с ранним средневековьем, говорят о том, что албаны имели свой язык, в средневековье называемый гаргарским.

ХОЗЯЙСТВО

Хозяйства античной Албании касалось немало исследователей, пытавшихся воссоздать картину земледелия, скотоводства и ремесленного производства. Появлялись работы, где нашли отражения попытки нарисовать общую картину состояния хозяйства. Так, в статье В.Н.Левиатова содержатся наблюдения в области хозяйственной жизни, хотя местами носят общий характер, что связано со стремлением разрешить большое количество вопросов в небольшой работе. Ценный археологический материал, которому посвящена книга О.Ш.Исмизаде, освещает многие стороны жизни албанского населения, занимавшегося и земледелием и скотоводством. Краткий обзор земледелия, скотоводства и ремесленного производства Албании приведен в "Истории Азербайджана", хотя уже было можно изложить вопросы хозяйства более подробно, особенно производства керамических изделий и металлических предметов.

Вслед за предшествующими исследователями К.В.Тревер поднимает вопрос об искусственном орошении, виноградарстве, садоводстве, возделывании льна и огородничестве. Скотоводству уделяется меньше внимания, говорится о полукочевом хозяйстве, подчеркивается значение рыболовства. К.В.Тревер уделяет внимание вопросам ремесленного производства. Попытки осветить вопросы производства керамики в Албании предприняты в кандидатской диссертации автора настоящей книги. Согласно его мнению, керамическое производство на изучаемой территории было довольно развитым.

Вопросов земледелия и скотоводства Албании коснулся Т.А.Бунятов. Представляют интерес страницы, посвященные орудиям сельского хозяйства, искусственному орошению, хранению зерна. На конкретном материале построены главы, где автор говорит о видах пшеницы, ячменя и проса. Особый интерес вызывают вопросы садоводства и огородничества. Работа построена на археологическом и этнографическом материале. Сокращенным изложением упомянутой книги является брошюра о древнем и раннесредневековом земледелии Азербайджана. Вниманию в дру-

гой книге Т.А.Бунятова сосредоточивается на формах скотоводства, разведения крупного и мелкого рогатого скота, коневодства и верблюдоводства (с I тыс. до н.э., вплоть до XII — XIII вв.). Наибольший интерес для нашей темы представляют страницы, посвященные вопросам скотоводства албанов. Хозяйству античной Албании посвящена и моя статья, где разбираются вопросы земледелия и скотоводства, высказано мнение, что албанские номады практиковали отгонное скотоводство.

Вопросы хозяйства Албании освещены в "Истории Дагестана", излагаются вопросы земледелия и скотоводства, керамического производства и металлообработки. Авторы работы находятся в состоянии раздвоенности, красной нитью проходящей через все описание Албании, обращаясь, с одной стороны, к местному дагестанскому материалу из Тарки, Хабада, Ругуджа и Урцеки, с другой — прибегая к сообщениям античных авторов вообще об Албании.

В трех работах других авторов рассматривается ювелирное дело. Так, Т.И.Голубкина подробно останавливается на приемах обработки металла: на ковке, чеканке, литье, гравировке и украшении зернью; на штамповке, изготовлении сосудов посредством давилного процесса и других вопросах ювелирного искусства античной Албании. О.Ш.Исмизаде освещает особенности ювелирного дела: литья (в твердых каменных формах, по восковой модели и в пластических формах),ковки, изготовления проволоки и зерни. В статье говорится о применении позолоты, чеканки и штамповки. Ремеслу Албании посвящена интересная книжка А.Б.Нуриева.

Земледелие. Страбон пишет, что албаны "не пользуются в надлежащей степени и землей, которая дает как всякие (дикорастущие) плоды, так и (плоды), возвращенные человеком. (Здесь) растут также вечнозеленые (растения) и (у такого рода людей) нет никакого радения и все богатства "без паханья и сева возрастают" Как рассказывают участники военных походов, (оставившие) рассказ о каком-то киклопском образе жизни (местного населения), нередко земля, один раз засеянная (политая), дает урожай два или три раза. В первый раз (собирают урожай) даже сам пятьдесят. (При этом земля не находится) под паром и обрабатывается не (каким-нибудь сельскохозяйственным) железным орудием, а лишь сохой, сделанной из простого дерева. Вся равнина орошается реками и другими водами значительно лучше египетской и египетской (земли), так что (равнина) постоянно имеет вид богатого пастбища и поэтому обильна. Кроме того, и воздух здесь лучше, чем там" (XI, 4, 3). Приведенное известие воссоздает картину сельского хозяйства в древней Албании. Касаясь этого фраг-

мента, К.В.Тревер справедливо указывает, что Страбон использовал известия лиц, участвовавших в походах на Албанию, имея в виду спутников Помпея и Антония. Очевидно, более достоверные сведения об иберах и албанах Страбон черпал именно из сочинения Феофана Митиленского. В другом месте древний географ отмечает, что албаны и иберы “владеют плодородной землей и могут развивать хорошее хозяйство” (XI, 2, 19). И первое и второе сообщения относятся к плодородным землям Албании.

У Страбона мы также встречаем описание территории, непригодной для возделывания. Так, древний географ пишет, что проход из Иберии в Албанию “идет через Камбюсену — неровную местность, бедную водой” (XI, 4, 5). На этой неровной местности, где вдобавок не было воды, земледелие, конечно, развиваться не могло. Приведенные отрывки показывают, что Страбон в основном избегал и необоснованного восхваления и огульного охаивания и, по возможности, объективно освещал вопрос о состоянии земледелия в той или иной стране. Это обстоятельство дает основание думать, что сообщения классика о природных и климатических особенностях Албании соответствует реальной действительности.

В другом месте Страбон сообщает, что как в Араксене и Сакасене, так и в области Матиане “хлеб родится из зерна, выпавшего из соломы” (XI, 7, 2). В изучаемое время Матиана входила в состав Атропатены, и когда Страбон писал об этой стране, то имел в виду, как кажется, Атропатену, о плодородных землях которой свидетельствуют более поздние писатели. Так, согласно Марцеллину, жители Атропатены “имеют в изобилии хлебные поля и виноградники; почва их весьма плодородна и земля изобилует реками и родниками чистой воды” (23, 6, 32). Античная литература сохранила сведения о храмовых землях. Говоря об Атропатене, тот же автор сообщает, что “в этих пределах лежат плодородные земли магов” (23, 6, 32). Храмовые земли, находившиеся на границе Албании и Иберии, а также земли храма Анаит на берегу Куры, по-видимому, также тщательно обрабатывались, хотя конкретных сведений об этом источники не сохранили.

В связи с сообщением Страбона вызывает интерес деревянная соха, которую К.В.Тревер называет деревянным плугом. Как известно, соха была распространена по всему древнему Востоку, и Албания в этом отношении, вероятно, не представляла исключения. Изображение древнего иранского пахаря, погоняющего животных, имеется на цилиндрической печати. Этнографическое изучение показывает, что до последнего времени на Восточном Кавказе бытовала примитивная деревянная соха, называемая жителями “хыш”. Соху тянет за собой пара буйволов, а пахарь дви-

гается за ней, одной рукой поддерживая рукоятку, другой — погоняя животных. В “Истории Дагестана” также отмечается, что албаны обрабатывали землю деревянным плугом, вероятно, близким по конструкции к современному горскому “пуруцу”. Деревянный плуг в основном не претерпел особых изменений, сохранив свою первоначальную конструкцию вплоть до наших дней. Применение сохи, сделанной из дерева, облегчало труд земледельцев и повышало производительность труда. Можно предположить, что обработка почвы производилась не только способом, описанным выше, но целым рядом орудий, следы которых зафиксированы археологами при раскопках. По-видимому, при сооружении катакомбных могил земляные работы производились заступом. Об орудии, напоминающем азербайджанскую лопату специфической формы — бель, известно из другого источника. Наконец, хорошо сохранившееся лопатообразное орудие из железа, также напоминающее азербайджанское бель, обнаружено в Дайламане на самом востоке Атропатены. Эти орудия, считаю, восходят к одному прототипу и относятся к средствам для обработки почвы не только у древних албанов.

В связи с земледелием вызывает интерес сообщение Страбона об орошении албанской территории “реками и другими водами”. Как справедливо указывает К.В.Тревер, под “другими водами” Страбон разумел, вероятно, ирригационную систему — каналы и кяризы. О наличии на территории Азербайджана ирригационных каналов, построенных еще в древности, было известно уже давно. Часть этих рукотворных русел используется местным населением в настоящее время. Вопрос об искусственном орошении Албании рассматривался многими исследователями. Археологические раскопки у Калатепе на берегу Каркарчая позволили И.И.Мещанинову высказать предположение, что Гяурарх был сооружен в раннее средневековье, точнее в IV — VI вв. Т.С.Пассек пишет, что грандиозные по величине оросительные каналы не могли появиться в условиях феодальной раздробленности эпохи средневековья, а были построены до начала нашей эры. В.Н.Левиатов высказал предположение, что уже в первых веках до н.э. в безводной Муганской степи были проведены грандиозные работы по строительству каналов для искусственного орошения. Ссылаясь на сообщение Страбона, авторы “Истории Азербайджана” ограничились высказыванием, что вся равнина Албании орошалась лучше, чем земли Вавилона и Египта. Сооружение ирригационной системы Гяурарх А.А.Иессен условно связывает с фактом обнаружения в 1927 г. кувшинных погребений последних веков до н.э. в срезе древнего Гяурарха в его устьевой части около городища Калатепе, но условно относит ко времени раннего средневековья. Подробно

разбирая сообщения Страбона и высказывания исследователей об искусственном орошении, К.В.Тревер пишет, что вопрос об ирригационной системе на территории Албании ждет своего исследователя, поскольку случайно обнаруженные следы грандиозных сооружений и сохранившиеся у Страбона сведения позволяют говорить об ее исключительно большом значении. В работах, вышедших спустя несколько лет, также высказывались мнения о сооружении канала. Строительство ирригационной системы Гяурарх Г.М.Ахмедов относит ко времени, следующему за периодом кувшинных погребений, т.е. к середине I тыс. н.э. Приводя мнение исследователей по вопросу искусственного орошения на территории Азербайджана, Т.А.Бунятов пишет, что трудно согласиться с теми, кто омолаживает Гяурарх; строительство каналов еще до нашей эры не может вызывать сомнения. Таким образом, в научной литературе нет единой точки зрения на время сооружения ирригационной системы в пределах изучаемой территории. Это вызвано недостаточностью материала. Так, весьма слабо изучены могильные поля, прорезываемые оросительными каналами. Если окажется, что мильские и муганские кувшинные погребения относятся к более раннему времени, что весьма вероятно, то и датировка ирригационных сооружений также может измениться. Ведь известно, что погребения в кувшинах правобережья Куры древнее левобережных.

Интерес вызывает вопрос о кяризах — подземных гидротехнических сооружениях, при помощи которых на земную поверхность самотеком выходят грунтовые воды. В Албании зафиксировано наличие кяризной системы в пойме реки Шемкир недалеко от Гянджи. В Иране парфянского времени также велось строительство каналов и кяризов. Это подтверждают данные этнографии: кяризами до недавнего прошлого пользовались в Баку, Гяндже, Шамкире, Нахичевани и других населенных пунктах Азербайджана.

Итак, античная география отражала реально существующее положение: в Албании были обширные площади обрабатываемой земли и почвы, не пригодные для земледелия. На основании сообщений Страбона, данных археологии и этнографии можно высказать предположение, что население страны на обрабатываемых землях пользовалось каналами и кяризами для ирригационных целей, что возможно только при сравнительно высоком уровне земледельческого хозяйства.

Выявлено большое количество жатвенных орудий. В грунтовых и кувшинных погребениях, а также в сырцовых гробницах обнаружены железные серпы и серповидные ножи, вероятно, применявшиеся в период жатвы. О железных серпах из кувшинных

погребений, а также из раннесредневековых поселений Мингечаура рассказывает Р.М.Ваидов. Железные серпы обнаружены и в мингечаурских катакомбных погребениях. В Мингечауре в слос VI — VII вв. найдено лезвие косы. Аналогичные косы употребляются и в наше время. Не исключено, что орудиями с похожими лезвиями пользовались и древнеалбанские землепашцы.

В Азербайджане сеют твердую и мягкую пшеницу. Если обратиться к более раннему ботаническому материалу, то интересно, что на ручке ходжалинского керамического кувшинчика, относящегося к началу I тыс. до н.э., изображено зерно пшеницы, которую М.М.Якубцинер относит к твердым сортам. К этому же времени относятся скопления в глиняных сосудах “обугленных зерен и муки”, обнаруженных в Мингечауре и относимых к твердым видам пшеницы. Рельефные изображения пшеницы и проса имеются на керамических изделиях второй половины I тыс. до н.э. из Каратепе. На левом берегу Куры обнаружены остатки зерен ячменя. Остатки пшеницы и ячменя отмечаются в различных участках раскопа Р.М.Ваидовым. Археологические раскопки на городище Хыныслы выявили “обуглившиеся зерна пшеницы, ячменя... Пшеница мягких и твердых сортов; ячмень шестирядный”. Отдельные виды пшеницы — мягкой и твердой — до сих пор культивируются в различных районах Азербайджана. О состоянии земледелия на территории Албании можно судить и по другому палеоботаническому материалу, выявленному во время раскопок. В кувшинных погребениях обнаружены остатки хлебных злаков — пшеницы, ячменя и проса. Просо найдено около погребенного в виде шелухи серебристого цвета. Согласно утверждению В.П.Петрова, древнее население Азербайджана культивировало просо, появившееся в Азербайджане, вероятно, несколько позднее пшеницы и ячменя.

Более ранний археологический материал и этнографические данные позволяют предположить, что албанские земледельцы во время сельскохозяйственных работ применяли все три способа молотбы, а также веяние зерна.

Ямы и кувшины для хранения зерна в Азербайджане использовались с древнейших времен. Большое количество зерна, связанного с развитием земледелия, требовало устройства специальных хранилищ и позднее. Еще в агрономических трактатах римские писатели указывали, что одним из наиболее распространенных способов сбережения зерна было хранение в ямах. Так, Лукий Колумелла (I в.) писал, что “при отсутствии всякого амбара можешь хранить зерно в земле, как это делается в некоторых провинциях за морем... Эти ямы зовутся сирами”. О специальных ямах-хранилищах сообщают и другие авторы. Так, Плиний ука-

зывает, что “целесообразнее всего сохранять хлеб в ямах, которые зовутся сирами... прежде всего следует заботиться о том, чтобы они вырывались в сухой почве, а затем, чтобы они выстилались мякиной, далее хлеб ссыпается туда в колосе...” (18, 30). Изучение археологического материала дает возможность полагать, что земледельческое население Албании помещало запасы зерна также в большие глиняные кувшины, повсеместно обнаруживаемые в Азербайджане. На мингечаурском городище, связанном с кувшинными погребениями, сохранились остатки врытых в землю крупных кувшинов, имеющих хозяйственное назначение. В Хыныслы обнаружены хозяйственные кувшины, врытые в землю, а также несколько хозяйственных ям. О мингечаурских ямах для хранения зерна сообщает Р.М.Ваидов. Наряду с остатками проса, ячменя и пшеницы ямы содержали уже обработанные продукты сельского хозяйства. Очень интересно, что в одной из хозяйственных ям обнаружено около 15 кг муки. По Т.И.Голубкиной, в одном из сосудов Мингечаура найдено пшеничное тесто. По-видимому, обычные большие погребальные кувшины, обнаруживаемые в связи с обрядом погребения, в основном служили для хранения вина, хлебных злаков и других продуктов земледелия. В “Истории Дагестана” отмечаются находки больших глиняных сосудов, предназначенных для хранения зерна и вина, а также кувшинов для разлива вина (Тарки, Карабудахкент, Шаракун, Урцки). Приведенные данные позволяют утверждать, что излишки злаков: пшеницы, ячменя и проса, выращиваемых местным населением, хранились в ямах или в кувшинах, зарываемых в землю.

Население широко применяло зернотерки. Кроме каменных зернотерек обнаружены ручные мельницы. На одном из участков раскопа в Ялойлутепе найдены два жернова ручной мельницы из твердого песчаника со сквозными отверстиями посередине. Один из жерновов является верхней частью мельницы, так как на нем имеется отверстие для вставки ручки из дерева. Ручная мельница в хронологических рамках всей ялойлутепинской культуры, по-видимому, относится к последним векам I тыс. до н.э. Полемизируя с О.Ш.Исмизаде, Р.М.Ваидов пишет, что отнесение обнаруженных жерновов к III — I вв. до н.э. неубедительно, ручные мельницы появляются только в раннее средневековье. Однако материал из раскопок говорит сам за себя и пересматривать его хронологию не представляется убедительным. Ручная мельница, относящаяся к I в. н.э., обнаружена в Хыныслы. Верхний жернов ее в диаметре 40 см, а толщиной — 10 см. Здесь же найдены обломки нижнего камня ручной мельницы. Примечательно, что диаметр и толщина жерновов ручных мельниц из Ялойлутепе и Хыныслы тождественны. Разбирая вопрос о времени появления

ручных мельниц, Т.А.Бунятов утверждает, что уже с III — II вв. до н.э. на территории Азербайджана были в употреблении не только ручные, но и водяные мельницы. Приведенные материалы показывают, что ручные мельницы уже были в употреблении у древних обитателей Албании.

Садоводство. Садовые культуры на территории Азербайджана известны еще с древнейших времен. Археологические раскопки показывают, что здесь культивировали гранат, миндаль, персик, черешню, сливу, алычу, крупный (гречкий) и мелкий (фундук) орехи. Согласно сообщению Страбона, в Гиркании “виноградная лоза производит один метрет вина, фиговое дерево — шестьдесят мидимнов... Пчелы роятся на деревьях, а мед течет с листьев. То же имеет место и в области Матиане и Мидии и в Сакасене и Араксене в Армении” (XI, 7, 2). Приведенный отрывок интересен с двух точек зрения. С одной стороны, из сообщения явствует территория распространения садовых культур: виноград и инжир выращивали как в Араксене, так и в Сакасене и Матиане. С другой стороны, сообщение Страбона позволяет иметь представление о количестве урожая. Мидимн — это мера сыпучих тел и соответствует приблизительно 53 литрам. В таком случае 60 мидимнов будет равно 3180 литрам или 3 т и 180 кг. Инжирное дерево в высоту достигает нескольких метров. Быстро портящиеся ягоды его идут в пищу или потребляются уже в сушеном виде. Приведенный отрывок из Страбона дает возможность утверждать, что местное население собирало высокий урожай. Часть инжира потреблялась, по-видимому, сразу, остальная — оставлялась про запас.

Страбон сообщает, что албанская земля дает дикорастущие плоды и плоды, взращенные человеком; сообщается и о вечнозеленых растениях (XI, 4, 3). Что это за растения, упоминаемые древним географом? Говоря о долине Аракса, а также о Сакасене и Гогарене, Страбон указывает, что “вся страна полна дикими плодами и (плодами) деревьев, выращенных человеком, и вечнозелеными (растениями). Здесь растет даже маслина...” (XI, 14, 4). Из этого сообщения вытекает, что как в долине Аракса и Гогарене, так и в Сакасене имелось два вида деревьев. К первому виду относились те, которые приносили дикие плоды, ко второму же — фруктовые деревья, культивировавшиеся местным населением. Вечнозеленые растения, названные Страбоном в связи с изучаемой территорией, могли быть маслины, известные на этой территории и позднее. По всей вероятности, Курций Руф (I в.) имел в виду территорию Южного (а может быть, и Юго-Восточного) Кавказа, когда указывал, что “кроме других припасов, которыми изобиловала эта страна, она производит огромное количество яб-

лок, и почва ее весьма пригодна для произрастания винограда" (VI, 4, 21). Значительный материал о садоводстве дали раскопки некрополей. В одном из сосудов около погребального кувшина обнаружены остатки грецкого ореха и граната, в другом — косточки персика, а также остатки граната и орехов. В сырцовой гробнице, раскопанной Я.И.Гуммелем, найдены косточки черешни. Остатки фруктов имелись в срубном погребении Мингечаура. Приведенные фрагменты из античной литературы и палеоботанический материал, выявленный в результате археологических раскопок, позволяют утверждать, что на территории Албании выращивали инжир, маслину, грецкий орех, гранат, персик и черешню. Плодовые деревья времен античной Албании продолжают выращивать и в наше время.

Виноградарство. Распространенным из культурных растений был виноград. Виноград и вина хорошо знали в Ассирии, древней Персии. В Риме отмечали связанные с культом Юпитера и Венеры виналии — празднества, восходящие к виноделию и сбору винограда. Виноградарство известно в Азербайджане с древнейших времен. Так, к середине II тыс. до н.э. относятся семена винограда из Узерликтепе около Агдама. Не менее интересны находки семян винограда в поселении и кургане начала I тыс. до н.э. около Ханлара. Здесь следует упомянуть норашенский давяльный камень, относящийся к началу I тыс. до н.э. Дальнейшие археологические раскопки показали, что на поселении Сарытепе имеется большое количество крупных кувшинов I тыс. до н.э. В этих сосудах обнаружены остатки винограда и винные отложения. Приведенный материал из археологических раскопок позволяет утверждать, что выращивание виноградной лозы и связанная с ним обработка ягод практиковались в Азербайджане, как и в соседних странах, со времен глубокой древности. Согласно сообщению Страбона, как в Гиркании, так в Матиане, Сакамене и других областях лоза винограда дает "один метрет вина" (XI, 7, 2). Метрет — мера жидкости, соответствует приблизительно сорока литрам. Названная у Страбона цифра не так уж далека от истины, если иметь в виду лозы, поднятые на навес, или лозы, вьющиеся по дереву. Кроме того, виноград превосходно растет и на почвах, где другие культурные растения возделывать невозможно, а сорт винограда, связанный со вкусовыми особенностями и содержанием сахара, зависит от условий почвы и количества солнечных дней в году. Если иметь в виду все это, то один метрет вина с одной лозы получить вполне возможно. Говоря о виноградарстве Албании, Страбон указывает, что "виноградные лозы выдерживают длительное время, (даже не имея ухода) в пору окапывания винограда; (лишние лозы) срезаются через (каждое) пятилетие. Молодой

(виноград) в двухгодовалом (возрасте) приносит уже ягоды, а зрелый — дает столько (ягод), что они остаются неиспользованными на виноградных лозах” (XI, 4, 3). В “Комментарии к землеописанию Дионисия Перизгета” Евстафий пишет, что в земле каспиев “виноградные лозы дают богатый урожай” (730). В приведенных фрагментах Страбон подробно останавливался на отдельных этапах ухода за виноградной лозой, а Евстафий отмечал плодородие винограда на земле каспиев. Страбоновское известие о том, что разросшийся виноград обрезается раз в пять лет, а молодая лоза через два года уже дает ягоды, переносит нас в область древнеалбанского виноградарства, тем более что таких подробных сведений о разведении этой культуры в соседних странах Иберии и Армении Страбон не приводит.

В связи с виноградарством следует упомянуть железные ножи и ножницы. Их относят к орудиям труда, при помощи которых обрезалась лоза. Думается, виноград культивировался как в Сакамене и Каспиане, так и на территории древней Албании. Это подтверждает палеоботанический материал, выявленный во время раскопок. В одном из кувшинных погребений III — I вв. до н.э. на Узерликтепе обнаружен сосуд, на дне которого было скопление косточек винограда. К концу I тыс. до н.э. относятся косточки винограда, обнаруженные там же. В одном из кувшинных погребений Мингечаура найдены виноградные косточки. Как указывалось, аборигены погребали покойников вместе с сосудами, наполненными фруктами, мясом, молоком, напитками. Так, в одном детском кувшинном погребении найдены косточки винограда.

Современный ботанический материал показывает, что по берегам Куры близ городищ и могильников Мингечаура разбросаны заросли дикого винограда, дающего сладкие ягоды размером не более горошины. Дикий виноград растет и на берегу Алазани, недалеко от городища Торпаккала; ягоды также не больше горошины, черноватого оттенка, сладкие. Примечательно, что виноградные лозы здесь вьются по дереву. Как известно, большое значение в хозяйственной жизни имеет приготовление продуктов из виноградных ягод.

Обратимся к этнографическому материалу о получении виноградного сока. Спелый виноград укладывается в давилюню, куда забирается один или несколько человек и босыми ногами давят ягоды. Сок стекает в резервуар. При помощи черепка сок распределяется по сосудам и соответственно назначению поступает в дальнейшую обработку.

Представляют интерес предметы, имеющие непосредственное отношение к выжимке винных ягод в древней Албании. К одному из них относится каменная ванна для получения сока. Давилюня

обнаружена в Хыныслы, имеет ребристые выступы на дне для выжимания ягод и сток для виноградного сока. Виноград перерабатывался и в раннее средневековье. Р.М.Вайдов описывает одну из ванн, имеющую около 1 м длины и около 0,5 м ширины. Готовый виноградный сок оставляли бродить. Находящиеся на ягодах дрожжевые грибки превращали в спирт весь сахар, содержащийся в винограде. перебродившее вино разливалось по сосудам. Анализ выявленного при раскопках материала показывает, что вместе с виноградарством в изучаемый период имело место и виноделие. Можно предположить, что найденные большие погребальные кувшины служили главным образом для обработки винограда и хранения вина. О виноделии говорят и другие глиняные изделия. К ним относятся, например, сосуды с сетчатой перегородкой, обнаруживаемые в кувшинных и грунтовых погребениях. Еще и теперь из виноградного сока приготавливают варенья — бекмес и ручал. Первое состоит только из виноградного сока, тогда как второе имеет вдобавок ломтики тыквы или ягоды инжира.

Скотоводство. Страбон сообщает, что образ жизни “у албанов самый что ни есть пастушеский и (стоят) они по происхождению ближе всего к кочевникам” (XI, 4, 1). Это сообщение позволяет полагать, что в хозяйстве албанского населения скотоводство занимало очень заметное место. Этому способствовали и благоприятные природные условия: наличие высокогорных альпийских пастбищ для знойного времени года и равнин на период зимних холодов. Ведь недаром Страбон говорит об албанской равнине, которая “постоянно имеет вид богатого пастбища”; речь идет, по-видимому, о кышлагах, которые играют одну из определяющих ролей в скотоводческом хозяйстве; далее Страбон сообщает, что в Албании находятся в состоянии “прекрасного роста пасущиеся стада (животных) — как домашних, так и диких” (XI, 4, 3). Ссылаясь на сочинение Аминты (IV в. до н.э.) “Переходы”, Клавдий Элиан (II — III вв.) пишет, что “в стране каспиев много стад быков и табунов лошадей...” (17, 17). Известно, что Каспиана на различных исторических этапах территориально примыкала то к Атропатене, то к Албании. В этой связи интересны сведения античных авторов о коневодстве в Атропатене. Еще автор II в. до н.э. Полибий отмечал, что в этой стране живет народ, имеющий “преимущество в конях” (5, 55). Страбон сообщает, что Мидия — это высокогорная страна, где разводят коней. Один из лугов носит название Консобильного и находится между Вавилоном и Персидой, с одной стороны, и Каспийскими воротами — с другой. Здесь паслись царские табуны — около 50 тыс. кобылиц. Согласно утверждениям некоторых писателей так называемая несейская по-

рода лошади происходит именно отсюда. Страбон далее сообщает, что "подобно парфянским лошадям они отличаются своеобразной статью по сравнению с эллинскими и прочими лошадьми" (XI, 13, 7); в войнах с чужестранцами Атропатена выставляла 10 тыс. всадников (XI, 13, 2). Согласно более позднему сообщению, атропатеновские "зеленеющие дуга кормят благородную породу коней... вельможи в начале сражений гордо разъезжают на этих конях. Зовут их несейскими" (23, 6, 30). Сообщения древних авторов позволяют предполагать, что в Атропатене существовали центры, где с успехом занимались разведением лошадей. По Страбону, албаны имели 22 тыс. всадников (XI, 4, 5). Добытые при раскопках скелеты лошадей еще не изучены, однако есть основание полагать, что еще древние албаны пользовались местной так называемой карабахской породой лошадей. Ведь она ловка, вынослива и достаточно сильна для длительных передвижений с всадником или вьюками по крутым горным склонам. Предполагается, что местная порода лошади использовалась в Азербайджане еще в начале I тыс. до н.э. В пороодообразовании лошадей древней Албании, вероятно, немалую роль сыграла и Атропатена, где, по-видимому, и находился Коневильный дуг, упоминаемый Страбоном. Вопрос о большом количестве коней в Албании имеет непосредственное отношение к поголовью табунов в Каспиане, а через нее и в Атропатене. Очевидно, через Каспиану — этому самому близкому и удобному пути проникали в Албанию дополнительные табуны лошадей, порода которых отличалась от местных. К ним относились лошади атропатеновской, несейской породы. Остеологический материал подтверждает сообщения античных авторов о скотоводстве Албании. В одном из богатых грунтовых погребениях кроме костей животных, находившихся в широкогорлых и глубоких чашах, были обнаружены череп и кости конечностей быка, рядом находились несколько черепов и трубчатые кости мелкого рогатого скота. В Мингечауре обнаружены голова быка из обожженной глины, а также фигурки животных, напоминающих корову. Одно из богатых погребений здесь содержало костяк коня, находящегося вне погребального кувшина. Раскопки в Шихдере-келлеси (в 3-х км от Моллаисаклы) выявили керамическую фигурку лошади с отбитыми конечностями: отходящее от шеи и хвоста выпуклое изображение ремней поддерживает на корпусе лошади рельефно изображенное седло, очень напоминающее современные местные селтз

Большое распространение в Албании имел мелкий рогатый скот. Клавдий Элиан пишет, что "козы каспиев очень белы, рогов не имеют, ростом малы и тупоносы" (17, 34). Изучение погребений Албании показывает, что значительная часть сосудов из кув-

шинных могил заполнена костями баранов и коз. О значении скотоводства в древней Албании говорит и зооморфная керамика. На многих сосудах из кувшинных погребений имеются изображения головы барана с загнутыми рогами. Изображения бараньей головы со спиралевидными рогами на трубчатых носиках, ручках и горловинах прослежены на глиняных изделиях Каратепе (Мильская степь, недалеко от городища Оренкала). Остеологический материал из погребений на правом берегу Куры показывает, что породы овец и коз в основном соответствуют современным разновидностям мелкого рогатого скота, в большом количестве выращиваемого на территории Восточного Кавказа.

Значительную роль в хозяйстве албанов играла собака. Страбон пишет, что албаны с “большим (удовольствием) занимаются охотой — как сами, так и их собаки — не (потому, что охота является у них) ремеслом, а больше (потому, что они имеют к ней) расположение” (XI, 4, 5). Этнографический материал показывает, что стадо мелкого рогатого скота охраняют от хищников сильные кавказские овчарки. Так, Плиний сообщает, что “во время похода в Индию Александру Великому рекс Албании подарил необыкновенной величины пса” (8, 149). Интересные данные об охотничьих собаках албанов сообщает и Юлий Солин: эти собаки “одолевают быков, побеждают львов и удерживают зубами все, что им попадется. Поэтому они заслуживают (того), чтобы о них писали в летописях” (15, 6). Солин далее пишет, что “эта порода собак достигает огромных размеров и своим страшным лаем заглушает рев (быков)” (15, 7). Если отбросить элементы гиперболизма, то можно предположить, что речь идет о хорошо известной породе собак — кавказских овчарках. Наличие собак у албанов подтверждается и археологическим материалом: в одном из кувшинных погребений была обнаружена часть костяка собаки.

Письменные источники и археологический материал показывают, что в Албании занимались рыболовством и охотой. Клавдий Элиан пишет: “как рассказывают, в (стране) каспиев есть огромное озеро, в котором водятся большие рыбы, называемые остроносими... Каспии ловят их, солят и сушат, (потом) навьючивают на верблюдов” и вывозят в город Экбатану (17, 32). Археологический материал в какой-то степени конкордирует с этим сообщением. По Страбону, албаны “с большим (удовольствием) занимаются охотой” (XI, 4, 5), которая была одним из источников добычи продовольствия и, возможно, своеобразной военной тренировкой. Сообщение Страбона позволяет предполагать, что албаны активно применяли собак, игравших немаловажную роль при облавах во время охоты. В письменных источниках сохранились сведения о верблюдах в Каспийской земле. Так, Клавдий Элиан пишет, что

здесь “верблюдов же очень много, самые крупные достигают величины самых больших лошадей и имеют прекрасную шерсть” (17, 34). Они используются и для перевоза товаров в другие страны. И так, лошади и верблюды использовались для транспорта и верховой езды. Скот обеспечивал местное население в первую очередь мясом, кожей, шерстью и другим сырьем для ремесленного производства. Раскопки выявили бытовую глиняную посуду, предназначенную в основном для доения. Подобные кувшины приспособлены под вымя рогатого скота и лошади без риска разлить молоко в процессе доения. К тому же роду посуды относятся и широкогорлые двуручные кувшины средних размеров, которые применяются в современном скотоводческом хозяйстве Азербайджана. В одном из глиняных сосудов, найденных в погребальном кувшине, обнаружены следы молочного продукта. Раскопки, произведенные на Восточном Кавказе, выявили много глиняных маслоек, относящихся к населению Албании. Например, в кувшинных погребениях Мингечаура, Агджабеди и других мест обнаружены маслочки с двумя или четырьмя пальцевидными отростками для ускорения процесса маслообразования (на дне с внутренней стороны). Процесс получения масла можно восстановить на основании этнографического материала. Глиняную маслочку до определенного уровня заполняют или сливками или кислым молоком, горловина прикрывается материей или кожей, в отверстие вставляется прутик. Маслочка равномерно покачивается на подстилке, часто из кожи, ручкой и отверстием кверху. Через час-другой по пруту определяется степень сбитого масла, маслочка ставится в вертикальное положение и из нее выгребается готовое масло. Аналогичные сосуды встречаются и в более поздних погребениях. Так, один из погребальных сосудов является большим размером маслочку с характерными пальцевидными отростками. Этнографический материал изобилует подобными маслочками. Не исключена возможность наличия у албанов и деревянной маслочки, более практичной и более прочной; ею пользуется местное азербайджанское население. Этнографический материал показывает, что для хранения масла и древнее население могло употреблять безручные широкогорлые сосуды, а также обработанный желудок домашних животных. Обилие молока предполагает возможность производства сыра, кислого молока, сливок, айрана и других молочных продуктов, производимых в настоящее время в основном женщинами, которые, наверное, играли главную роль в процессе производства молочных продуктов и в древней Албании.

Формы скотоводства обуславливают состав домашних животных — крупного рогатого скота, овец, коз, лошадей. Крупный ро-

гатыи скот менее приспособлен к перекочевкам и нуждается в ином содержании. Овцы и козы неприхотливы, круглый год могут находиться на подножном корму. Курдючные овцы хорошо переносят перебои в кормах, а уход за ягнятами продолжается не более двух-трех дней. Поэтому скотоводы предпочитают в первую очередь именно этих животных. То же самое относится к лошади, не нуждающейся ни в стойловом содержании, ни в заготовке корма на зиму. Этнографическое изучение свидетельствует о том, что скотоводческое население Азербайджана, Средней Азии, Ирана и других стран вело в основном полукочевой образ жизни, обусловленный составом стада и географическими условиями. Наличие крупного рогатого скота — коз, овец и лошадей подтверждает предположение, что одним из основных видов хозяйства античной Албании было отгонное скотоводство при сохранении охоты как подсобного занятия. При отгонном скотоводстве (стада на более или менее длительные сроки направляются на удаленные пастбища) большую роль играют лошади как транспортное средство и собаки, охраняющие стада от волков и других хищников. Количество домашних животных — лошадей, коз, овец и крупного рогатого скота — лимитируется природными условиями: размером пастбищ и наличием сенокосных угодий для зимнего пропитания крупного рогатого скота. Изучение письменных, археологических и этнографических источников позволяет полагать, что в древней Албании преобладало полукочевое, яйлажное скотоводство. При такой форме скотоводства большая часть скотоводов проживает на месте кочевья (яйлага), а другая часть — остается в долинах (кишлагах) и держит связь с кочевьем (яйлагом), заготавливая корм на зиму.

О ремесленном производстве албанов античного времени письменные источники умалчивают. Зато раскопки, производившиеся в Азербайджане позволили познакомиться с ведущими ремеслами античной Албании.

Производство керамики. Наличие гончарных печей и большое количество глиняной посуды убеждают, что производство керамических изделий в древней Албании было поставлено на широкую ногу. Керамические печи выявляются на всей территории страны. Более полно изучены обжигательные печи Мингечаура, сконструированные как и сырцовые гробницы Гянджачая, из больших необожженных глиняных плит размером $0,5 \times 0,5 \times 0,15$ м; в плане печи прямоугольные (от $3,0 \times 1,5$ м до $6,0 \times 3,0$ м); перекрытия конусообразные, сводчатые высотой около 1,5 м. Нижняя камера вместе с каналом предназначалась для топки. Концентрация гончарных печей на куринском берегу у Мингечаура свидетельствует о нахождении тут одного из центров гончар-

ного производства. Керамические печи известны и в других районах Азербайджана. Так, печи для обжига изделий из глины зафиксированы на Торпаккала, недалеко от слияния Алазани и Агричая. В плане одна из них также прямоугольна (2,4 x 4 м). Для сооружения керамических печей пользовались большими глиняными необожженными плитами. Этнографические данные помогают воссоздать процесс их изготовления.

Раскопки показывают, что древнее население высоко ценило сырцовые кирпичи, применяя этот дешевый строительный материал для сооружения обжигательных гончарных печей и гробниц, по-видимому, в какой-то степени отображающих жилищную архитектуру античной Албании. Некоторые плиты имеют хорошую сохранность, что говорит об их высоком качестве.

Изучение дает возможность проследить характерные особенности техники изготовления глиняной посуды. Судя по этнографическому материалу Азербайджана, гончары обеспечивали себя необходимой глиной, залежи которой имеются на территории распространения носителей культуры грунтовых и кувшинных погребений. Глина, из которой изготавливались изделия, обычно светло-желтого цвета с зеленоватым оттенком. Посуда, сделанная из нее, благодаря растительным примесям при обжиге приобретает желтоватые, розоватые и красноватые тона, отличающие керамику из кувшинных и сырцовых погребений, а также части грунтовых могил от глиняных изделий поздней бронзы, состоящей в основном из чернолощенной керамики. Судя по внешнему виду, а особенно по свежему излому глиняного фрагмента, посуда изготавливалась из хорошо отмученной глины. Свойствами различных глин определялись и ее оттенки после обжига. Для грунтовых погребений свойственны сосуды с черноватыми, коричневатыми и сероватыми оттенками.

Ознакомление показало, что каждому более или менее большому району распространения древнего населения соответствует керамика из местной глины, придающей сосуду специфический локальный характер. Сосуды из грунтовых погребений позволяют говорить о двух сортах глины. Одна из них жирная с незначительным количеством отошителя, другая — имеющая много крупнозернистого песка. Для керамики небольших размеров из грунтовых погребений характерна, как об этом свидетельствует полученный материал, светлая и темная посуда с незначительными добавками мелкозернистого отошителя. Эти изделия имеют распространение на берегах Алазани, Турианчая, Пирсаата, а также в грунтовых погребениях Мугани. Для керамики крупных размеров из грунтовых погребений ялойлутепинского типа характерна в основном светлая глина с большой примесью крупнозернистого

песка, служащего для предотвращения деформации во время сушки или обжига. Подобная керамика в основном имеет распространение на берегах Турианчая и отчасти на всей территории распространения грунтовых погребений, а также на юг от Куры, где встречается большое количество отошителя и в составе глиняных изделий более мелких размеров. Особо выделяется район южнее слияния Куры и Аракса, представленный грунтовыми погребениями у Сабирабада. Керамика здесь изготовлена из глины с минимальным количеством примесей. Качественный состав глиняной массы черной и светлой керамики одинаков, имеет в своем составе кремний, алюминий, железо, кальций, магний, кислород, серу и др., причем глиняная масса черной керамики содержит больше алюминия.

Для зоны распространения керамики из кувшинных погребений характерна светлая глина с небольшим количеством отошителя, состоящего из мелкозернистого песка. Таким образом, большое количество отошителя употреблялось для крупных изделий вроде погребальных кувшинов, применявшихся в хозяйстве, и, наоборот, небольшое количество для мелких керамических изделий. Причем, при изготовлении больших кувшинов в глиняную массу добавляли не только крупнозернистый песок, но и шамот — молотые черепки от разбитых сосудов.

Для зоны распространения керамики из сырцовых погребений глина добывалась в долине Гянджачая. Изделия из этой глины имеют специфический темно-серый оттенок часто с темными крапинками на всем тулове сосуда.

Изучение имеющихся данных позволяет также в общих чертах воссоздать типы гончарных кругов, которыми могли пользоваться керамисты Албании.

Частичное исследование технологических особенностей керамики показывает, что каждый вид погребального обряда имеет свою характерную глиняную посуду определенной техники изготовления, отличающую друг от друга культуры грунтовых и кувшинных погребений в первую очередь.

С производством керамики тесно связано черепичное дело. Немало неповрежденных черепиц и большое количество фрагментов обнаружены на месте раскопа в Чаккалы. Это — плоские солены (около 64/66 × 40/46 × 3 см), а также двускатный (около 70/74 × 44 × 2 см) и желобчатые (около 55 × 26/30 × 2 см) калиптеры. Согласно И.Бабаеву, черепицы не клеймились. Исключение представляют два фрагмента со знаками, выгравированными еще до обжига: как уже говорилось, на одном знак "X", на другом — два знака "X". В процессе производства, по-видимому, из готовой глиняной массы получали желаемую черепицу, она сушилась и

только потом закладывалась в керамическую печь. Допускается возможность применения деревянной формы. Визуальное наблюдение показывает, что черепицы светло-серого и светло-красного оттенков приготовлены из хорошо отмученной светлой глины с незначительным количеством отощителя: мелкозернистого и крупнозернистого песка. Керамисты получали, правда, тяжелую на вес (около 12 — 15 кг), но отличную кровельную черепицу, пролежавшую под землей без значительных изъянов до наших дней. Фрагменты черепиц обнаружены в Хыныслы (недалеко от Шемахи). По Дж.А.Халилову, фрагменты черепиц говорят о том, что тут были расположены большие здания. Аналогичная черепица (62 × 43 × 2,5 см) обнаружена на городище Сеидтала (в 10 км от Чаккалы), по Ф.В.Гадилову, является несомненно местной, изготовлялась в глиняных формах. Судя по предварительным данным, подобные солены и желобчатые калиптеры обнаружены в Моллаисаклы и Шихдере-келлеси. Будущие раскопки несомненно расширят ареал древнеалбанских кровельных черепиц. Наряду с приведенными изделиями в обжигательных печах древнеалбанских керамистов обрабатывались более мелкие глиняные предметы — не только пряслица или грузила, но и некрупные глиняные статуэтки, изображавшие женщин. Массовость керамических изделий, находимых в некрополях и поселениях древнеалбанского времени, наличие гончарных обжигательных печей указывают на широкое местное керамическое производство в Албании.

Производство металлических предметов. Наличие древних горных выработок и шахт, где добывали медную руду, а также большое количество металлических изделий, выявленных раскопками, показывают, что производство орудий труда, оружия и украшений античной Албании было поставлено на широкую ногу. Как известно, металлические изделия, обнаруживаемые в грунтовых, кувшинных, сырцовых и других погребениях, главным образом представлены небольшим количеством орудий труда и оружием, многочисленными украшениями. Бытовая утварь из металла для античного времени не характерна. Обнаруживаемые предметы позволяют утверждать, что в стране практиковалось производство вещей из железа, бронзы, золота и серебра. О приемах обработки албанского металла можно составить представление по сохранившимся образцам орудий труда, оружия и украшений. Наиболее распространенным способом обработки металла у обитателей страны былаковка, а также чеканка и отливка в формах. Ковка металлических предметов производится горячим или холодным способом. При горячем способе нагретый в горне металл обрабатывается на наковальне при помощи одного или нескольких молотков. Так древние албаны и их соседи обрабатывали главным

образом железо. Холодной обработке подвергались преимущественно золото и серебро, так как кускам этих металлов в холодном состоянии можно придать нужную форму и их легко ковать. Техника горячейковки нашла отражение на многочисленных металлических орудиях труда и оружии. Обитатели Албании в могиле оставляли серпы и серповидные ножи, а также ножи, кинжалы, мечи, вилы, наконечники стрел, дротиков и копий. Следы горячей обработки носят и большое количество украшений, найденных в албанских погребениях. К ним относятся в основном кольца, серьги, браслеты, шейные гривны, пряжки и другие украшения, связанные с комбинированными процессами литья,ковки и др. Для соединения отдельных частей украшений использовались штифты и припайка. Техника холодной обработки находит отражение на многочисленных металлических предметах. Так, холодным способом изготовлялась значительная часть украшений. К ним относятся серьги, кольца, браслеты, лопаточки, шейные гривны, колокольчики и др. Другим способом обработки металла была чеканка: уже готовые металлические предметы отделялись выбиванием определенного орнамента с внутренней или лицевой стороны по намеченному рисунку. Техника металлической чеканки видна на немногочисленных предметах, обнаруженных в различных погребениях. Т.И.Голубкина справедливо относит к подобного рода работам и чеканку монет (ряд обнаруженных кладов и одиночных монетных находок), а О.Ш.Исмизаде — тонкую золотую пластинку от рукоятки меча, изготовленную из высокопробного золота. Одним из трудоемких способов обработки металла является отливка в формах. В то время формы применялись открытые, двусторонние, разъемные. Подавляющее большинство железных предметов, обнаруживаемых на изучаемой территории, относится к орудиям труда и оружию, хотя сельскохозяйственных орудий несколько больше, чем предметов вооружения. Значительно меньше встречаются украшения из железа, что, видимо, объясняется тем, что вещи из этого металла хуже сохраняются и при раскопках не поддаются опознанию. Большое количество бронзовых, серебряных и золотых предметов, выявленных в древнеалбанских погребениях, представляют собой различные мужские и женские нательные украшения. Значительная часть предметов из серебра и золота, обнаруженных при раскопках, относится к украшениям. Как известно, вещи из бронзы, серебра и золота долго сохраняются. Это обстоятельство придает особую ценность предметам из указанных металлов и дает возможность проследить до подробностей ювелирное искусство древнеалбанских мастеров.

Ткачество. О ткачестве в античной Албании древние писатели не упоминают. Обратимся к археологическому материалу и данным этнографии. Раскопки выявили значительное количество ножниц для стрижки овец. Интересно, что железные ножницы для стрижки домашних животных обнаружены в грунтовых и катакомбных погребениях Дайламана. Согласно этнографическому материалу подобные железные ножницы до сих пор применяются в Азербайджане. Стрижка является работой трудоемкой, ею заняты обычно мужчины. Клавдий Элиан сообщает, что “верблюдов же очень много... покрыты прекрасной шерстью: их шерсть очень нежна, так что по мягкости не уступает даже милетской шерсти. Платья из этой (шерсти) носят персы и те из каспиев, которые наиболее богаты и наиболее знатны” (17, 34). Из приведенного отрывка видно, что одежда из верблюжьей шерсти высоко ценилась служителями культа, знатными местными жителями. Таким образом, в Каспийской стране было много верблюдов, прекрасная шерсть которых служила сырьем для производства одежды. Другим источником производства пряжи был лен. Человек уже давно обратил внимание на это стройное, упругое растение с хрупкой древесиной, но очень крепким зеленым лубом коры. Культура льна известна еще в древней Индии, Ассирии и Вавилоне. Из Месопотамии лен проник в древний Египет, где льняные ткани вытеснили бывшие там в употреблении ткани из шерсти: не только фараоны, но жрецы и люди знатного происхождения носили ткани из льна. Египетские мумии также обернуты льняными тканями. Позднее полотно шло на изготовление парусов у древних греков и римлян. Ткани из льна известны и в древней Албании. В результате окисления на ручных и ножных браслетах из кувшинных и сырцовых погребений сохранились явственные следы ткани. В одном из парных кувшинных погребений в Мингечауре обнаружены бляшки с остатками ниток. Найденный кусочек ткани из Мингечаура является тонким полотном, сделанным из льна. В одном из кувшинных погребений обнаружена серебряная фибула с остатками льняной ткани. Раскопки показывают, что в Хыныслы сохранились остатки ткани на железных пряжках. У черепа погребенного найдены остатки кожи и ткани, на которых расположены золотые пуговицы. Исследование фрагментов и следов тканей показывает, что кувшинные погребения Мингечаура содержат ткани различного качества в зависимости от их назначения: грубое и тонкое полотно, полотно так называемого коврового плетения, ажурные и другие ткани. Имеющие сложную технику выработки ажурные ткани имеют близкие аналогии с китайскими шелковыми тканями из Алтая и Монголии. Местные ткани вытканы из льняных ниток, в то время как китайские — из шелковых: ря-

дом с мингечаурскими льняными ажурными тканями обнаружены простые льняные ткани и другие изделия из льна. Полотно из кувшинных погребений имеет переплетение, при котором уток в каждом ряду поочередно покрывает одну нить основы и проходит под другой, а более грубое полотно готовилось способом коврового сплетения. Наличие льняных тканей в погребениях Албании позволило высказать предположение об одежде девочки-подростка, похороненной в кувшине: на ней были, по-видимому, красные кожаные башмаки и такой же пояс, матерчатые шаровары, схваченные у шиколоток бронзовыми браслетами, по два на каждой ноге. Поверх шаровар — юбка, а выше талии — кофта, сохранились следы кружевного плетения. На руках тоже браслеты и вязки бус, много их и на шее. Исследование ботанического материала показывает, что недалеко от Мингечаура растет лен в диком виде. Согласно этнографическому материалу лен сначала теребили руками, потом из волокна сучили нитку пальцами и наматывали на веретено.

Относящиеся к античной Албании некрополи и поселения изобилуют прекрасной сохранности обожженными глиняными пряслицами, выпуклыми с одной стороны и плоскими — с другой. В сравнительном плане интересны два веретена из Дайламана: глиняное пряслице с железным стержнем и стеклянное пряслице со стержнем из бронзы. Можно восстановить конструкцию албанского веретена. Глиняное пряслице надевалось на стержень из дерева или, может быть, металла — и веретено готово. Как известно, при прядении пряслице и продетый в него стержень, как правило, вращают вправо. Подобным способом прядения пользуются в Азербайджане по настоящее время. Так, из пучка очищенной и выбитой ручным способом шерсти сучится нить на веретено.

Фрагменты простых ткацких станков обнаружены в катакомбных погребениях Мингечаура и Бабадервиша, датируемые началом и серединой I тыс. н.э. Наряду с остатками ткацких станков зафиксированы костяные палочки. И сейчас местное население пользуется небольшим ткацким станком для тканья поясков (рама прямоугольна, поперечная планка подвижна, палочки камышовые). Можно предположить, что остатки станков, обнаруженных при археологических раскопках, весьма напоминают части станка, сохранившегося до наших дней, хотя в производстве тканей и, может быть, ковров большую роль должны играть ткацкие станки, устройство которых нам пока неизвестно. В этом плане интересен вопрос о портативности некоторых видов ткацких станков, которые во время кочевков упаковываются и перевозятся на ослах и верблюдах, а во время остановок распаковываются и устанавливаются для работы на несколько дней. Если исходить из

предположения, что не все ткани, бывшие в употреблении в древней Албании, привозились из-за границы, то гипотетически в стране пользовались несколькими видами ткацких станков.

Фрагменты тканей из албанских погребений позволяют высказать предположение, что ткачество являлось одним из развитых ремесел античной Албании. Главным сырьем для изготовления древнеалбанской ткани в основном служили шерсть и лен. Несколько позже в Албании встречаются хлопчатобумажные и шелковые ткани. Как раз в изучаемое время шелк стал известен в Европе. По Плинию, римляне узнали о шелке во время помпеевских походов (37, 6), по Флору — в битве при Каррах в 53 г. до н. э., когда римляне увидели шелковые знамена парфян (I, 46, 8); Павсаний (II в.) сравнивает шелковичный червь с пауком, плетущим паутину на деревьях, для шелковичного червя воздвигались постройки — “летние дома” (6, 26). По-видимому, часть шелковой материи, обнаруженной в Мингечауре, привозилась из Средней Азии, а, может быть, и из Китая.

Таким образом, заканчивая раздел, хочу вновь подчеркнуть, что из орудий вспашки в Албании античного времени применялись соха и лопатообразные орудия из железа. На обрабатываемых землях практиковалось искусственное орошение; население пользовалось каналами и кяризами. О состоянии земледельческого хозяйства говорят орудия жатвы, в большом количестве обнаруженные во время раскопок. К ним относятся железные серпы и серповидные ножи. Изучение палеоботанического материала показывает, что население Албании возделывало твердую и мягкую пшеницу, а также ячмень; отдельные виды этих злаков встречаются в различных районах Азербайджана и в настоящее время. Здесь культивировали и просо. Изучение археологического материала и данных этнографии позволяет предположить, что албаны во время молотбы могли применять молотильную доску, а также пользоваться для обмолота палками и животными, выбивающими копытами зерно из колосьев. Этнографический материал показывает, что процесс веяния заключался в подбрасывании зерна вверх при помощи особых приспособлений. Для хранения продуктов сельского хозяйства применялись как хозяйственные ямы, так и большие глиняные кувшины. О развитии албанского земледелия свидетельствуют орудия разлома. В Албании широко применялись каменные зернотерки и ручные мельницы, выращивали инжир, маслину, грецкие орехи, гранаты, персики и черешню. Изучение письменных источников и археологического материала позволяет говорить также о виноградарстве. Особо нужно отметить сообщения античных авторов и данные палеоботаники, позволяющие утверждать, что в Албании разведению винограда уделя-

дом с мингечаурскими льняными ажурными тканями обнаружены простые льняные ткани и другие изделия из льна. Полотно из кувшинных погребений имеет переплетение, при котором уток в каждом ряду поочередно покрывает одну нить основы и проходит под другой, а более грубое полотно готовилось способом коврового сплетения. Наличие льняных тканей в погребениях Албании позволило высказать предположение об одежде девочки-подростка, похороненной в кувшине: на ней были, по-видимому, красные кожаные башмаки и такой же пояс, матерчатые шаровары, схваченные у щиколоток бронзовыми браслетами, по два на каждой ноге. Поверх шаровар — юбка, а выше талии — кофта, сохранились следы кружевного плетения. На руках тоже браслеты и вязки бус, много их и на шее. Исследование ботанического материала показывает, что недалеко от Мингечаура растет лен в диком виде. Согласно этнографическому материалу лен сначала теребили руками, потом из волокна сучили нитку пальцами и наматывали на веретено.

Относящиеся к античной Албании некрополи и поселения изобилуют прекрасной сохранности обожженными глиняными пряслицами, выпуклыми с одной стороны и плоскими — с другой. В сравнительном плане интересны два веретена из Дайламана: глиняное пряслице с железным стержнем и стеклянное пряслице со стержнем из бронзы. Можно восстановить конструкцию албанского веретена. Глиняное пряслице надевалось на стержень из дерева или, может быть, металла — и веретено готово. Как известно, при прядении пряслице и продетый в него стержень, как правило, вращают вправо. Подобным способом прядения пользуются в Азербайджане по настоящее время. Так, из пучка очищенной и выбитой ручным способом шерсти сучится нить на веретено.

Фрагменты простых ткацких станков обнаружены в катакомбных погребениях Мингечаура и Бабадериша, датируемые началом и серединой I тыс. н.э. Наряду с остатками ткацких станков зафиксированы костяные палочки. И сейчас местное население пользуется небольшим ткацким станком для тканья поясков (рама прямоугольна, поперечная планка подвижна, палочки камышовые). Можно предположить, что остатки станков, обнаруженных при археологических раскопках, весьма напоминают части станка, сохранившегося до наших дней, хотя в производстве тканей и, может быть, ковров большую роль должны играть ткацкие станки, устройство которых нам пока неизвестно. В этом плане интересен вопрос о портативности некоторых видов ткацких станков, которые во время кочевков упаковываются и перевозятся на осликах и верблюдах, а во время остановок распаковываются и устанавливаются для работы на несколько дней. Если исходить из

предположения, что не все ткани, бывшие в употреблении в древней Албании, привозились из-за границы, то гипотетически в стране пользовались несколькими видами ткацких станков.

Фрагменты тканей из албанских погребений позволяют высказать предположение, что ткачество являлось одним из развитых ремесел античной Албании. Главным сырьем для изготовления древнеалбанской ткани в основном служили шерсть и лен. Несколько позже в Албании встречаются хлопчатобумажные и шелковые ткани. Как раз в изучаемое время шелк стал известен в Европе. По Плинию, римляне узнали о шелке во время помпеевских походов (37, 6), по Флору — в битве при Каррах в 53 г. до н.э., когда римляне увидели шелковые знамена парфян (1, 46, 8); Павсаний (II в.) сравнивает шелковичный червь с пауком, плетущим паутину на деревьях, для шелковичного червя воздвигались постройки — “летние дома” (6, 26). По-видимому, часть шелковой материи, обнаруженной в Мингечауре, привозилась из Средней Азии, а, может быть, и из Китая.

Таким образом, заканчивая раздел, хочу вновь подчеркнуть, что из орудий вспашки в Албании античного времени применялись соха и лопатообразные орудия из железа. На обрабатываемых землях практиковалось искусственное орошение; население пользовалось каналами и кяризами. О состоянии земледельческого хозяйства говорят орудия жатвы, в большом количестве обнаруженные во время раскопок. К ним относятся железные серпы и серповидные ножи. Изучение палеоботанического материала показывает, что население Албании возделывало твердую и мягкую пшеницу, а также ячмень; отдельные виды этих злаков встречаются в различных районах Азербайджана и в настоящее время. Здесь культивировали и просо. Изучение археологического материала и данных этнографии позволяет предположить, что албаны во время молотбы могли применять молотильную доску, а также пользоваться для обмолота палками и животными, выбивающими копытами зерно из колосьев. Этнографический материал показывает, что процесс веяния заключался в подбрасывании зерна вверх при помощи особых приспособлений. Для хранения продуктов сельского хозяйства применялись как хозяйственные ямы, так и большие глиняные кувшины. О развитии албанского земледелия свидетельствуют орудия разлома. В Албании широко применялись каменные зернотерки и ручные мельницы, выращивали инжир, маслину, грецкие орехи, гранаты, персики и черешню. Изучение письменных источников и археологического материала позволяет говорить также о виноградарстве. Особо нужно отметить сообщения античных авторов и данные палеоботаники, позволяющие утверждать, что в Албании разведению винограда уделя-

лось большое внимание. Прекрасная иллюстрация уровня виноградарства — это каменные ванны для получения виноградного сока, из которого приготавливали вино. Известия древних авторов, археологический материал и данные этнографии о средствах производства приводят к выводу о высоком техническом уровне сельского хозяйства, однако высокогорные альпийские луга и речные долины благоприятствовали и скотоводству. Как показывают письменные источники и археологический материал, коневодство на изучаемой территории было поставлено на широкую ногу. По-видимому, албаны разводили местную породу лошади, прозванную позднее карабахской. Именно из Каспианы в Албанию проникали особые породы лошадей, отличавшихся от местных. Население разводило крупный и мелкий рогатый скот. Об этом говорят кости баранов и коз, обнаруженных в керамических сосудах или просто на дне могильных ям, а также зооморфная керамика древних албанов. Изучение остеологического материала показывает, что албанские овцы и козы напоминают породы мелкого рогатого скота, играющего ведущую роль и в сегодняшнем скотоводстве. Стада нуждались в тщательной охране. Письменные источники позволяют особо выделить роль собак. Это подтверждается археологическим материалом. Источники также сообщают о верблюдах в Каспиане. Скотоводство обеспечивало местное население в первую очередь мясом, шкурами, шерстью. Скот обеспечивал албанов также молочными продуктами. Переработка молока — получение масла, сыра, кислого молока, сливок, айрана — это трудоемкая работа, требующая большого навыка, немало количества людей и разнообразной посуды. Раскопки выявили большое количество маслбоек и других сосудов из керамики, связанных с производством и хранением продуктов скотоводства. Обращает на себя внимание отгонная или яйлажная форма хозяйства, когда большую роль играют лошади как транспортное средство и собаки как хранители стада мелкого рогатого скота.

В связи с ремесленным производством интересны обжигательные гончарные печи. Особо следует подчеркнуть наличие печей на правом берегу Куры у Мингечаура и других районах, где обитали албаны. Печи находились в кварталах с гончарными мастерскими. Для сооружения печей пользовались сырцовыми плитами, производство которых продолжается по настоящее время. Благодаря растительным примесям сосуды после обжига приобретали желтоватые, розоватые или красноватые тона, придающие глиняным изделиям античной Албании своеобразие в окраске и отличающие их от керамики более раннего и более позднего времени. Имеющиеся данные позволяют говорить об орудиях производст-

ва, которыми пользовались албанские керамисты, а также об особенностях технологии. Вещи из металла показывают, что Албания — это страна, где получило развитие главным образом производство предметов из железа, бронзы, золота и серебра. Способом обработки металла былаковка, чеканка и отливка в формах. Ковка производилась горячим и холодным способом.

К одному из видов ремесленного производства относится ткачество, сырьем для которого главным образом служили шерсть и лен. Железные ножницы, выявленные во время археологических раскопок, применялись для стрижки шерсти домашних животных. Другой материал, служивший для производства пряжи, был лен, который в диком виде растет в Азербайджане. Исследование отдельных фрагментов и оставшихся следов тканей показывает, что часть их льняного происхождения. В связи с ткачеством представляет интерес пряслица, по которым восстанавливается конструкция веретена. Гипотетически у албанского населения были в употреблении несколько видов ткацких станков. На территории античной Албании ткачество являлось одним из развитых ремесел.

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ

О важной роли торговых путей Кабалы и других районов античной Кавказской Албании писал еще Р.Эфендиев. В.Н.Левиатов затронул вопросы торговых путей каспиев в связи с сообщением Клавдия Элиана. О.Ш.Исмизаде также поднимает вопрос о связях населения Албании с окружающими народами, о торговых путях древней Албании. Вопросу древнего сухопутного и водного пути по Каспию к Черному морю посвящена статья З.И.Ямпольского. О торговле и городах говорят авторы “Истории Азербайджана”: у албанов преобладала меновая торговля и незначительное развитие денежного обращения, хотя связи с эллинистическим миром несомненны, о чем свидетельствуют клады монет. По К.В.Тревер, торговля в начале нашей эры была слабее, Албания находилась вдали от торговых магистралей; на местных торговых путях Албания не имела значительных городов и поэтому торговля в этот период не достигла еще того уровня, чтобы влиять на экономику страны и на международные отношения, а нумизматические находки показывают, что монета имела хождение в Албании, но о размерах и формах ее хождения сведений у нас нет. Сообщения о транспортировке товаров К.В.Тревер связывает с отголосками обсуждения возможности, а не с фактом перевозки. Напротив, согласно Р.М.Вандову, Кура играла важную роль в эконо-

номике страны, по ней переправлялись товары к Черному морю. Привозились товары из Греции, Рима, а позднее из Византии. О торговле с южными странами свидетельствуют предметы материальной культуры. Согласно Е.А.Пахомову, относящему сообщение Страбона об албанах к I в. до н.э., развитие обращения приводит к попыткам выделки монет на месте. Авторы "Истории Дагестана" приводят страбоновское сообщение о том, что албаны не имели склонности к торговле, с одной стороны, и отмечают обилие предметов, свидетельствующих о связях с соседями, — с другой; отмечаются памятники Дагестана и вовсе не упоминаются азербайджанские, хотя, согласно авторам, материалы первых веков рисуют картину обмена между Дагестаном и Азербайджаном. Состояние торговли освещено и в других работах. Т.И.Голубкина отмечает, что с развитием ремесел расширяются внутренняя и внешняя торговля. По Ф.Л.Османову, культурные и торговые связи подтверждаются предметами материальной культуры. В совместных работах Т.И.Голубкиной и М.М.Расуловой подробно излагаются вопросы связей Албании. Согласно М.М.Расуловой, раскрывающей связи древней Албании со странами Запада, путь, идущий из Индии к Каспию и Черному морю, имел большое значение; с начала III в. до н.э. в Албанию стали проникать парфянские драхмы, а в I в. до н.э. "они получают здесь широкое распространение", охватывая все Закавказье; во II — I вв. до н.э. роль Албании в торговле возрастает и прослеживаются связи с сарматским миром; с конца I в. до н.э. укрепляются связи с Римом; в стране имели хождение драхмы Парфии и августовские денарии; с III в.н.э. торговые связи Албании с Римом "постепенно слабеют и почти прекращаются". Стеклянным изделиям, привозимым в Кавказскую Албанию главным образом из-за границы, посвятил свои статьи и монографию А.Б.Нуриев. Вопросы торговли и торговых связей античной Албании подробно изложены автором настоящей работы.

Учитывалась лишь часть источников — письменных или археологических, поэтому вопрос о торговых отношениях рассматривался главным образом в следующих аспектах: или торговля находилась в зачаточном состоянии (авторы "Истории Азербайджана", К.В.Тревер, Е.А.Пахомов) или она была значительной, причем водная магистраль от Каспия по рекам Куре и Риони к Черному морю играла в торговле большую роль (З.И.Ямпольский, Р.М.Вандов, М.М.Расулова). Параллельно появлялись и обобщающие работы, где более или менее полно отражены источники по истории страны.

Согласно письменным источникам в античной Албании были расположены крупные и мелкие населенные пункты. По Плинию,

одним из сильных укреплений Албании является Кабалака (VI, 29). Птолемей указывает, что в Албании насчитывались 29 полисов (городов) и коме (деревень), в том числе и Хабала (V, 11). Локализация большинства албанских полисов и коме представляется невозможной. Объясняется это отчасти тем, что карта Птолемея еще не изучена. Археологические раскопки создают более реальную картину — выявлено немало поселений античной Албании. Так, Мингечаур и окрестности являются одним из наиболее характерных районов распространения древнеалбанского населения: обнаружены поселения и некрополи. Выявлено большое древнеалбанское поселение у Чухур-кабалы (обычно отождествляемой с Кабалакой или Хабалой античных авторов). Поселения обнаружены в Чаккалы, Сеидтала и др. Большим древнеалбанским поселением является городище у Хыныслы, обычно отождествляемое с античной Шемахой или Самехией. К археологически зафиксированным древнеалбанским поселениям относится городище Тазакент. Несколько значительнейших древнеалбанских городищ и поселений открыто у Моллаисаклы, Калагях, Ньюди, Шыхдере-келлеси, исследуются городища у Хаджиатамлы, Тирджана, Ганзы и других древних поселений.

На одних поселениях выявлены фундаменты из булыжника, остатки сырцовых кирпичей и штукатурка, большое количество глиняных статуэток, на других — обожженный кирпич, тесаный камень, буллы или заготовки для них и другие предметы, но для многих городищ характерны кровельная черепица, каменные базы для деревянных колонн и т.д. Эти памятники археологически неравнозначны: на одних поселениях обнаружены хорошей сохранности обжигательные керамические печи, на других — большое количество черепицы или чудом сохранившийся вал, на третьих — бросается в глаза изобилие глиняных статуэток. Определенный ассортимент предметов не представляет памятник, а является результатом неравномерного археологического изучения: на одних памятниках велись интенсивные археологические раскопки, на других — раскопок пока не было, т.е. материалов для далеко идущих обобщений недостаточно. Тщетно искать поселения, занимающие одну строго ограниченную территорию. Некоторые древнеалбанские поселения разбросаны на сравнительно большой площади. Что это — большие населенные пункты, расположенные недалеко друг от друга, или большой город, разбросанный на большой территории? Поэтому не все обнаруженные или обнаруживаемые древние поселения могут быть городами в античном смысле этого слова. По-видимому, в древней Албании мы имеем дело с разнохарактерными поселениями, начиная от больших населенных пунктов до обыкновенных поселений сель-

ского типа, расположенными компактными группами. Вспомним сообщения Плиния и Птолея: оппидум — это и укрепление и город; полис — город, цитадель, община; коме — деревня, городской участок. Вероятно, античные писатели обозначали древнегреческими и латинскими терминами албанские укрепленные населенные пункты, т.е. полисы-общины и окружающие участки-деревни. Предположительно, мы имеем дело со строительством больших и малых населенных пунктов, сосредоточенных главным образом вокруг религиозных центров, которыми могли быть и большие иероны и иера хора античной Албании.

Естественно, население полисов и коме поддерживало взаимные связи. Большое количество аналогичных или тождественных керамических и других изделий возможно лишь при активном взаимообмене товарами широкого потребления. Предметы быта из центров производства доставлялись в районы потребления по торговым магистралям. Особенности рельефа — сочетание горных районов, низменностей и прибрежных долин — таковы, что главным образом одними и теми же путями местное население пользовалось много сотен лет. В этом отношении представляют интерес магистральные и проселочные дороги, по которым осуществлялись связи между древнеалбанскими поселениями. Следы древней “транзитной дороги, называвшейся у местного населения “Базирган ёлу” (торговая дорога), сохранились и в настоящее время. Дорога эта шла по южному склону Конделендаг”; на всем протяжении пути видны руины мостов, башен, крепостей и других сооружений. К.В.Тревер отмечает, что переправа у Мингечаура связывала куринское правобережье с левобережьем. Остатки древних дорог местное население называет дорогой послов (Эльчи ёлу). Авторы “Истории Азербайджана” пишут, что археологический материал рисует картину оживленного обмена и усиления торговых связей на базе меновой торговли на территории Дагестана и Северного Азербайджана в первых веках нашей эры. Согласно А.Б.Нуриеву, по территории древней Албании кроме главных магистралей проходили также торговые пути, соединяющие местные города и селища. Например, такие поселения и города, как Кабала, Мингечаур, Шемаха, Торпаккала и др., имели между собой торговые отношения. Вполне вероятно, что одна из главных сухопутных магистралей античной Албании к северу от Куры в основном совпадала с нынешней дорогой, тянущейся от Баку через Шемаху, Геокчай, Агдаш, Шеки, Закаталы, Белоканы до Лагодехи и далее на запад. По-видимому, именно этот путь связывал древнюю Шемаху с Кабалой и Мингечауром. Существовало большое количество ответвлений, по которым в теплые и сухие времена года можно было пройти в удаленные северные районы. У Агда-

ша от главной магистрали Баку-Тбилиси ответвляется к Кабале дорога по Саваланскому проходу. Местное население ее называет Эльчи или Базирган ёлу. От Саваланского прохода дорога поворачивает на восток. Этот отрезок пути известен как древняя караванная дорога, прослеживаются остатки мостов. Торговый путь, ведущий в Кабалу у местечка Чайбогазы, уходил в восточном и юго-западном направлениях. Первый путь по южным склонам Боздага тянется до Шемахи и далее, второй — в направлении Мингечаура. Третий древний путь местное население называет Эльван ёлу. Дорога расположена к востоку от Кабалы и тянется до города Геокчая. В Кабалу нетрудно попасть и с севера, из Дагестана, по проходам у Дашагила, Хачмаса, Бума, Куткашена и т.д. Дороги зимой покрыты снегом, ими пользуются только летом. Отмечается, что Верблюжья дорога (древний путь Базирган ёлу или Эльчи ёлу имеет и такое название) тянулась до Моллаисаклы и по предгорьям Ширвана доходила до Шемахи, а оттуда до берегов Каспия в районе Дуванлы. Население долины Автаран издревле поддерживало связи с племенами, населявшими Северный Кавказ и Дагестан, по проходу у Дербента и перевалам Большого Кавказа через Хачмас, Бум, Куткашен, Вандам и др. Связь и движение через указанные перевалы существуют и в настоящее время. Кроме этих путей существуют и проселочные дороги, связывающие район Шемахи с более западными Исмаиллы, Куткашен, Бум, Хачмас, Варташен и т.д. По-видимому, одна из главных магистралей античной Албании также совпадала с дорогой, тянувшейся от Казаха на восток через Шамкир, Гянджу, Мингечаур и далее к Шемахе, с одной стороны, и на юг от Барды через Агдам, Физули в Атропатену и Иран — с другой. Вместе с тем, современные дороги, протянувшиеся по направлению к горным районам Малого Кавказа, в изучаемое время являлись торговыми капиллярами, обеспечивающими автохтонов предметами, производство которых в основном относится к культурным центрам античной Албании. Ретроспективный материал также говорит об этом. Так, согласно сообщению более поздних арабских географов, от Тбилиси на восток дорога тянулась через Хуанан, Шамкур, Гянджу до Барды, а отсюда через Берзендж, Шемаху, Ширван и другие города можно было попасть в Дербент или от Барды через Юнан, Байлакан, Варсан, Балхаб и Берзенд — в Ардебиль.

Более подробно античные писатели были информированы о путях, связывавших страну с внешним миром. Так, Страбон сообщает, что в Иберию “проход из Албании сначала (представляет собой) высеченную в скалах (дорогу). Затем (путь идет) через болото, образуемое низвергающейся с Кавказа рекой (Алазони)” (XI, 3, 5). На стыке Армении, Иберии и Албании — на этой срав-

нительно небольшой, но сильно пересеченной местности дороги расходились. Одна из них вела не только в Иберию — по ней желающий попадал в Албанию: нужно было пройти по дороге, ведущей из Армении в Иберию, а затем свернуть к проходу, являющемуся своеобразными западными воротами Албании. Согласно сообщению Страбона, “этими входами воспользовался раньше Помпей, (начав) нападение из Армении, а после того Канидий” (XI, 3, 5). В другом месте Страбон сообщает, что обычно совершают “вторжение из Иберии в Албанию через Камбюсену — неровную местность, бедную водой — по реке Алазони” (XI, 4, 5). Очевидно, имеется в виду дорога, связывавшая два соседних народа. Римляне из Иберии только по этой дороге могли достичь албанских пределов, пройдя по неровной Камбисене и по реке Алазони. Мы имеем дело, по всей вероятности, с транскавказским торговым путем, привлечшим внимание Феофана Митиленского. Как уже указывалось, через Лагодехи и теперь можно выйти к Белоканам, Закаталам и так далее до берегов Каспийского моря. В другом месте Страбон пишет, что Хорзена и Камбисена “находятся на границе с Кавказскими горами, с Иберией и Колхидой. Рассказывают, что здесь на горных перевалах при сильном снегопаде целые караваны гибнут в снегу” (XI, 14, 4). Находясь на стыке Иберии, Армении и Албании, Камбисена включала территорию, на которой расположена дорога по Дилижанскому ущелью и соседним районам. В приведенном отрывке имеется в виду дорога, по которой двигался Помпей, преследуя Митридата VI Евпатора, царя Понтийского государства. Можно предположить, что отрезок торгового пути в зимнее время был труднопроходимым. Здесь не кончались торговые пути, ведущие на север. Торговцам достаточно было выйти к реке Арагви, а дальше караваны снова попадали на одну из главных магистралей, пересекавших Кавказ в самых, казалось бы, неприступных местах. Вот как Страбон описывает торговый путь, соединявший низовья Арагви с просторами северокавказских степей: “от северных кочевников (тянется) трудный путь вверх (на протяжении) трех дней, а за ним узкая долина вдоль реки Араг, требующая для одного (человека) пути в четыре дня, конец пути охраняется неприступной стеной” (XI, 3, 5). Плиний имеет представление о названии дороги ущелья: “Кавказские ворота, многими (писателями) очень ошибочно называемые Каспийскими, — огромное создание природы, (образовавшееся) вследствие внезапного разрыва гор; самый проход огорожен обитыми железом бревнами” (VI, 30). Некоторое время спустя Птолемей отмечал Сарматские ворота (V, 8, 11; 16), которые можно идентифицировать с теми же Кавказскими воротами Плиния. По всему видно, что Кавказские ворота идентичны

теперешнему горному проходу — Дарьяльскому ущелью. Однако и тут не прерывалась торговая дорога, связывавшая южные области с Кавказом. От Кавказских ворот путь шел дальше на северо-запад к Танаису. Согласно свидетельству Плиния, “от Кавказских ворот до Понтийского (моря) как почти (достоверно) известно 200 000 (шагов)” (VI, 31). Страбон сообщает, что Танаис является “общим торговым центром азиатских и европейских номадов, с одной стороны, и прибывающих на кораблях в (Меотидское) озеро с Босфора — с другой; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние доставляют в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода” (XI, 2, 3). На другом, уже южном продолжении этого пути была расположена Экбатана — средоточие торговых магистралей. В то же время этот город был удобным местом не только для приема, но также и для сбыта товаров. Через Экбатану проходила торговая магистраль, идущая с востока на запад, и здесь можно было легко заполучить товары из различных стран. И действительно, Страбон сообщает, что владеющие значительной частью северного побережья Каспийского моря аорсы “вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая (их) в обмен от армян и мидийцев” (XI, 5, 8). Это сообщение позволяет предположить, что древнеалбанская транзитная дорога, используемая в военных целях еще за много веков до этого, продолжала служить как торговая магистраль между племенами, обитавшими у Северного Прикаспия, с одной стороны, и населением Атропатены и Армении — с другой. Сообщение Клавдия Элиана о перевозке рыбы также подтверждает наличие торгового пути в Экбатану (17, 32). Согласно более позднему материалу, от Байлакана через Варсан, Берзенд, т.е. через ту территорию, где обитали каспии, можно было попасть в Ардебиль, а оттуда в Меянидж или Хунадж и далее на юг до Экбатаны. Археологический материал свидетельствует в пользу торговых связей между населением Северного Прикаспия и Атропатены. В этой связи мнение о том, что караванный путь через Дербентский проход уже не имел преобладающего значения, не может соответствовать действительности, а меотидско-колхидская магистраль, шедшая из южной России вдоль восточного побережья Черного моря через Колхиду и Артаксату-Арташат в Мидию и оттуда на восток, была, по-видимому, непрактичной для торговцев, которые хотели бы из Атропатены непосредственно попасть в Северное Прикаспие. Путь на север по берегу Каспия был единственным и обеспечивал связь между Атропатеной и Северным Прикаспием по территории античной Албании.

Другой торговый путь вел уже на северо-запад и имел не менее важное значение для торговли. Это — дорога от Экбатаны по направлению к Артаксате — одному из городов тогдашней Армении. Вот что об этом сообщает Страбон: “Города Армении следующие: Артаксата... и Арксата; оба города находятся на реке Аракс; Арксата — поблизости от границы Атропатии, Артаксата — недалеко от долины Араксены” (XI, 14, 6). К сожалению, древний географ не дает прямых сведений о расстоянии между Экбатаной и городами Армении, хотя очень нетрудно провести прямую от Араратской долины до иранского города Хамадана и на этом основании составить приблизительное представление о расстоянии между Экбатаной, с одной стороны, и Артаксатой — с другой. Обратимся к Плинию, который сообщает, что “на остальной (части) передней стороны, простирающейся до Каспийского моря, находится Атропатена, отделенная от Армении Араксом со стороны Отены. (Главным) городом ее является Газа, (находящаяся) в 450 000 шагах от Артаксаты, и столько же от Экбатаны Мидии, часть которой и составляет Атропатена” (VI, 16). Из сообщения Плиния следует, что Артаксата отстоит от Газаки на 450 тыс. шагов. От Газаки же до самой Экбатаны было столько же. Страбон отмечает два главных города Атропатены: Газаку и Веру. Говоря о Вере, древний географ пишет, что “эта крепость находится в 2 400 стадиях от реки Аракса, отделявшей Армению от Атропатены, как сообщает Деллий, друг Антония, описавший его парфянский поход, в котором ему самому довелось участвовать в качестве легата” (XI, 13, 3). Существует мнение, что именно по этой дороге в 37 г. до н.э. двигался римский полководец Антоний; рост торговли влек за собой и дальнейшее развитие торговых путей, начиная от Экбатаны через Газаку до Артаксаты и далее на север; ретроспективный материал также подтверждает выводы о наличии торгового пути между Экбатаной и городами Армении.

Далее Страбон сообщает, что Иберия имела сообщение с Арменией. Так, из “Армении (проход составляют) ущелья при (реках) Кюр и Араг...” (XI, 3, 5). Это позволяет утверждать, что далее на север дорога соединяла территорию Армении с Иберией. Предположительно, этот путь являлся одной из основных магистралей, по которой товары, привозимые в Экбатану, распространялись по Армении и Иберии. Согласно Я.А.Манандяну, важным средоточием торговых путей с Востока была Экбатана, куда шли караваны не только по северной магистрали через Гекатомпил, но также и по южным параллельным путям, идущим из Мерва и Самарканда через Зарех и из Индии через Кандагар. Из Экбатаны караваны шли в северном направлении в Арташат или же, минуя Селевкию, направлялись кратчайшим путем через Кенгавер, Керинд и Хуль-

ван в Низибин. Из Хульвана китайские и среднеазиатские товары доставлялись также в Селевкию на Тигре, которая была наиболее крупным торговым центром Востока. Как известно, в руках парфян находились сухопутные торговые артерии из Малой Азии по Сирии, Северной Месопотамии к Персидскому заливу и от Евфрата через Мидию и Парфиену в восточные страны; согласно Исидору Харакскому, сухопутные торговые магистрали пролегали через 19 областей Парфии и тянулись на 685 схойнов. По сообщению Плиния, Селевкия на Тигре имела 600 тыс. жителей (VI, 30). Что касается Александрии в Египте, то этот город в середине I в. до н.э. имел около 500 тыс. населения. По Страбону, Антиохия, будучи столицей Сирии, и по возможностям и по величине только немногим уступала “Селевкии на Тигре или Александрии египетской” (XV, 2, 5). Плиний рассказывает, что вначале “вся Месопотамия принадлежала ассирийцам; у них там были только деревни, за исключением Вавилона и Ниневии. Македонцы объединили их в города” (VI, 30). Значительная часть этих городов расположилась цепочкой от Антиохии до Селевкии на Тигре. По Мидии также проходил основной транзитный путь, уходивший на восток. Согласно Полибию, “Мидия опоясана со всех сторон эллинистическими городами для защиты ее от смежных варварских народов, за исключением, пожалуй, Экбатаны” (X, 27). Страбон сообщает, что “наибольшую длину Мидия имеет от (горного) перевала через Загр, который называется Мидийскими воротами, до Каспийских ворот через Сигриану — всего 4 100 стадий” (XI, 13, 8). Неудачи Антония Страбон связывает с безымянным проводником, который повел Антония “от Зевгмы на Евфрате до пределов Атропатены, по пути длиной в 8 тыс. стадий через горы, по бездорожью и обходами, т.е. по пути вдвое большему, чем прямая дорога” (XI, 13, 4). Кроме расстояний, связанных с сухопутными торговыми артериями, авторы древности сообщают и о городах, известных в то время. По Страбону, “есть и греческие города, основанные македонцами в Мидии, из которых (известны) Лаодикея и Апомея у Раги, а также сама Рага, основанная Никатором и названная (им) Эвропом, а парфянами — Арсакией. (Этот город) расположен приблизительно на 500 стадий южнее Каспийских ворот, (о чем) сообщает Аполлодор из Артемиды” (XI, 13, 6). В другом месте Страбон сообщает, что “около Раги находятся города Апамея и Гераклея. От Каспийских ворот до Раги, как рассказывает Аполлодор, 500 стадий, а до столицы парфян — Гекатомпила — 1 260” (XI, 9, 1). Приведенное говорит о том, что римские историки знали географию Мидии, расположение городов вдоль торговых путей. К ним относятся Лаодикея и Апамея, а также Гераклея и сама Рага, называемая также Эвропом или Арсакией, от которой

было недалеко до столицы парфян. Марцеллин наряду с отмеченными городами упоминает в Мидии Замбис, Патигран, Гераклею (23, 6, 39). Города Мидии расположились у караванной дороги в Центральную Азию и далее на восток. О путях в Парфию и Рим знали китайцы. Так, из "Шаньшани через Луковые горы две дороги ведут в западные государства". За этими горами находились государства "Большой Юечжы и Аньси (Парфия)"; в Хоуханьшу говорится о том, что "из Аньси (Парфии) сухим путем можно обойти море северною его стороною, и проникнуть в Дацинь (Рим) по западную сторону моря".

Таким образом, сухопутные торговые пути античной Албании на юге выходили к большим древневосточным торговым магистралям, протянувшимся по территории огромного Парфянского царства с запада на восток: от Антиохии и Селевкии на Тигре, с одной стороны, до Маргианы — с другой. Эти магистрали вели на запад, в страны, подчиненные Риму, и на восток, в Индию и Китай, соединяясь главным образом у древнего мидийского города Экбатаны.

Кроме сухопутных торговых магистралей античные авторы отмечают морские и речные торговые пути. Страбон, вероятно, имел в виду общую протяженность пути от берегов Каспия до Черного моря, когда писал, что эта территория тянется "от устья Кюрдо Колхиды на расстоянии около 3 тыс. стадий от моря до моря через Албанию и Иберию..." (XI, 1, 5). Это расстояние в 3 тыс. стадий (в одном аттическом стадии 184,97 м) оспаривалось еще в древности. Так, есть писатели, которые настолько суживают перешеек, как это делает Клитарх, полагающий, что этот перешеек затапливается обоими морями, но о них не стоит, пожалуй, даже и упоминать. Посидоний определяет ширину перешейка "в 1 500 стадий..." (XI, 1, 5). В другом месте Страбон пишет, что колхидская река "Фасис судоходна до Сарапан-крепости, в которой может поместиться даже население целого города. Отсюда сухим путем по проезжей дороге доходят до Кюра в четыре дня. На реке Фасис лежит одноименный город — торговый центр колхов... Плавание отсюда до Амиса и Синопы занимает два или три дня из-за того, что земля на морских берегах топкая и в устьях рек болотистая" (XI, 2, 17). Рассказывая об Иберии, Страбон сообщает, что "существует четыре входа в страну. Один ведет через колхское укрепление Сарапаны и ущелье вблизи него. Через это ущелье Фасис... бурным и стремительным потоком низвергается в Колхиду... Наполнившись водами притоков и став судоходной, эта река впадает в Понт; при устье ее находится одноименный город и поблизости от него озеро. Таков проход из Колхиды в Иберию, прегражденный скалами, крепостями и бурными реками" (XI, 3,

4). Согласно сообщению Варрона, в период военных действий Помпея “было выведено, что из Индии можно через семь дней дойти до Бактрии к реке Бактру, которая впадает в Окс. От этой (реки) по Каспию переведенные в Кюр индийские (товары) не более как в пять дней могут быть перевезены сухим путем к Фасиду в Понтийском (море)” (VI, 52). Солин отмечает, что Александру “Великому (было) возможно пройти из Индии (на протяжении) восьми дней в Бактрию до реки Далиер, где впадает в реку Окс, затем (пройти) к Каспийскому морю, а оттуда через Каспий к реке Кюр и достигнуть вод, которые омывают границы Армении и Иберии” (19, 4). В связи с этим Солин продолжает: “таким образом, он стремился осуществить (путешествие) от реки Кюр на протяжении не более пяти дней, доставляя суда по сухопутному пути к руслу (реки) Фасид. Его экскурс (говорит о том, что) поездка в Понт, начиная от Индии, с очевидностью приемлема” (19, 5). По словам Аристубула, река Окс “судоходна — и он, и Эратосфен заимствовали (это известие) у Плутарха — и много индийских товаров привозят в Гюрканское море, оттуда их переправляют в Албанию и по Кюру и следующим местностям доставляют в Эвксин” (XI, 7, 3). Как бы подтверждая упомянутые высказывания, о реке Куре оставил сведение другой писатель античности Аппиан: албаны выступили против Помпея, подстергая римского полководца “около реки Кюрн, которая двенадцатью судоходными устьями изливается в Каспийское море после того, как в нее впадает много рек и самая большая из них — Аракс” (103).

Доминирующее еще при Геродоте верное представление о Каспии как об отдельном водном бассейне в период римских завоеваний не получило признания; Каспийское море считалось частью или даже заливом океана. Из поздних географов только Птолемей придерживался геродотовской точки зрения. Не менее слабы и общие представления о бассейне Каспия. Если как-то согласиться с мнением Геродота, что суда на веслах пересекают море на протяжении восьми дней, то данные Страбона о ширине Каспия в 500 стадий не соответствуют действительности (XI, 6, 1). Что касается соображения Дионисия о том, что море не переплыть в “три лунных круга”, т.е., очевидно, в три месяца, есть преувеличение. Море имело, как отмечено выше, два названия — Каспийское и Гирканское. Потом к этим названиям прибавились еще два: Скифское и Албанское. Эти гидронимы прилагались к определенным частям Каспия соответственно этнонимам племен, обитавших по морскому побережью. Из всех названий в дальнейшем возобладал гидроним Каспий, который восходит к этнониму обитавших на берегу моря каспиев. Еще Александр Македонский посылал “Ге-

раклида сына Аргея в Гюрканию, а вместе с ним и кораблестроителей и приказал им рубить лес на Гюрканских горах и построить крытые и некрытые длинные суда по эллинскому образцу"; это было сделано с целью разузнать морские торговые пути, ведущие дальше на восток; ведь Александру "очень хотелось узнать, с каким морем соединяется море Каспийское" (VII, 16, 1). Претворить в жизнь намерение исследовать море удалось несколько десятилетий спустя. Так, Селевк Никатор поручил Патроклу, вместе с послами посетившему до этого Индию, составить описание Каспийского моря. Патрокл осуществил плавание по морю между 285 и 282 гг. до н.э. Путешествие началось от устья Кызыл Узена. Согласно Хеннигу, Патрокл обследовал западные и восточные берега. Однако остается неизвестным ни то, как далеко простиралось плавание, ни его продолжительность. Согласно исследователям, Патрокл побывал только у дельты Куры или заплывал до дельты Волги. Одни считают, что он достиг пролива Кара-Богаз-Гол, другие — полуострова Мангышлак. Видимо, селевкидский военачальник пользовался как морскими, так и сухопутными магистралями.

Наличие морского пути у некоторых географов вызывало сомнение. Диодору было известно, что достигнуть Каспийского моря по Фасису очень нелегко даже в том случае, если прибегнуть к волоку через перевал Сарапана. Аргонавты плывут по Азовскому морю и Дону, по знаменитому месту волока — узкому водоразделу Волго-Донского междуречья — попадают на Волгу и по ней на Каспий. Согласно сообщению Мелы, Каспийское море "свирепо и бурно, лишено гаваней, со всех сторон открыто бурям, более других кишит морскими чудовищами и поэтому менее посещается мореплавателями" (III, 5, 38). В том, что Каспийское море "менее посещается мореплавателями", по-видимому, сыграли роль и другие обстоятельства. К ним относится открытие новых торговых магистралей, не благоприятствовавших торговым связям по акватории Каспия и Куры. Так, по Псевдо-Арриану, при императоре Веспасиане (69 — 79 гг. н.э.) морской путь в Индию был облегчен тем, что "кормчий Гиппал, приняв в соображение расположение торговых пунктов и форму моря, первый открыл плавание прямо через море. С этого времени, по-видимому, и местный юго-западный ветер, дующий в Индийском море с Океана в то самое время, как у нас дуют ежегодные (пассаты), по его имени стал называться Гиппалом". Страбон сообщает, что "около 120 кораблей совершают плавание из Миос Гермоса в Индию, тогда как при Птолемах только немногие осмеливались плыть туда и ввозить индийские товары" (II, 5, 12). По Плинию, "купцы нашли кратчайшую дорогу, и таким образом Индия, благодаря стремлениям к наживе,

приблизилась к нам" (VI, 26, 6). Путь из Египта в Индию по морю описан в "Перипле Эритрейского моря". Анонимный автор дает сведения о гаванях и торговых поселениях на побережьях Красного моря и Индийского океана, об имеющихся там товарах. После открытия морской торговой магистрали из Европы в Индию попытки освоить торговые пути по Куре и Каспийскому морю были оставлены. Они скорее использовались для внутренних рынков античной Албании.

Если Каспийское море не представлялось удобным для мореходства, то должна была существовать дорога, по которой осуществлялась бы связь с его южными и восточными берегами. Согласно Страбону, Эратосфен "приводит следующее: от (горы) Каспий до (реки) Кюр около 1 800 стадий, отсюда до Каспийских ворот 5 600". В этом отрывке античный географ не упоминает Экбатану, которая должна была находиться между дельтой Куры и Каспийскими воротами у Раги, если путешественник двигался с севера на юг, начиная с отрогов Кавказа-Каспия. Из этого можно заключить, что Эратосфен имел в виду другую дорогу, которая тянулась по южному побережью, где-то у Раги или Гекатомпила соединяясь с большим транзитным торговым путем. Страбон тут же отмечает, что от Каспийских ворот "до Александрии (в стране) ариев — 6 400; далее до города Бактры, который называется также Зариаспой — 3 870; потом до реки Иаксарт, до которой дошел Александр, около 5 000. Всего 22 670" (XI, 8, 9). Об этом же пути сообщается: "от Гюрканского моря до области ариев около 6 000 стадий. Затем следует Бактриана и Согдиана и, наконец, скифские номады" (XI, 8, 1). Более подробные сведения о пути от Каспийских ворот до Индии Страбон дает в другом отрывке. Так, "расстояние от Каспийских ворот до Индии (Эратосфен) определяет следующим образом: до Гекатомпила 1 960 стадий, до Александрии (в стране) ариев — 4 530; затем до Профтасии в Дранге — 1 600, по другим — 1 500; далее до города арахотов — 4 120; потом до Ортоспаны, до перекрестка трех дорог из Бактры — 2 000; наконец, до границ Индии — 1 000. Всего 15 300..." (XI, 8, 9). Приведенное дает возможность предположить наличие большого пути по западному и южному берегу Каспия от Кавказских гор через Куру до Каспийских ворот протяженностью в 7 400 стадий. Возможно, эта дорога соединялась с торговой магистралью у Раги или Гекатомпила.

Трудно окончательно решить вопрос о том, какие транзитные магистрали были в древности предпочтительней: сухопутные или морские. Однако несомненно, что торговцы пользовались и первыми и вторыми, может быть, отдавая предпочтение первым из-за многих неудобств, связанных с волоком судов из одного водного

бассейна в другой.

В торговую жизнь были вовлечены страны, расположенные далеко друг от друга. Для римлян было важно, что древние кавказские албаны “честны и не (имеют склонности) к плутовству. Множество (албанов) не пользуется общепринятой номизмой и не (могут) уравнивать (количественное соотношение, не зная) числа более сотни, а (поэтому) приобретают товары, даваемые в обмен. И ко всем потребностям (жизни албаны) имеют беззаботное отношение: не сведущи ни в точных мерах, ни в (других) нормах и непредусмотрительны в (подготовке) к войне, в государственном (управлении и в делах) возделывания земли” (XI, 4, 4). Античная Албания непосредственно примыкала к Каспию, с одной стороны, и к Атропатене и Армении, а следовательно, и к странам древнего Ближнего Востока — с другой. В военные походы римляне узнавали о рынках сбыта, игравших большую роль в хозяйстве народов Кавказа. Об одном из них Страбон пишет: “наивысшие (горные хребты) подлинного Кавказа являются самыми южными, (сопредельными) с Албанией, Иберией, а также (с территориями) колхов и гениохов. Живут там (народы), как я сказал, сходящиеся в Диоскуриаду; сходятся же главным образом для (приобретения) соли” (XI, 5, 6). Наличие рынков сбыта на древнем Кавказе позволяет полагать, что в торговле соль продолжала занимать важное место. Представляет большую ценность сообщение Страбона о том, что на озере Матиана “устроены солеварни” (XI, 14, 8). По-видимому, соль экспортировалась в дальние и близкие районы как самой Атропатены, так и соседних стран: Армении, Иберии и Албании. Везли ли атропатенскую соль так далеко в Диоскуриаду? Источники об этом умалчивают. С историей страны связано известие о мидийском масле. Согласно Марцеллину, “этот продукт имеется в Персии и называется... туземным словом нафта” (23, 6, 38). Обитатели Каспианы поддерживали экономические связи с центральными районами Парфии. Так, по сообщению Элиана, в Каспийском море водится остроносовая рыба длиной в восемь локтей. “Каспии ловят их, солят и сушат, (потом) навьючивают на верблюдов и доставляют в Экбатану” (17, 32).

Римские торговцы пользовались первой возможностью разведки дорог Кавказа как транспортных путей, связывавших средиземноморские страны с Индией и Китаем. В этом отношении интересна латинская надпись времени правления императора Домициана (81 — 96 гг.), обнаруженная в Азербайджане к юго-востоку от Баку. По-видимому, римляне появились у Каспийского моря, преследуя экономические цели: узнать, имеется ли возможность связей со Средней Азией и через нее — с другими богатыми странами Востока — Индией и Китаем, минуя территории, подвласт-

ные парфянам, продолжавшим держать в руках торговлю между Западом и Востоком. Вслед за А.Г.Бокщаниным можно утверждать, что появление римлян на западном берегу Каспия было продиктовано желанием поставить под контроль одну из ветвей шелкового пути и установить связь с областями Центральной Азии в обход парфянских властей. О связях между римским миром и античной Албанией свидетельствует также греческая надпись, обнаруженная в Азербайджане около села Бсюк-Дегне. Надпись гласит: “Элий Ясон Эвнону Благодетелю памяти ради”. Из надписи видно, что памятник относится к Элию Ясону, посвятившему надпись некоему Эвнону, своему благодетелю. Кто эти люди, оставившие о себе столь редкую память на чужбине? Элий Ясон не мог быть албанином. Среди ограниченного количества дохристианских имен албанов нет греческих или латинских. Судя по имени Элий Ясон — грек, пребывавал в Албании, преследуя, очевидно, торговые интересы. Если иметь в виду, что римляне в это время уже предприняли серьезную попытку установить связи с Востоком, то вышеприведенное утверждение будет соответствовать реальному положению в тогдашней политической обстановке: проникновение римских торговцев на Восток, начатое в связи с выявлением торговых путей еще во времена Лукулла и Помпея, продолжалось и впоследствии. Многие из приведенного свидетельствует, что римляне осуществляли попытки установить контакты с Албанией в обход Парфии, не пропускавшей римских торговцев через свою территорию. Для римлян, желавших торговать с восточными странами, Албания служила трамплином для новых торговых связей. Римляне вплотную подошли к юго-западным берегам Каспийского моря, что, казалось, позволит Риму взять под контроль шелковую дорогу, соединявшую древнюю Италию, Грецию и другие западные страны со Средней Азией и даже Китаем. Помимо римлян, желавших вступить в торговые связи с богатыми восточными странами, предпринимали попытки торговых связей и обитатели Востока. Была открыта шелковая дорога. Шелк еще не доходил до Рима и торговцы доставляли его, по-видимому, только в Переднюю Азию. Систематический обмен товарами между восточными и западными странами стал возможен уже в I в. до н.э. Согласно Плинию, римляне узнали о шелке во время пребывания Помпея в Малой Азии (37, 6). И только после этого в Риме появился китайский шелк. В I — II вв. н.э. спрос на шелк продолжал увеличиваться, но производимая на Востоке шелковая ткань до римлян в достаточном количестве не доходила, так как Парфия продолжала владеть транзитными торговыми магистральями. Ведь государство аршакидов вместе с подвластным ремесленным и торговым населением было расположено между

владениями Рима, с одной стороны, и Средней Азией и Китаем — с другой. Восточные порты имели постоянные связи с западом. Так, по сообщению Псевдо-Арриана, “в эти торговые пункты ходят большие корабли, сообразно тяжести и количеству (вывозимых оттуда) перца и малобатра (душистая мазь из корицы). По преимуществу сюда ввозят очень много золотых сосудов, хрисолиты, немного простых одежд, пестрые материи, сурьму, кораллы, грубое стекло, медь, олово, свинец” и другие товары. В ассортимент товаров, привозимых из Индии, входили рабы и благовония. Известно, что китайцы получали десятки различных товаров, ввозившихся из западных стран, в том числе окрашенные сирийские ткани, драгоценные камни, геммы, пестрые ковры, стекла различной окраски, металл, лекарственное сырье, украшения из янтаря и кораллов и т.д. Кроме того, Рим отправлял в восточные страны медь, олово, свинец, изделия из стекла и другие товары из мастерских Сирии, а также керамические изделия, папирус и бронзу. В Хоуханьшу говорится, что у римлян “есть светящийся ночью камень, опаловый жемчуг... красный коралл, желтый янтарь, цветные стекла, мрамор, киноварь, изумрудный нефрит, золотые вышитые вещи, золотом тканые шерстяные ткани, шелковые разных цветов ткани, делают тертое золото, несгораемое полотно. Есть тонкое полотно, делаемое, как говорят, из пуха морских баранов и шелковичных коконов... Словом, оттуда выходят разные редкости, которых нет в других государствах”; согласно летописи римляне “ведут морскую торговлю” с Парфией и Индией “и получают большие выгоды”. Стремление китайских торговцев иметь связи с западными странами продолжало сталкиваться с политикой аршакидов, по-прежнему державших в руках торговлю. Так, в Хоуханьшу говорится, что римский император “давно искал случая открыть сообщение с Китаем: но аньсисцы (парфяне), желая одни снабжать Дацинь (Рим) китайскими шелковыми тканями, не пропускали дациньцев через свои пределы в Китай”.

Несмотря на наметившиеся связи, как для Рима Восток, так и для Китая Запад в значительной мере оставались покрытыми мраком неизвестности. Ведь в торговле активную роль играли местные торговцы, включенные в экономическую жизнь Парфии и державшие в руках большую торговую магистраль, связывавшую удаленные друг от друга страны. Все это показывает, что торговые магистрали, протянувшиеся из Европы, с одной стороны, и из Китая, Индии и Средней Азии — с другой, скрещивались на территории Парфии, а привозимые товары или переправлялись уже местными торговцами дальше или оседали в больших городах, постепенно растекаясь по торговым капиллярам.

В этой торговле Атропатена и Албания занимали определенное место: экспортируемые товары вывозились в Экбатану и оттуда распространялись по большим торговым магистралям. По этим же главным торговым путям свозились в Экбатану импортные товары, предназначенные для Атропаты и Албании. Об этом свидетельствуют предметы материальной и духовной культуры страны.

Как известно, на территории Азербайджана выявлены стеклянные изделия, к которым относятся мастерски исполненные кувшины, вазы, бокалы, флакончики и колбообразные бальзамарии, обнаруженные главным образом в кувшинных, катакомбных и срубных погребениях. В домашнем обиходе изделия из стекла служили столовой посудой, флаконами для духов или румян и для других надобностей, в погребальном обряде же играли роль сосудов для благовоний и душистых масел, которыми, может быть, снабжали покойников. Не исключено, что непосредственные участники погребального обряда использовали благовония для очищения. К изделиям из стекла относятся кувшины с одной ручкой, соединяющей круглое тулово с горлышком, оканчивающимся круглым венчиком. Нередко кувшины были украшены геометрическим орнаментом и изображением древа жизни или вообще не имели орнамента. Эта посуда предназначалась для разлива жидкостей из более объемистой. Для долгосрочного хранения выдыхающихся жидкостей кувшины не были пригодны из-за широкой горловины.

Другая категория посуды — это вазообразные или бокалообразные сосуды, имеющие дисковидный поддон, соединяющийся с туловом при помощи стержня. К этой категории стеклянных изделий относятся и вазообразные сосуды, не имеющие дисковидного поддона. Одни из сосудов имеют круглый венчик, другие отмечены лепным орнаментом. Вазообразная посуда скорее всего предназначалась для питья. К числу стеклянных изделий относятся также небольшие флаконы-бальзамарии без ручек, с круглым туловом, нешироким горлышком и круглым венчиком, некоторые из них имеют вертикальные каннелюры, а также флаконы-бальзамарии с двумя ручками, соединяющими округлое или овальное тулово с горлышком и круглым венчиком; покоятся на круглом поддоне. Нередко флаконы покрыты вертикальными каннелюрами. Из стеклянных изделий античной Албании отмечены колбообразные сосуды-бальзамарии, предназначенные, предположительно, для хранения ароматических и косметических жидкостей, предназначавшихся для дамского туалета — красок или сурьмы. По технологии — это в основном изделия, свободно выдутые или выдутые в формах; встречаются и массивные литые стеклянные поделки. Возможно, применялась горячая и холодная обработка.

Стекло обнаружено также в культурных слоях со следами древних поселений. Изделия из стекла широко применялись также у соседей албанов: в древней Армении и Грузии. Стекло как погребальный инвентарь отмечается в странах, далеко отстоящих от Кавказа. Флаконы с узким горлышком для душистого масла в большом количестве встречаются в богатых римских могилах первых веков нашей эры. Некоторые исследователи склонны считать часть стеклянных емкостей античной Албании предметами местного производства; другие — возможность производства стекла в древней Албании исключают. Рано появляются здесь и стеклянные бусы. Все это позволяет предполагать, что древнее население наряду с металлическими изделиями могло усвоить и технику изготовления стеклянных вещей. В этом отношении обращает внимание предположение о производстве стеклянных бус на месте. Однако стеклянные бусы — это одно, а посуда из стекла — это другое. Напомню, что переворот в истории производства стеклянных изделий произошел после изобретения дутья в конце I тыс. до н.э. и начале I тыс. н.э. Все вышесказанное пока не позволяет говорить о местном производстве стекла; наличие его в древней Албании пока можно связывать с явлениями, восходящими к культурным достижениям античного мира. В противоположность керамическим изделиям, в подавляющем большинстве производившимся местными керамистами, вещи из стекла, за исключением некоторых носильных безделушек, привозились в готовом виде из-за границы. По-видимому, свое стеклянное производство в Албании относится уже к более позднему времени. Привозными были вазообразные сосуды с дисковидным поддоном, флаконы-бальзамарии с ручками или без них и бокалы с плоским дном. Все это имело широкое распространение в странах античного мира.

Определение древних производственных центров, из которых экспортировалась стеклянная посуда, находимая на территории античной Албании, представляет большой научный интерес для выявления торговых связей. Вазообразные сосуды с дисковидным поддоном или лепным орнаментом, колбообразные сосуды, флакончики и другие предметы из стекла находят аналогии в отношении форм, размеров и других особенностей среди продукции восточных, в частности сирийских, центров стеклоделия. Типологический анализ дает возможность отнести стеклянные кувшины к поделкам сирийского происхождения, а вазообразные сосуды — к восточно-средиземноморской группе стеклянных изделий. Колбообразные бальзамарии распространялись по всей территории античного мира. Они обнаружены в Египте, на Кипре, в Дура-Европос, Гарни и других местах. Согласно Г.А.Тирацяну, распространение этих сосудов явно указывает на их ближневосточное про-

исхождение. Они несомненно изготовлялись в одной из многочисленных мастерских Сирии и соседних стран, откуда проникали в Армению; Сирия и Финикия являлись основными производителями стекла, успешно конкурировали с такими стеклодельными центрами, как Рейнская область, Египет, Италия; по эпиграфической документации наиболее известна организация торговли в Пальмире. Колбовидные сосуды-бальзамарии экспортировались как в скандинавские страны, так и в Афганистан. Производимые в Сирии стеклянные изделия попадали через территорию Парфии в Атропатену и Албанию. Выдутые в формах стеклянные изделия отделялись каннелюрами именно в I в. н.э. Подобная отделка является характерным приемом сирийских мастеров стеклоделия. Стеклянные изделия, предназначенные для экспорта, аккуратно упаковывались, что обеспечивало их сохранность даже при дальних перевозках. В Каирском музее хранятся образцы упакованных стеклянных изделий, предназначенных для экспорта.

Из сказанного видно, что сосуды из стекла в Албанию привозили из-за границы. Слишком неубедительны следы производства стекла в Мингечауре, Шемахе и Торнаккале. Стекло, обнаруженное в античном Азербайджане, является вещественным доказательством торгового обмена и определенно указывает на торговые связи, существовавшие в древности между Албанией и соседними странами.

Рост торговых отношений с соседними странами приводил к монетному обращению. При археологических раскопках по всей территории Азербайджана — в Мингечауре, Барде, Физули, Чухур-юрте, Ялойлутепе, по берегам Куры, Аракса, Гянджачая и других рек обнаружено большое количество монет. Металлические деньги найдены как в кувшинных, катакомбных, грунтовых и других погребениях, так и отдельно в виде кладов от нескольких штук до сотен экземпляров. Так, в 1913 г. близ селения Карадонлу (Мугань) обнаружен клад 47 серебряных парфянских драхм: две самые ранние относятся к Митридату II (ок. 124 — 88 гг. до н.э.), сорок пять самых поздних — к Фраату IV (ок. 40 — 3 гг. до н.э.). Таким образом, клад был зарыт в начале I в. н.э. Другой клад античных монет обнаружен в Барде в 1929 г. Крупный клад из более чем 300 серебряных монет обнаружен близ селения Хыныслы в 1958 г. Наиболее ранние монеты клада относятся к Лисимаху (323 — 241 гг. до н.э.), а самые поздние образуют римские денарии или драхмы Фраата III (70 — 58 гг. до н.э.). Значительную часть клада (около 72 монет) представляют подражания селевкидским или македонским драхмам. В одном из курганов недалеко от Чухур-кабалы выявлен клад более 600 серебряных монет, состоящих из драхм Александра (336 — 323 гг. до н.э.), Лисимаха, селевки-

дов, базилевсов Бактрии и аршакидов. Наиболее ранними монетами являются драхмы Александра, а наиболее поздними селевкидские тетрадрахмы Антиоха VII Сидета (138 — 129 гг. до н.э.). Предполагается, что клад был зарыт в конце II в. до н.э. В 1972 г. клад Ньюиди из 37 серебряных монет — подражаний драхам и тетрадрахам Александра и селевкидов обнаружен в грунтовом погребении типа Ялойлутепе. Монеты биты разными штемпелями. Клад относят ко II в. до н.э. В одном из погребений с монетой-подражанием обнаружена парфянская драхма Митридата II (ок. 124 — 88 гг. до н.э.). Согласно Д.Селлвуду, значительная часть драхм селения Карадонлу чеканилась в Экбатанах. Тем самым определяется и маршрут клада: от Экбатан — одного из больших городов Парфянского государства до древней Албании по территории Атропатены. Е.А.Пахомов высказывает предположение, что клад Хыныслы состоит из нескольких частей: одна происходит с Балканского полуострова (Афины, Фракия), уже в Малой Азии к ней присоединились монеты Понта и Вифинии. Далее содержимое клада продвинулось на восток, в область обращения чекана селевкидов, а оттуда в Албанию, где смешалось с аршакидскими драхмами и римскими денариями вместе с монетами-подражаниями. Думается, начало чухур-кабалинских монет связано главным образом с селевкидскими тетрадрахмами где-то в Сирии, потом клад восполнился аршакидскими драхмами на территории Парфии и только после этого перенесен в Албанию, где к ценностям было добавлено огромное количество подражаний драхам и тетрадрахам Александра. Таким образом, клад античной Албании в начальных истоках имели связи с разными территориями: сокровище из Карадонлу восходит к Парфии, тогда как денежные клады Барды, Хыныслы и Чухур-кабалы — к Балканам или Малой Азии. Кому принадлежало добро, зарытое в землю около двух тысяч лет тому назад: иностранцам, которые приходили в страну как завоеватели и заморский торговый люд, но прятали клад, желая скрыть их от чужого взора в минуты смертельной опасности, или хозяевами зарытых монет были албанские купцы, укрывшие свои сокровища в надежде когда-нибудь откопать их? Ведь пустить в дальнейший оборот монеты и крупных и мелких номиналов — значит включиться в торговые отношения, существовавшие как в стране, так и за ее пределами, т.е. иметь дело с мелкой и крупной торговлей того времени. Во всяком случае, монеты-подражания, обнаруженные в одном из грунтовых погребений, кажется, говорят о местном богатее: при нем нет ни аршакидских, ни римских монет. Имеющиеся в кладе Хыныслы подражания чеканены несколькими парами штемпелей, являясь продукцией местной чеканки I в. до н.э. На них нет надписей или царских сим-

волов, поводом к их выпуску нужно считать не династические соображения, а недостаточную насыщенность рынка привозными деньгами. В чухур-кабалинском кладе 500 монет-подражаний, на которых имеются и искаженная и неразборчивая греческая надпись, вес колеблется от 1,18 до 3,91 г; большая часть их имеет более трех граммов. Для чеканки использовано много пар штемпелей, эталоном служили драхмы и тетрадрахмы Александра Македонского. Почему местные монеты копировали именно драхмы и тетрадрахмы Александра Македонского? То же самое относится к символам и другим особенностям, обязательным на монетах, если они связаны с базилиевсами античной Албании. Согласно И.А.Бабаеву и С.М.Казиеву, со II в. до н.э. местная чеканка монет-подражаний не вызывает сомнений, а монетный двор находился в одном из крупных торговых и административных центров Кавказской Албании. Скорее всего таким центром являлся город Кабала. Ф.Л.Османов также отмечает, что монеты клада Ньюиди бесспорно являются местными, чеканенными где-то в районе предгорий Большого Кавказа. Таким образом, два крупных монетных клада древней Албании наряду с импортными монетами содержали большое количество подражаний монетам Александра Македонского. Только из этих имитаций состоит клад, найденный в грунтовом погребении. Исследователи единодушны в вопросе о местном чекане: эти монеты встречаются главным образом на изучаемой территории, хотя в этом отношении представляет интерес клад из Арташата (Армения), состоящий из 46 серебряных монет, в числе которых албанское подражание драхме Александра Македонского. Согласно Е.А.Паховому, на монетах местного производства имеются различные дефекты. К ним относятся искажения изображений и надписей, гладкие лицевые стороны, обращение изображения на обороте в противоположную сторону: птица оказывается в левой руке, а скипетр — в правой; вес таких монет из Хыныслы колеблется от 1,49 до 3,22 г, и только одна из них имеет 1,25 грамм. Сохранились монеты со следами перечеканки из римских денариев. К местному производству относятся и расплюснутые ударами молотка образцы без рисунков или надписей. Итак, клады свидетельствуют об увеличивающихся накоплениях монет в руках отдельных лиц, когда застывание обращающихся денег в сокровища и приливы сокровищ в обращение представляют собой постоянно изменяющееся колебательное движение, связанное с товарным обращением, а также о значительных экономических возможностях торговцев на территории самой античной Албании и за ее пределами вплоть до крупных центров тогдашнего культурного мира. Большое количество македонских, селевкидских, римских и аршакидских монет в виде

значительных сокровищ или одиночных экземпляров увеличивали торговый обмен, делая более реальными связи с экономической политикой Рима и Парфии со II — I вв. до н.э. вплоть до раннего средневековья, т.е. древняя Албания включалась в торговые связи на огромной территории, начиная от Испании и кончая страной серов — Китаем, а институт частной собственности получил дальнейшее развитие, способствуя прогрессу хозяйства.

Таким образом, на территории античной Албании обнаружены монеты импортные, а также монеты, изготовлявшиеся на месте, но зависящие от ввозимых денег иностранного происхождения, иллюстрируя экономические связи албанов с различными народами древнего мира. Эти связи осуществлялись по многим путям. Вероятно, большая часть монет, имевшаяся в обращении, поступала в Албанию из Парфии через территорию Атропатены.

Денежное обращение, представленное иностранными и местными монетами, не было в состоянии обслужить мелкую торговлю, ибо, по Т.И.Голубкиной и М.М.Расуловой, ценность монет была для того времени слишком велика. Это обстоятельство позволяет высказать предположение, что в обращении находились негромоздкие и удобные при хранении предметы. В изучаемое время денежным эквивалентом могли служить браслеты, большое количество которых являлось свидетельством богатства, ибо самые употребительные украшения служат в то же время деньгами. Подобные ценности находятся в полной безопасности лишь тогда, когда они на теле их обладателей. Археологические раскопки выявили большое количество раковин каури. Известно, что эти раковины в значении денежных знаков при взаимных торговых сделках употреблялись с древнейших времен. Поэтому высказывание в пользу того, что раковины каури использовались в качестве денежных знаков, чаще, видимо, более мелких, т.е. мелочи, является весьма убедительным. Родиной каури являются побережья Индийского и Тихого океанов. К предметам торговли и обмена относятся изделия глиптики, подавляющее большинство которых обнаружено при археологических раскопках в Мингечауре, остальная часть — в Хыныслы, Торпаккале, Гяндже и других местах Азербайджана. В основном мы имеем дело с геммами инталиями, в древности распространенными на широкой территории. Античные инталии Азербайджана имеют овальную форму, главным образом диаметром около 1 см (не более копеечной монеты), изготовлены из твердых пород полудрагоценных камней, в основном из халцедона различных цветов и оттенков: превалирует коричневый цвет с темными и светлыми оттенками, попадает также темно-красный, желтовато-красный, красный и другие цвета. Встречаются и стеклянные литики темно-синего, желтого,

желто-золотистого и темно-коричневого цвета. Большая часть инталий сохранила первоначальные особенности и привлекательность. На инталиях из халцедона и на стеклянных литиках обычно изображены боги или богини античного пантеона (Марс, Гелиос, Афродита, Афина, Эрот), символы плодородия (цветок созревшего мака и колос), изображения воина в шлеме с копьем и щитом, а также стоящие друг против друга люди с устремленными вверх руками. На инталиях встречаются и рисунки животных. Интересно, что на одной из гемм светло-коричневого цвета имеется несколько схематичное, но отчетливое изображение алтаря с языками пламени, а на литике из сырцового погребения, раскопанного Я.И.Гуммелем, изображено рукопожатие — символ согласия. Представляют интерес геммы с изображением людей, птиц, животных, а также буллы, инталии с растительным орнаментом, многогранные печати с отверстием для ниток. Большинство изделий найдено в погребениях, что облегчает их датировку. Появление античных инталий в Албании справедливо связывается с походами римлян на Кавказ: широким потоком изделия античного мира хлынули сюда в I в. до н.э. Среди находок III — I вв. до н.э. обращают на себя внимание найденные во время раскопок кусочки затвердевшей глины — заготовки для булл, а также буллы со следами веревок, тканей, корзин и других предметов быта. Интересно, что на таких комках остались спиралевидные следы. Что это — следы пергамента, свернутого в трубочку, а следовательно, имевшихся, но не дошедших до нас рукописных текстов: хозяйственных или религиозных? Примечательно, что значительная часть оттисков на глине произведена привозными перстнями-печатами. Буллы свидетельствуют о том, что инталии в античной Албании являлись не только предметами украшений или амулетами, но и печатами — знаками собственности, причем использовались при скреплении документов, опечатывании дверей кладовых и других помещений. Согласно Т.И.Голубкиной, для этого времени были типичны перстни с геммами, как привозные из греко-римского мира, так и местные. По И.А.Бабаеву, трудно высказать что-либо в пользу местного производства античных предметов глиптики в Кавказской Албании. Тем не менее есть попытки выделить местные инталии. Так, албанские мастера античного времени изготавливали предметы глиптики чаще всего с изображениями животных. Можно только предположить, что некоторые из гемм уже не привозные, а являются произведениями местных мастеров-резчиков, которые находились под влиянием греческой культуры. Как бы то ни было, процент привозных инталий чрезвычайно велик. Произведения римских и других мастеров древней Италии зачастую невозможно отличить от изделий

соседних неримских производственных центров: провинция по стилю и тематике копировала римский эталон. Поэтому центры производства античной глиптики не выделяются. Появление римских инталей в первую очередь объясняется развитием торговых отношений: купцы способствовали большому товарообороту, в результате которого римские геммы стали особенно распространяться в стране на протяжении всего I в. до н.э.

Местное производство подавляющего большинства ювелирных изделий Албании не вызывает сомнения. Однако встречаются и привозные. В качестве примера укажу на обнаруженные в грунтовых погребениях типа Ялойлутепе и катакомбных погребениях Мингечаура серьги из червонного золота в форме полумесяца. К ним припаяны четыре зерни, расположенные пирамидкой. Характерные для античного времени серьги из серебра найдены в Мцхета, Гарни и Дура-Европос. Согласно А.А.Карахмедовой, изучаемые серьги свидетельствуют об их привозном характере; в Албанию они попали в результате торговли с Римом. Археологические раскопки выявили значительное количество серебряных, бронзовых и железных фибул неместного производства, датируемых последними веками до н.э. — первыми веками н.э. Согласно Дж.А.Халилову, частично фибулы привозные, имеют галло-римское происхождение; римские товары, в том числе фибулы из северочерноморских колоний проникали в Албанию через Северный Кавказ. Имеется значительное количество привозных бус. Так, из грунтового погребения типа Ялойлутепе они из перламутра, по форме напоминающие лиру; поверхность бус разделяет на две части врезанная вертикальная линия: на каждой половине расположены кружочки с точечными углублениями посередине. Эти ожерелья характерны для стран Средиземноморья изучаемого времени. Мингечаурские кувшинные погребения дают не только наибольшее количество бус, их отличает также обилие импорта. Интересно, что основные типы бус из грунтовых погребений к северу от Куры от случая к случаю еще встречаются в правобережных кувшинных погребениях, но ведущие их типы из кувшинных погребений Мингечаура II — I вв. до н.э. в грунтовых погребениях отсутствуют. Импортные бусы проникали в Мингечаур из Причерноморья, а в Ялойлутепе — из Сирии. В изучаемое время в Мингечаур и Хыныслы поступали египетские амулеты: округло-ребристые бусы, амфоровидные подвески, украшения в виде раскрытой кисти руки, фигурка богини, прижимающей к груди ребенка. Из Сирии привозили также мозаичные бусы и подвески. Стекланные бусы различных форм, бусы из пасты и некоторых драгоценных камней также относятся к числу импортных. В финикийских городах Тире и Сидоне изготовлялись синие и темных

цветов бусы, в Фивах и других городах — многоцветные, бородавчатые и глазурчатые. Миниатюрные пастовые бусы с изображением человеческого лица европейского типа, по-видимому, также происходят из Египта. Об этом говорят предметы материальной культуры, производимых в этой стране.

Родина скарабеев — Египет. Однако египетские скарабеи поддельвались и в Финикии. Вместе с египетскими культурами распространялись скарабеи не только в Риме, но и за пределами империи, доходя до стран Ближнего Востока, в том числе до древнего Кавказа. Наряду с другими предметами материальной культуры они доходили и до античной Албании. По Б.Б.Пиотровскому, скарабеи попадали в Закавказье через Переднюю Азию. Египетские изделия, найденные в Закавказье, являются доказательствами того, что в римский период не теряют своего значения торговые артерии, издревле связывавшие Закавказье с Предкавказьем, — Дарьяльский и Дербентский проходы, через которые осуществлялись контакты сарматского мира с Иберией и Албанией. Обнаружение скарабеев является еще одним доказательством того, что население этой территории состояло в торговых и культурных связях с далекими центрами производства изделий из египетской пасты — городами Навкратисом и Александрией.

Кроме материала, носящего в той или иной степени массовый характер, о связях свидетельствуют и отдельные предметы. Представляет интерес амфора, не имеющая аналогии среди керамических изделий Албании. Этот сосуд с округлым, расширяющимся к середине корпусом и длинным широким горлом имеет две вертикальные витые ручки, соединяющие тулово с горлом ниже круглого венчика. Он обнаружен В.А.Скиндером “между г. Елизаветполем и немецкой колонией Еленендорф” в одном из сырцовых погребений. Амфора из раскопок В.А.Скиндера подробно описана А.Спициным. Сосуд поливной, яркого сине-зеленого цвета, уже утратившего свой блеск под слоем патины. К.В.Тревер отмечает, что амфора так называемого парфянского типа с витыми ручками. Интересно, что подобное керамическое изделие отмечается и на территории парфянского Ирана. К предметам импортного характера следует отнести обнаруженный у селения Зерты (Кара-каха, Лачинский район Азербайджана) бронзовый светильник. На щитке светильника изображена маска с открытым ртом, окаймленным бородой и усами. Над большими продолговатыми глазами расположены мохнатые брови с характерным изгибом у переносицы. Подобные предметы встречаются в Риме и датируются второй половиной I в. — первой половиной II в. Стилистический анализ маски, изображенной на светильнике, приводит к восточным провинциям Римской империи, вернее всего к Сирии. Бронзовый све-

тильничек был занесен в античную Албанию или римскими воинами центурии легиона XII Фульмината или попал сюда в результате торгового обмена между иностранными купцами и древнеалбанским населением в конце I — начале II вв. Представляет также интерес имеющий крышечку бронзовый светильник античного времени из Кабалы. Согласно С.М.Казиеву, их образцы, обнаруженные в Египте и Италии, хранятся в Британском музее. К привозным предметам относится определенный тип серебряных чаш, обнаруженных в Азербайджане: датируемая серебряной драхмой Готарса чаша-фиала на невысоком кольцевом поддоне из кувшинного погребения Хыныслы. Дно чаши внутри орнаментировано четырьмя парами концентрических бороздок. Другая чаша-фиала на кольцевидной ножке из срубного погребения Мингечаура. Дно орнаментировано четырьмя окружностями. Датируется I — III вв. Согласно М.М.Расуловой и К.О.Кошкарлы, на этих двух гладких фиалах ощущается эллинистическо-римское влияние. Аналогии прослеживаются среди римской бытовой утвари. В этом аспекте обращает внимание обнаруженный на левобережном III поселении Мингечаура один из серебряных сосудов. Такие банкообразные емкости известны в римской торевтике. Высоким художественным качеством отличается серебряная чаша из левобережного III поселения Мингечаура с узором в виде листьев и гроздей винограда; изделие с омфалом, на невысоком кольцевом поддоне. Эту чашу К.В.Тревер сравнивает по технике, орнаменту и размерам с серебряной чашей одного из саркофагов в усыпальнице иберских питахшей в Армазисхеви I — II вв. Несколько позднее была обнаружена другая серебряная фиала из грунтового погребения I — II вв. до н.э. возле селения Рустов. Серебряные фиалы объединяют особенности форм, размеров и декоративного убранства, позволяя отнести их к римскому импорту. К сосудам эллинистического типа относится и другая серебряная фиала из кувшинного погребения Карамарьям. К импортным изделиям относится обнаруженная в катакомбном погребении Торпаккалы (Алазань) тонкостенная серебряная ваза с широким поддоном в виде кольца. На дне — позолоченный медальон с изображением крылатого грифона над бегущим оленем. На вазе — серебряная крышка. Ваза аналогична металлическим сосудам, получившим широкое распространение в римскую эпоху. Мы имеем дело с предметом античного импорта, происходящего если не из самого Рима, то из его провинций. К предметам материальной культуры, указывающих на связи страны с близкими и далекими соседями, относится серебряное блюдо с изображением Нереиды — нимфы моря. Блюдо является выдающимся памятником римской торевтики II — III вв., обнаружено недалеко от древнего пути, извест-

ного под названием торговой дороги или дороги гонцов. По К.В.Тревер, блюдо относится к предметам обихода верхушки общества, согласно М.М.Расуловой, оно — дар иноземных торговцев. Если блюдо можно поставить в связь с торговыми экспедициями римлян, то Элий Ясон или его благодетель Эвнон были именно теми людьми, которые побывали в Албании с торговыми целями.

Итак, на территории Албании упоминаются крупные и мелкие поселения. Согласно Плинию, здесь отмечаются один из оппидумов или укрепление Кабалака. По Птолемею, в Албании насчитывалось 29 полисов и коме. Науке уже известны городища Мингечаур, Кабала, Хыныслы, Торпаккала и другие места обитания по археологическим раскопкам. Население, обитавшее в городах или поселениях, поддерживало тесные связи друг с другом. Представляют интерес местные магистральные и проселочные дороги, которыми пользовались на протяжении долгого времени. Более подробно античные писатели были информированы о путях, связывавших Албанию с внешним миром. Страбон отмечает проход из Албании в Иберию и из Армении в Албанию. Этими путями пользовались Помпей и Канидий — один из полководцев Марка Антония. Упоминается также проход из Иберии в Албанию в связи с Камбисеной и рекой Алазони. Отсюда путь шел до низовьев Арагви и далее на север. Согласно Плинию, в начале пути на севере расположены Кавказские ворота, ошибочно называемые Каспийскими; у Птолемея они именовались Сарматскими — локализируются в Дарьяльском ущелье. От Кавказских или Сарматских ворот дорога тянулась дальше на северо-запад к Танаису, где торговали рабами, кожей, одеждой, вином и прочими товарами. На другом конце торгового пути была расположена Экбатана. Здесь можно было приобрести товары из различных стран. Страбон сообщает, что аорсы, владеющие северным побережьем Каспия, торгуют индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидийцев. Ретроспективный материал подтверждает это: по территории, где обитали каспии, можно было попасть в Ардебиль, а оттуда в Меянидж или Хунадж и далее на юг до Экбатаны. О связях между Северным Прикаспием и Ираном также свидетельствует археологический материал. Другой торговый путь вел на северо-запад, связывая Экбатану с Артаксатой. Через Атропатену проходил основной транзитный путь, связывавший Запад с Востоком. От Загросского перевала или Мидийских ворот до Каспийских через Сигриану — 4 100 стадий, а от Зевгмы на Евфрате до Атропатены во времена похода Марка Антония было насчитано 8 000 стадий. Сухопутные торговые пути Албании на юге выходили к главным магистралям Парфии: они вели на запад,

в страны, подчиненные Риму, и на восток — в Индию и Китай, соединяясь главным образом у Экбатаны.

В источниках отмечаются морские и речные торговые пути. Согласно Арриану, Александр Македонский хотел знать — с каким морем соединяется Каспийское море. Несколько десятилетий спустя по поручению Селевка Никатора Патрокл изучил западные и восточные берега Каспия. Одни исследователи считают, что Патрокл достиг пролива Кара-Богаз-Гол, другие предполагают, что ему удалось достичь полуострова Мангышлак. Патрокл не ошибался, говоря о торговых путях, хотя наличие пути по Каспию у некоторых древних писателей вызывало сомнение. После открытия морского торгового пути из Европы в Индию попытки освоить транзитную торговую магистраль по Куре и Каспию были оставлены навсегда, хотя торговые пути по Куре могли обслуживать рынки Албании, обеспечивая как внутренний товарообмен, так и приток импортных товаров. Каспийское море не представлялось удобным для мореходства. Можно высказать предположение о наличии большого сухопутного пути по западному и южному берегу Каспия от Кавказа до Каспийских ворот у Раги или Гекатомпила. В настоящее время трудно судить о том, какие транзитные пути были предпочтительней — сухопутные или морские. Однако несомненно, что торговцы пользовались и первыми и вторыми, может быть, отдавая предпочтение первым из-за многих неудобств, связанных с волоком судов из одного водного бассейна в другой.

Албания примыкала к юго-западному побережью Каспия, с одной стороны, и к Атропатене и Армении, а следовательно, к Парфии и странам Востока — с другой. О желании римлян поставить под контроль одну из ветвей шелковой дороги и установить связи со странами в обход Парфии свидетельствует латинская надпись появившегося на западном берегу Каспия римского отряда времен императора Домициана. О контактах между римским миром и Албанией свидетельствует и греческая надпись из Беюк-Дегны. Проникновение римских торговцев на восток, начатое в связи с появлением торговых путей еще во времена Помпея, продолжалось и впоследствии. О торговле свидетельствуют вещи из археологических раскопок. К привозным предметам относятся стеклянные изделия, значительная часть монет и гемм, раковины каури, некоторые виды бус и скарабеи, а также бронзовый светильник и серебряные блюда. Многие из импортных вещей, обнаруженных в Азербайджане, явно связаны с культурным ареалом Запада или Востока, в том числе и с Парфией. О связях со странами Запада говорят стеклянные изделия, римские монеты и геммы с античными мотивами, некоторые виды бус, скарабеи и другие

предметы. С Востока шли раковины каури. На связи с Парфией могут указывать аршакидские монеты и некоторые изделия из керамики и металла. Предметы материальной культуры, привозимые из-за границы, выявляют интенсивные экономические связи античной Албании. Торговля с далекими и близкими странами осуществлялась главным образом по магистралям Парфянского государства, включавшим Албанию в сферу влияния крупнейших центров античного времени.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Вопрос об общественном строе античной Албании привлек внимание исследователей относительно недавно. Еще Е.А.Пахомов писал, что население Албании стояло на довольно низкой ступени развития, позже авторы "Истории СССР" утверждали, что о внутреннем строе Албании в первые века нашей эры почти ничего неизвестно. Спустя двадцать лет К.В.Тревер отмечала, что утверждение это вполне справедливо. Согласно З.И.Ямпольскому, господствующей формой собственности на землю в Албании была храмовая собственность, с которой связана собственность храма на иеродулов — храмовых рабов. Анализ терминов позволяет фиксировать наличие рабовладельческих отношений в ту эпоху и в этой части нашей Родины. Исходя из общих положений, В.Н.Левинатов констатировал разложение родового строя, формирование классов: именно на этой ступени общественного развития застали албанцев римские легионы, вторгшиеся в I в. до н.э. в Закавказье. Согласно одной работе З.И.Ямпольского общественный строй древней Албании был раннерабовладельческим с пережитками родового строя на окраинах и в центральных районах, по другой — в Албании I в. до н.э. была социальная группа или прослойка, представитель которой на древнегреческом языке обозначался именем "гегемон", что в свою очередь показывает социально-экономическое неравенство при наличии раннерабовладельческой знати. Более или менее конкретно попытался увязать археологический материал с вопросами социального строя Г.И.Ионе, согласно которому "население Мингечаура (Албания) в указанный период расчленилось на резко отличные друг от друга имущественные и даже социальные группы", в период кувшинных погребений различался ряд социальных групп: военная и имущественная знать (цари, жрецы), рядовые члены общины и т.д. Развивая мысль о социальном строе, Г.И.Ионе утверждал, что военная знать резко отличалась от всех прочих общинников; в социальной структуре более или менее ясно определяются две крайние соци-

альные группы — племенная знать и рабы. По “Очеркам истории СССР”, в середине I в. до н.э. на территории Азербайджана сложилось ранне рабовладельческое Албанское государство, но, как справедливо отмечала К.В.Тревел, авторы этого своего положения не обосновывают. Согласно авторам “Истории Азербайджана”, албаны жили в условиях сохранившихся родоплеменных отношений. Социальная дифференциация у албанов была слабой, хотя в стране росло имущественное неравенство, свойственное классовому обществу, и развивалось рабовладение, но по сравнению с Атропатеной оно носило более ограниченный характер; подчеркивается, что основными производителями материальных благ продолжали оставаться общинники. Исходя из анализа особенностей грунтовых могил, О.Ш.Исмизаде показал, что на рубеже нашей эры у албанцев замечается глубокое имущественное и социальное расслоение, о чем можно судить по богатству инвентаря одних и бедности других погребений изучаемой культуры; раскола на антагонистические классы у албанов еще не было. Автор приходит к выводу, что в стране существовал только союз родственных племен во главе с единым царем. По О.Ш.Исмизаде, основа отношений Албании это — объединенный в союз родоплеменной строй, находившийся на грани разложения. З.И.Ямпольский касался вопроса социальных особенностей в другой статье. Согласно автору, обширная древнеазербайджанская храмовая область имела в составе своего населения храмовых, посвященных богу, производственно используемых рабов (иеродулов) и в связи с этим отмечается рабовладение как составная часть общественного строя древнего Азербайджана.

Социальный строй древней Албании К.В.Тревел находила классовым: использовался труд производителей на ирригационных работах, во время добычи и обработки металла, в земледелии и ремеслах. Упоминаются представители верхушки общества: жрецы, гегемоны и т. д., тогда как рабы не упоминаются совсем. Трудности изучения общественных отношений албанов объясняются еще и тем, что албанский язык неизвестен и поэтому мы не знаем социальных терминов, в то время как они в изобилии сохранились армянским и грузинским языками. Утверждается, что развитие общинно-рабовладельческих отношений, которые сложились к I в. до н.э., происходило в Албании замедленными темпами; по-видимому, оно вообще не дошло до четких форм рабовладельческого общества в I — III вв., как это было в Армении. Первоначально-общинные отношения, будучи в Албании более стойкими, пережиточно дольше должны были сохраняться в виде сельской общины. Патриархальное рабство (из числа военнопленных) не могло в силу слабо развитой экономики перейти к тем формам

рабовладельческих отношений, существовавших в соседних странах Закавказья. Племенные союзы находились на разном уровне своего общественно-экономического развития и поэтому имелся ряд укладов; так, с первобытно-общинным укладом мог сосуществовать и рабовладельческий (на землях царя и знати, а может быть, и в городах, куда тоже поступали военнопленные). В некоторых частях страны мог быть и феодальный уклад. Спустя год после выхода монографии К.В.Тревер В.В.Струве писал, что наряду с первобытно-общинным и рабовладельческим укладами в древней Албании наличие и феодального уклада является сомнительным. По В.А.Белявскому, под термином общинно-рабовладельческий можно понимать и развитой рабовладельческий строй и рабовладельческое общество с пережитками родового строя и, наконец, первобытно-общинный строй с зарождающимся рабовладением. Автор пишет, что с такой характеристикой албанского общества IV — II вв. до н.э. нельзя согласиться даже в порядке предположения. Напоминая о четырех этапах рабовладельческой формации (примитивный рабовладельческий, греческий, эллинистический и римский — наиболее развитый), В.А.Белявский отмечает, что греко-римский эталон вряд ли в данном случае подойдет, так как Албания была гораздо теснее связана с Ираном, чем с греко-римским миром. Далее утверждается, что при существующем состоянии источников решить вопрос о форме рабовладельческой формации нельзя, однако добавляет: Албания прошла рабовладельческую формацию своеобразно и более быстро, чем старые рабовладельческие страны Востока, ибо она развивалась в тесной связи с ними: албанское общество I в. до н.э. — III в. н.э. представляло собою вполне развитое классовое общество, которое к IV в. уже созрело для перехода к новому, феодальному способу производства.

Изучение общественно-экономического строя античной Албании так или иначе продолжалось и в дальнейшем. Исходя из гипотезы Т.И.Голубкиной, признаки классового расслоения и имущественной дифференциации можно наблюдать при изучении погребального инвентаря в кувшинных погребениях. По Ф.Л.Османову, применение рабского труда вне храмового хозяйства пока не ясно. Во всяком случае использование рабского труда в Албании не достигло классической формы. Согласно Дж.А.Халилову, уже в середине I тыс. до н.э. социальное неравенство достигло высокой степени развития, когда были налицо предпосылки для зарождения классового общества. Анализ и сопоставление материалов позволили И.Г.Алиеву и Ф.Л.Османову сказать, что обитатели интересующей нас области должны были жить в условиях классового общества — государства с достаточно разви-

тым ремесленным производством, торговлей и богатой культурой. По И.А.Бабаеву, сложившееся представление относительно позднего возникновения государства Албании следует пересмотреть; на основании главным образом археологического материала отмечается, что в IV — III вв. до н.э. в жизни всего населения Закавказья произошли существенные социально-экономические сдвиги, что привело к образованию института государства. С работами по социально-экономическим вопросам античной Албании выступил и автор настоящего труда. Так, под албанскими иеродулами нужно понимать не социальную категорию, связанную с институтом рабства, а только божьих рабов; что касается всего древнеалбанского общества, то оно представлено привилегированными слоями общества: базилевсом, гегемонами-префектами и иеревсом, а также широкими народными массами: общинниками-земледельцами, рядовыми скотоводами, керамистами, ювелирами, ткачами при второстепенном положении рабского труда.

В своей книге о происхождении феодальных отношений в странах Закавказья А.П.Новосельцев более или менее подробно касается вопросов социально-экономического развития античной Албании. Так, с одной стороны, автор выделяет древнеалбанских гегемонов, называя их предшественниками нахараров и племенными главами, командовавшими ополчениями, с другой, отмечает, что Албания занимала наибольшую территорию на северо-восток от Куры и только в I в. до н.э. существовало единое Албанское государство с весьма пестрым в этническом плане населением. Общественный строй Албании А.П.Новосельцеву представляется более отсталым, нежели Иберии. В доказательство приводятся известия о многочисленности войска Албании, а также то, что античные писатели не упоминают албанских городов, там нет чеканной монеты, мер веса и т.д. По автору, в античном Закавказье не обнаруживается сколько-нибудь сильного развития института рабства и поэтому нет никаких оснований утверждать, что в эту пору оно стало основой производства.

Итак, изучение показывает, что вначале предпринимались робкие попытки осмыслить имеющийся в распоряжении историков материал. В настоящее время высказываются как квалифицированные, так и случайные соображения относительно вопросов структуры древнеалбанского общества. Это в основном работы, в которых или конкретно исследуются источники или без аргументации декларируются высказанные в исторической литературе положения. И в том и в другом случае эти работы как нельзя лучше отражают мнимые и действительные успехи изучения социально-экономического строя античной Албании.

Согласно письменным источникам Албания имела своих базилиевсов: Оройса, известного со времен походов Помпея, и Зобера, спустя три десятка лет сражающегося с полководцем Канидием Крассом. Вместо базилиевса римляне употребляли термин рекс. Группа писателей упоминает в Албании одного базилиевса. К ним относятся Страбон, сообщающий, что в Албании “отличаются и базилиевсы; поэтому в настоящее время над всеми властвует один базилиевс” (XI, 4, б), а также Иосиф Флавий, Плутарх, Дион Кассий и Аппиан. Об одном рексе для Албании упоминает Плиний, анкирская надпись Августа, Фест, Евтропий и др. Некоторые классики отмечали в Албании нескольких базилиевсов, что противоречит утверждениям Страбона и других писателей о том, что в I в. до н.э. в Албании правил один базилиевс. Так, Плутарх упоминает римского полководца, когда “преследуемых албанских базилиевсов он остановил у Каспийского моря...”. Рексов у албанов отмечает Тацит (VI, 5).

Для обозначения представителей древнеалбанского общества античные авторы пользовались только терминами греческого и латинского происхождения. Нельзя сказать с уверенностью насколько каждый из них соответствовал своему албанскому прототипу. Во всяком случае базилиевс не только царь, властелин и повелитель, но также царский сын и царевич, а рекс — царь, царевич, а также деспот, владыка. В латинском этот термин означал как богача, так и знатного человека. Базилиевс и рекс передают одно и то же понятие, хотя полностью не накладываются друг на друга: базилиевс или рекс — это властелин, повелитель — термины, которыми могли обозначать и царя и нецарствующую особу. Это интересно в связи с сообщениями о синхронных базилиевсах и рексах античной Албании. Рекс — и царь и просто богатый, знатный, т.е. аналогичен и термину базилиевс и термину, который обозначал представителей правящей верхушки. Несмотря на данные о нескольких базилиевсах или рексах, большинство писателей античности отмечали в Албании одного базилиевса.

Кроме базилиевса в Албании упоминаются гегемоны и префекты. Аппиан сообщает, что перед триумфальной колесницей Помпея в числе военнопленных вели “гегемонов: иберийских троих и албанских двух” (117), а Оросий оставил сообщение: Помпей “трижды победил в бою рекса албанов и его префектов” (б, 8). Аппиан и Оросий имеют в виду двух албанских гегемонов, одного рекса и нескольких (возможно, много) албанских префектов; гегемон — главным образом вожатый, руководитель, предводитель, вождь, глава, а также военачальник, командующий; кроме того — и наместник. Префект — значит начальник (продовольственного снабжения, города), командующий флотом, наместник, командир

конного отряда (преимущественно союзников) и, наконец, полководец.

По Элиану, одежду из верблюжьей шерсти носят иеревсы и “те из каспиев, которые наиболее богаты и наиболее знатны” (17, 34). Сообщение напоминает о представителях верхушки общества и говорит, как справедливо отмечает К.В.Тревер, о богатейших и власть имущих; гегемоны — предводители, представители родовой знати. В.А.Белявский писал, что с такой характеристикой, на его взгляд, нельзя согласиться — ведь родовая олигархия всегда была не опорой, а самым упорным противником царской власти; кроме того, господство родовой аристократии и прекрасно вооруженное войско — вещи несовместимые; нет оснований считать албанских царей племенными вождями, а гегемонов — родовой аристократией. Речь, полагаю, идет о вождях или военачальниках, хотя не исключено, что имеется в виду вообще предводитель или наместник или богач и знатный человек. Наверяд ли можно быть гегемоном или префектом, но не быть богатым и знатным.

Страбон отмечает пешее войско и конников. Так, албаны “вооружают шесть мириадов пеших и двадцать два мириада всадников” (XI, 4, 5). Мириад может означать и десять тысяч и несметное множество. Здесь, по-видимому, мириад — это определенная часть, подразделение албанского войска. Обращает на себя внимание соотношение: шесть мириадов пеших и двадцать два мириада всадников. Именно конники составляли большинство войска. Далее Страбон сообщает, что у албанов “есть копьеметатели и лучники, имеющие панцири и (длинные и прямоугольные) щиты, на голову надевают (папахи, изготовленные из) звериной (шкур)...” (XI, 4, 5). Сообщение позволяет утверждать, что албанский воин был неплохо вооружен. Это возможно при условии, если он представлял определенные слои общества, выдвигавшие копьеметателей и лучников с их доспехами: панцирями и щитами. Стало быть, войско Албании не имело ничего общего с родовой организацией общества и, как пишет В.А.Белявский, представляло собою гражданскую милицию, а не племенное ополчение, т.е. состав вооруженных сил отражал социальные отношения, за албанскими пешими и конниками вырисовываются контуры общества: первые, имевшие относительно меньшее значение, представляли бедных людей, вторые же набирались из обеспеченной части населения и обычно играли главную роль в военных столкновениях. Сильное албанское воинство, состоящее преимущественно из конницы, могло существовать только при наличии определенных общественных отношений, напоминающих социальные дифференциации на соседних территориях, в том

числе и в Пар-фин.

Страбон указывает, что в албанском иероне, посвященном Селене, главный жрец — наиболее уважаемый после басилевса человек, руководящий делами прихрамовой территории, обширной и хорошо населенной, и иеродулы — прихрамовые рабы, многие из которых находятся в состоянии экстаза и предсказывают будущее (XI, 4, 7). Информация античного автора раскрывает социальную принадлежность главного священнослужителя храма Селены: самый уважаемый после басилевса муж являлся представителем храмовой аристократии. Что касается населения святилища и прихрамовой территории, то из приведенной цитаты видно: в албанском иероне, посвященном Селене, главный иеревс был хозяином положения не только в своем святилище, но и на прихрамовой территории: “обширной и хорошо населенной”, т.е., говоря словами Страбона, главный иеревс находился во главе “и ее (этой местности) и иеродулов, многие из которых находятся в состоянии религиозного экстаза и пророчествуют”. Из цитаты также видно, что в ведении главного иерева находились обитатели хорошо населенной иера хора. Страбон оставил и другую информацию об этом населении: древние албаны приносят богине человеческие жертвы, и когда она упадет, “совершаются гадания по падению и объявляются по всей общине” (XI, 4, 7). Очевидно, тут проводится грань между жителями священной области и иеродулами, с одной стороны, и членами прихрамовой общины — с другой. Аналогичное население имело и при храмах, расположенных за пределами античной Албании. Так, относительно святилища Энио или Ма (местное название) Команы Каппадокийской Страбон сообщает, что “большинство населения в ней составляет множество теофороетов и иеродулов” (XII, 2, 3). Теофороеты малоазийского святилища напоминают трудящееся население прихрамовой области древней Албании. Видимо, албанские теофороеты вместе с иеродулами имели отношение к храму и его территории, но в то же время отличались от последних, представляя собою членов земледельческой храмовой общины, т.е. крестьянское население прихрамовой территории. Таким образом, при святилище и на иера хора отмечаются две категории населения: члены храмовой общины и иеродулы. К первой категории относилось население, занимавшееся главным образом земледелием. Члены храмовой общины или крестьяне прихрамовой территории составляли основу производительных сил храмового общества.

Исследуя грунтовые погребения типа Ялойлутепе, О.Ш.Исмичаде пишет, что форма самих гробниц по социальным группам не

различалась, так как для всех слоев населения она представлена почти однотипными грунтовыми ямами. Однако имеются более или менее богатые и бедные погребения. В одном случае при умершем обнаружено 16, в другом — 26 керамических изделий; наоборот, в некоторых погребениях посуды вообще не обнаружено или же было не более одного экземпляра. Г.И.Ионе отмечает группу кувшинных погребений, где, кроме центрального главного, было еще два других погребения в кувшинах, примыкавших горловинами с двух сторон к днищу кувшина основного погребения. Главный погребальный кувшин лучше по отделке и больше размером; к нему же относится набор оружия и около 30 керамических изделий. Все это, как справедливо полагает Г.И.Ионе, свидетельствует об имущественном неравенстве погребенных. Другая группа кувшинных погребений также говорит об этом. Так, из пяти погребений одного и того же времени три погребения, примыкавшие к днищам двух основных, инвентаря не имели, а два главных погребения были заполнены богатым по своему составу инвентарем. Находимые в кувшинных погребениях ценные предметы: перстни-печати, золотые серьги со вставками из драгоценных камней, серебряные браслеты, кольца и фибулы позволяют Т.И.Голубкиной отмечать у древних албанов институт частной собственности. В этом отношении примечательны золотые и серебряные серьги, серебряные фибулы, золотые пуговицы, поясные серебряные пряжки, серебряные браслеты, золотые и серебряные перстни, серебряные чаши-фиалы и другие предметы — местные или импортные. В социальном плане особый интерес представляют геммы — инталии и значительное количество булл — комков глины с оттисками глиняных и металлических печатей; буллы гарантировали надежное хранение ценностей: официальных бумаг, тюков, сосудов с маслами и других вещей. Интересно, что в Кабале обнаружены буллы со следами бечевки. Количество и качество предметов, в том числе и керамики, оставленных в погребениях, свидетельствуют о неравенстве среди широкого круга трудового населения. Происходило расслоение, по тогдашним временам весьма заметное.

К другой категории населения иера хора относились иеродулы. Сохранилось немало сведений об иеродулах Малой Азии античного периода. В частности, Страбон отмечает, что в Фарнакии город владел “Америей, имевшей большое количество иеродулов и иера хора” (XII, 3, 31). Античный автор добавляет, что тут имеется “храм Селены, как у албанов и как во Фригии” (XII, 3, 31). Из этого отрывка видно, что еще Страбон пытался отождествлять

иероны античной Малой Азии и Албании. Иеродулы имелись и при других святилищах Малой Азии. Как уже отмечалось, Страбон рассказывает о жречестве Мена Аркея, имевшем множество иеродулов и священных земель (XII, 8, 14). Широкое распространение храмовых иеродулов хорошо известно. Страбон упоминает их в Зеле (XII, 3, 37), Комане Каппадокийской (XII, 2, 3), в храме Зевса в Моримене (XII, 2, 5) и Комане Понтийской (XII, 3, 34). В обеих Команах было более шести тысяч иеродулов и почти три тысячи иеродулов имел храм Зевса в Моримене (XII, 2, 3; 5). Иеродулы Малой Азии состояли из мужчин и женщин. Знатные люди в храме Анаит в Ахиллисене “также посвящают богини своих дочерей еще девушками” (XI, 14, 16). Согласно Страбону, среди иеродулов Понтийской Команы имелось большое количество гетер, посвященных Афродите. “Множество женщин там торгует своим телом; большинство их посвящено богине” (XII, 3, 36). Между иеродулами древней Албании и Малой Азии наблюдается и различие. По Страбону, часть албанских иеродулов становилась одержимой божеством и приносилась в жертву; другая часть иеродулов, превращаясь в группу прорицателей, вешала подобно оракулам в храмах Малой Азии. Это сообщение перекликается с известием о культуре дьявола в средневековой Албании. Приношение человеческих жертв отличает святилища Албании от аналогичных храмов. При албанском иероне Селены женщины не отмечаются. Может быть, это объясняется особенностью местных храмов, отражавших весь комплекс вопросов, связанных с положением женщины в албанском обществе. Или иеродулы-женщины из поля зрения античного автора выпали случайно? Вопросу об иеродулах посвящена значительная литература. Хептинг считает, что иеродулы были рабами божества в противоположность нехрамовым, т.е. частным рабам. Согласно А.И.Болтуновой, иеродулы, не будучи рабами, жили на землях храма и вносили оброк. З.И.Ямпольский утверждает, что иеродулы были составной частью объектов храмовой собственности, находясь в коллективной собственности олигархии жрецов, анализ термина подтверждает рабское положение иеродулов, которые были посвящены богам в качестве рабов, входили в состав богатств храма. Иеродулами также называют рабов, представлявших коллективную собственность храмовых объединений. Касаясь вопроса о социальной сущности иеродулов, К.В.Тревер пишет, что текст Страбона об албанской храмовой земле и об иеродулах мог бы подтверждать точку зрения тех, кто в этих храмовых или божьих рабах усмат-

ривает членов общины, а не рабов как социальную категорию.

Таким образом, вопрос о социальной категории иеродулов в исторической литературе затрагивался неоднократно, причем многие видели в них зависимых сервов, рабов или членов общины, хотя иеродулы явно не представляли собою однообразную массу. И действительно, какая огромная дистанция должна была существовать между иеродулами-оракулами, с одной стороны, и иеродулами, обреченными на жертву, — с другой, не говоря уже о тех, которые занимали промежуточное положение между первыми и вторыми, и были заняты непосредственным обслуживанием иерона. Одни иеродулы вели паразитический образ жизни, по общественному положению приближаясь к храмовой аристократии, другие были низведены до положения жертвенного животного. Албанские иеродулы не представляли собою единой массы и поэтому не могли иметь существенного влияния на производительные силы общества. Все это показывает, что исходить только из терминологического анализа в определении социальной принадлежности иеродулов весьма рискованно. Ведь термин иеродул главным образом отражает определенную зависимость, существующую между служителями святилища, с одной стороны, и божеством — с другой. Наверное, под албанскими иеродулами нужно понимать не социальную категорию, связанную с институтом рабства, а только божьих рабов, т.е. служителей святилища, в число которых входило и рядовое жречество.

Относительно землевладения храмовых общин можно сказать очень немного. Как сообщает Страбон, албанскому неревсу храма Селены подчинялась обширная и хорошо населенная священная земля, т.е. во владении албанских храмов находились особые прихрамовые территории, грекоязычными авторами именуемые *нера хора*. Из-за очевидной скудости и недостаточности материала вопрос о формах эксплуатации храмовых земель частично освещается, если рассматривать сообщение Страбона об албанской *нера хора* в связи с материалами со смежных или соседних территорий. Так, относительно хорошо изучены священные области Малой Азии, где земли являлись владениями храмового божества, на деле же собственниками священной области был храмовый коллектив. Относительно того, что священные земли находились в руках храмового коллектива, привлекает внимание сообщение Страбона о храме во Фригии. Страбон указывает, что “здесь было какое-то жречество Мена Аркея со множеством иеродулов и священных земель” (XII, 8, 14). Другая выдержка из Страбона под-

тверждает это известие. Так, в Зеле Понтийской священная земля (включая земли верховного жреца храма Анаит) находилась в ведении “у немногого числа лиц, окружавших жреца” (XII, 3, 37). Можно предполагать, что земли прихрамовых областей Албании считались принадлежащими Селене, Гелиосу или Зевсу, а на деле были в ведении главного жреца — иеревса и, может быть, остальных влиятельных членов храмовой иерархии. Другими словами, в руках главного жреца и, может быть, близких к нему по иерархической лестнице служителей храма была сосредоточена экономическая и административная власть в святилище и на хорошо населенной прихрамовой территории. Во фригийском храме Зевса Эзанского священная земля делилась на отдельные участки — клеры. Владельцы клеров или члены храмовой общины облагались определенным налогом; подати собирали храмовые казначеи. Иначе говоря, члены общины платили в храмовую казну поземельный налог, который формально принадлежал божеству, а фактически всей общине, и составлял основу доходов храмовой иера хора. Согласно одной из надписей поземельный налог во II — I вв. до н.э. вносился и деньгами и натурой. Только по аналогии с храмами Малой Азии можно высказать предположение, что крестьяне прихрамовой территории или члены религиозной общины античной Албании платили поземельный налог. Храмовые области древней Албании по характеру не могли существенно отличаться от иера хора Малой Азии, так как являлись образованиями одного и того же исторического этапа.

Погребения базилиевсов или гегемонов древней Кавказской Албании пока не обнаружены. Что касается рядовых погребений, то в грунтовых погребениях типа Ялойлутепе парных погребений не обнаружено. С двумя костяками зафиксировано немало кувшинных погребений; главным образом это погребение мужчины и женщины. Одновременность захоронения, возможно, является отголоском общественного устройства, когда при похоронах умерщвлялся человек. Кроме жены, может быть, по традиции обрекавшей себя на смерть, в роли обреченных могли быть посторонние — раб или рабыня. В любом случае — это несвободные люди, находившиеся в подчиненном положении к умершему. Относительно носителей культуры кувшинных погребений имеются и другие данные. На мингечаурском некрополе обнаружено кувшинное погребение, которое сопровождалось двумя костяками вьючных животных (по предва-

рительному определению — верблюда и лошади) и скелетом человека, обнаруженным около центрального захоронения на грунте в необычном для погребений положении: он находился почти под кувшином, лежал на грудной клетке, вниз лицом, руки подогнуты; если приведенное соответствует действительности, то перед нами не ускользнувшие от внимания археологов следы социального строя. Можно согласиться с Г.И.Ионе, который пишет, что в Мингечауре в последних веках до нашей эры и в первых веках нашей эры погребения племенной знати иногда, видимо, сопровождалась насильственным умерщвлением зависимых от них людей или пленных рабов. Согласно А.Н.Калаңдадзе, рабовладельческую стадию отражают как кирпично-черепичные погребения и каменные ящики, так и погребения в кувшинах из Самтавро. Встречаются парные сырцовые гробницы, выстроенные в одной могильной яме (в одной — две гробницы). Сырцовые погребения дают ту же картину социальных отношений, нашедших отражение в парных кувшинных погребениях. Кроме парных гробниц встречаются сырцовые гробницы с парными захоронениями (в одной гробнице два костяка). Так, в сырцовых гробницах обнаружены вторые костяки, расположенные у ног основных, главных. Я.И.Гуммель считает, что могилы с костяками, помещенными в сидячем положении, принадлежат представителям более бедного социального строя. В одной и той же сырцовой гробнице скорченный костяк у ног вытянутого на спине погребенного может относиться к человеку, насильственным образом умерщвленному в сидячем положении. Не являются собой эти костяки картину зависимости, нашедшей отражение в трудах античных авторов? Если вспомнить об умерщвлении иеродулов на иера хора, то, кажется, все встает на свое место: при погребении более или менее обеспеченных людей нередко приносили в жертву раба или рабыню.

В определении социального строя невозможно обойти молчанием вопрос об общественных отношениях населения, осевшего в стране или постоянно вторгавшегося в Албанию. Гегемоны и префекты могут относиться не только к представителям самих албанов, но и к так называемым местным и пришлымномадам. Ведь информаторы античных авторов видели в гегемонах и префектах руководителей вражеского войска, с которыми римляне имели дело главным образом на поле брани. Не менее интересны употребляемые римлянами термины для обозначения вождей кочевников, проникавших в Закавказье. Тацит называет их дуксами и скептухами (VI, 33, 35). Основное значение термина дукс — это вожатый, военачальник, предводитель и атаман (от дуко — во-

дить, вести за собой, командовать войском и др.), а скептухи от древнегреческого скептукос — держащий скипетр, властвующий басилевс, а на Востоке — скипетродержец или высший царедворец. Наблюдается явное деление: скептухи, с одной стороны, и основная масса номадов — с другой. Г. М. Асланов отмечает погребения в деревянных срубах, когда и мужские и женские погребения сопровождаются несколькими другими костяками, расположенными вне сруба (вокруг него) в сидячем положении. Костяки вне сруба или вне погребальной камеры свидетельствуют об одном и том же, уже известном явлении: надо полагать, убивали и людей, посаженных на корточки вокруг сруба-гробницы. Перед нами опять зависимость, напоминающая рабскую.

Полукочевое или яйлажное скотоводство предполагает частную семейную собственность на скот. Выращивание молодняка и воспитание взрослых особей домашних животных требуют особого ухода и возможны только при высокоорганизованном труде коллектива, каковой и являлась патриархальная семья, сопровождавшая своего главу и во время военных походов. Частная собственность на домашних животных была развита у скифов и древнего населения Алтая. Материал по землепользованию у казахов и киргизов показывает, что для прожиточного минимума средняя семья, состоявшая из 5 душ, имела поголовье скота общей сложностью в 25 лошадей; одна лошадь соответствовала шести головам рогатого скота, шести овцам или козам. Если предположить, что в Албанию проникали не только обедневшие кочевые группы населения, то количество домашних животных, имевшихся на территории Албании, увеличится и на каждую патриархальную семью, следующую за главой скотоводческого хозяйства, нужно будет считать уже не 25 голов лошадей, а значительно больше. Патриархальная семья со своими животными, движимым имуществом и людьми занимала большие участки. Согласно этнографическому материалу у кочевников от Урала до Монголии огромные территории находились в общем пользовании, собственностью были только кишлаги — места постоянной оседлости. Археологические и этнографические параллели позволяют предположить, что скотоводческое население, обитавшее в Албании и проникавшее сюда под предводительством дуксов и скептухов, напоминало ранних и поздних кочевников в отношении семейной собственности на скот и общего землепользования. Яйлажное скотоводство предполагает прочную оседлость. Сакалены, массагеты и безымянные номады у Аракса являлись скотоводами, кишлаги которых находились в Албании. По-видимому, переходили на местное яйлажное скотоводство и пришлые скотоводческие племена. В социальной структуре скотоводов, так или иначе связан-

ных с территорией античной Албании, прощупываются две основные группы: вожди или предводители и рядовое население. Промежуточное положение, вероятно, занимала более обеспеченная прослойка скотоводов. Рабы не играли какой-либо значительной роли и, может быть, использовались на подсобных работах.

В связи с взаимовлиянием местного и пришлого населения представляется возможным говорить об отношении скотоводов к иеронам, иера хора и ее населению. Страбон сообщает, что “номады ведут войну против иноземцев. (Номады помогают как албанам), так и иберам по той же причине. Кроме того, (номады) часто накладывают руку на рабов, не дают заниматься земледелием” (XI, 4, 5). Это сообщение раскрывает характер взаимоотношения между скотоводами, фигурирующими в источниках как номады, и албанами: в Албании номады то помогали местному населению, обеспечивая мирную жизнь, то нападали на них, мешая обрабатывать землю. Под обитателями Албании Страбон, по-видимому, разумел и население древнеалбанских храмовых иера хора, а под номадами — те этнические группы, которые, считаю, нанимались для защиты страны, в том числе иеронов и иера хора, либо от посягательств новых лавин скотоводов, проникших далеко на запад и юг от Каспия, либо от римских легионеров, желавших закрепиться на Кавказе. Пользуясь преимуществом, скотоводы стремились получить наибольшую выгоду и тогда, когда они в качестве наемников защищали чужие интересы. Естественно предположить, что скотоводы, оберегая Албанию от вражеских нападений, в новых условиях стремились, по-видимому, поставить имущество иеронов и иера хора в условия обычной собственности. В Малой Азии это приводило к сокращению размеров земель и имущества иеронов и превращению иеревсов и жречества в подчиненных чиновников. В Комане Каппадокийской I в. до н.э. жрецы-правители рассматривались как областеначальники и стратеги, зависимые от базилиевсов Малой Азии. В этом свете особый смысл приобретает сообщение Страбона о жреце Команы как о втором лице после базилиевса. Аналогию в этом отношении представляет ранее упомянутое указание Страбона о главном жреце храма Селены.

Таким образом, структура албанского общества сводилась к социальным отношениям, при которых на одном полюсе находились базилиевс, гегемоны или префекты и иеревсы, причем базилиевс владел властью в стране, а гегемоны и префекты, представлявшие земледельческую и военную знать, и иеревсы, стоявшие во главе иеронов и иера хора, подчинялись базилиевсу. На другом полюсе были общинники и основная масса скотоводческого населения и ремесленники. К трудовому населению примыкали и ие-

родулы — в основном служители иерононов, а также иеродулы, связанные с храмовым хозяйством, и, наконец, рабы. Крестьяне-общинники, рядовое скотоводческое население и ремесленники составляли ядро производительных сил древнеалбанского общества при второстепенном положении рабского труда, не игравшего доминирующей роли и не определявшего лицо производственных отношений. Общественно-экономический строй явно носил черты сложившегося классового общества, определенно свидетельствуя о производственных отношениях, далеких и от первобытных и от рабовладельческих. Политические и торговые связи, особенности культуры Албании и соседних стран переплетались и поэтому общественная структура древних албанов не может не напоминать особенности социально-экономического строя ближневосточных обществ, существенно отличавшихся от античных.

РЕЛИГИЯ

В исторической литературе очень немного высказываний о религии античной Албании. Так, еще М.Ковалевский отмечал, что Албания была под влиянием персидских правителей, долгое время придерживалась огнепоклонства магов. Н.Я.Март также останавливался на вопросах албанского язычества. И.П.Петрушевский, поднимая вопрос о дохристианских культах, предостерегал исследователей от ошибочного методологического приема — видеть в этих верованиях результаты непосредственного влияния исторических религий — зороастризма и митраизма. И.М.Дьяконов касается основных вопросов религии древнего Азербайджана. Большое место уделено древнейшим индоевропейским культам и так называемой догматической религии зороастрийцев, хорошо известной по более поздним материалам. В связи с этим отмечается, что Авеста не могла возникнуть в Арране (Албании). Впервые в истории изучения религии непосредственно останавливается на особенностях пантеона древних албанов К.В.Тревер. Большой материал по религии парфянского Ирана, собранный М.М.Дьяконовым, плодотворно сказывается на изучении духовной культуры Атропатены и Албании. Вопросы религии античной Албании касался З.И.Ямпольский. Более подробно древнеалбанская религия рассмотрена автором настоящей работы, имеются и иные, новые точки зрения.

Я уже писал, что, по Страбону, албаны поклоняются трем божествам, отдавая предпочтение Селене: “Храм ее находится недалеко от Иберии. Обязанности жреца исполняет наиболее уважаемый после базилевса муж, стоящий во главе иера хора, обшир-

ной и хорошо населенной, (во главе) ее (иера хора) и иеродулов, многие из которых находятся в состоянии религиозного экстаза и пророчествуют” (XI, 4, 7). Другая храмовая область находилась на берегу реки Куры. Так, согласно Диону Кассию, Помпей во время похода против албанов “стал на зимние квартиры у реки Кюрн в области Анаит” (36, 53). И Страбон и Дион Кассий говорят о храмовых областях Западной Албании. Любопытно, что в Восточной Албании на островах Каспийского моря также имелись священные области. Об этом сообщает Мела: “Тальга в Каспийском море плодородна без (особого) ухода (за землей; на Тальге) много всяких земных и древесных фруктов, однако соседние народы считают непозволительным и святотатственным трогать то, что родится (на Тальге): согласно их поверью все это приготовлено богам и должно храниться для богов” (III, 6, 58). Античный автор ничего не говорит о самом святилище, не упоминает ни иеревсов, ни иеродулов. Обращает внимание также то, что на Тальге много фруктов, однако трогать их считается “непозволительным и святотатственным”, ибо все здесь предназначено для божеств. У Мела речь идет о священных территориях со священными деревьями, а это свидетельствует о том, что на востоке Албании дело обстоит несколько иначе, чем, например, на иера хора святилища Селены. Не исключено, что на каспийской Тальге мы имеем дело со святилищем более примитивного характера или со своеобразным древним пиром. Скучность известий не позволяет выявить главное святилище страны, хотя можно предположить, что именно храм Селены с обширной территорией и многочисленным населением играл важную роль в общественной и религиозной жизни. Это тем более верно, если учесть, что в этом храме, как и в некоторых святилищах Малой Азии, иеревс был вторым лицом после бацилевса. Величина иера хора Малой Азии была различной. Священные земли могли соответствовать средней сельской общине или охватывать большие территории, куда входили и захваченные земли. Но и самые большие храмовые области были сравнительно невелики. Трудно определить размеры иера хора древней Кавказской Албании. Восходящие к Феофану известия о размере храмовых земель основаны на сравнении албанского и малоазийского материала и могут соответствовать реальной действительности: иера хора святилища Селены была обширной. Страбон пишет, что “как богов почитают они Гелиоса, Зевса и Селену” (XI, 4, 7). Сообщение древнего географа позволяет предполагать, что албанский пантеон включал три наиглавнейших божества. Одно из них — Гелиос, бог Солнца, второе Страбон называет именем известного в античном мире верховного бога Зевса. Третье божество, как уже было отмечено, именуется Селеной. Далее снова привожу

слова античного географа: “того из них, кто, став наиболее одержимым, блуждает (в одиночестве) по лесам, жрец схватывает и связывает священной цепью, на протяжении целого года кормит всячески. Потом, подведенный к жертвеннику богини и намазанный благовонным маслом, (иеродул) приносится в жертву вместе с другими жертвенными животными. Способ жертвоприношения такой: весьма сведущий в этом деле, выйдя из толпы и имея священное копьё, которым по обычаю приносят в жертву человека, наносит удар через бок в сердце. Когда жертва упадет, совершаются гадания по падению и объявляются по всей общине. Когда труп унесен в определенное место, все (члены) переступают через него ради очищения” (XI, 4, 7). Обращает внимание высказывание насчет “эпибайно”, переведенного одним из учеников В.В.Латышева как “наступать”. По этому поводу К.В.Тревер отмечает, что это слово означает “перешагнуть”, “переступить”, что более вероятно, чем “наступать” на труп ради очищения. Согласно поверью, существующему и поныне, нельзя перешагнуть через человека, независимо от того, лежит он или спит, ибо этим самым передаются ему недомогания, болезни. Отрывок из географии будет выглядеть более понятным, если мы вслед за К.В.Тревер “эпибайно” будем понимать как “перешагнуть” или “переступить”. Видимо, обитатели иера хора перепрыгивали через труп иеродула, чтобы очиститься, т.е. освободить себя от недомоганий и болезней. Рассказ Страбона об особенностях культа албанов воссоздает, по-видимому, картину поклонения только богине Селене. Подробности культа были едва ли доступны непосвященным.

Вызывает удивление скрупулезность, с которой описываются подробности готовящегося более года подобия театрализованного представления, где главную роль исполнял приносимый в жертву иеродул — божий раб. Материальными аксессуарами культа являлись главным образом священные цепь-алюсис и копьё-лонхе. Все начиналось с того, что на блуждающего по иера хора боговдохновенного иеродула надевалась священная цепь. Кульминацией действия было редкое даже для того времени приношение в жертву человека, рассчитанное на зрителей: служителей иерона и крестьян иера хора. Судя по описанию, специально выделенным для человеческих жертвоприношений священным копьём наносился удар в сердце. Зрелище кончалось тем, что по падению смертельно раненного иеродула совершались гадания, объявляемые присутствующим.

Как уже указывалось, был широко развит культ богини Селены. Интересно, что часть керамических изделий и других предметов, сопровождающих покойника, покрыта орнаментом, изображавшим луну в виде полумесяца. Символы богини Луны этим не

ограничены. Существуют и другие условные обозначения ее изображения. Скажем, почитание богини связано со священным деревом, часто изображаемым на произведениях материальной культуры. Следы поклонения священным деревьям (деревья дагдаган, саккызагач, демирагач, чинара, карагач и др.) сохранились и в наши дни. К одному из символов луны на изучаемой территории, полагаю, относится изображение змеи, в орнаменте считающееся специфически кавказским. Во многих погребениях обнаружены браслеты с концами в виде головки змеи. Они имеются на некоторых сосудах, обнаруженных в погребениях. С жизнедарующей силой луны, по всей вероятности, связаны и разноцветные камни, вделяваемые в серьги, кольца и другие предметы украшений. Большое количество керамических изделий с особым орнаментом, часто выражающим количественное соотношение “три”, “семь”, “одиннадцать”, позволяет предполагать, что древнее население Албании было под сильным влиянием лунного календаря. Число “три”, видимо, было связано с первыми днями новолуния, носившими у греков название Селены. На шестой день луна становится Артемидой, на пятнадцатый — Гекатой. Согласно другой версии, когда она над землей — это Селена, когда внутри земли — Артемида, когда с противоположной стороны — Геката. Таким образом, число “три” символизирует собой фазы изменений спутника Земли и зависящие от них силы. Если ночное светило играло чрезвычайную роль в религиозных представлениях албанов и находило отражение в своих символах, то состояние экзальтации или одержимости у храмовых иеродулов считалось происходящим от божества, т.е. также было связано с почитанием богини Селены. Различные формы ее культа продолжали существовать и позже. Элементы древних верований до недавнего времени находили в Азербайджане и Восточной Грузии. В этой связи представляют интерес терракотовые статуэтки, найденные в Моллаисаклы, Мингечауре, Хыныслы. Статуэтки небольшие (до 20 см), на некоторых фигурках прослеживаются рельефные изображения ожерелий и браслетов, а также схематические контуры одежды, часто голова и конечности отбиты. Это, может быть, связано с погребальным обрядом. Терракотовые статуэтки датируются последними веками до н.э. — первыми веками н.э. Сравнивая древнеалбанские статуэтки с наскальными рисунками Гобустана, С.Б.Ашурбейли предполагает: статуэтки и рисунки женщин восходят к образу богини плодородия. У Иосифа Флавия сохранился рассказ о том, что после смерти мужа женщина-парфянка была насильно уведена в дом иудея Анилея, но туда она принесла “изображения богов, которых почитала она и ее муж. У жителей тех мест в обычае держать в домах божков и

брать их во время путешествий; так и она привезла их с собой по обычаю своей страны” (18, 9, 5). Назначение древнеалбанских терракотовых статуэток, обнаруженных во время археологических раскопок, как нельзя лучше выражено Иосифом Флавием: статуэтки являлись изображениями божеств, почитаемых на территории Парфии. Обычай иметь у себя дома портативные терракотовые фигурки назван парфянским, но наличие их на изучаемой территории позволяет называть его и албанским. Статуэтки могли представлять богиню Селену и различные божества.

Представляют интерес крупные каменные идолы. Наиболее характерные из них обнаружены в Хыныслы, Дагколаны и Чирахлы. Идолы высечены из местного пористого камня. У них часто отсутствуют конечности или голова. Значительная часть идолов достигает роста человека. Хронологически они относятся к последним векам до н.э. — первым векам н.э., а по технике исполнения стоят на сравнительно низком уровне и не идут в сравнение с творениями древнегреческих и римских ваятелей, напоминая каменные статуи номадов, обитавших к западу и востоку от Каспия.

Божества Гелиос, Зевс и Селена упоминаются и у других народов древности. В частности, относительно парфянского времени Страбон сообщает, что “персы не воздвигают статуй или жертвенников, но приносят жертвы на возвышенном месте, почитая небо как Зевса. Они чтут Гелиоса, называя его Митрой, Селену и Афродиту; затем огонь, землю, ветры и воду; совершают жертвоприношения в очищенном по обряду месте после молитв, приведя жертвенное животное, обвитое венком. Когда маг, совершающий обряд, разделит жертвенное мясо на части, верующие разбирают куски и уходят, не оставляя никакой части богам; божеству, по их словам, нужна только душа жертвы и больше ничего. Впрочем, по словам некоторых, они кладут в огонь небольшую часть сальника” (XV, 3, 13). Приведенный фрагмент показывает, что к одним и тем же божествам персов и албанов относились Зевс, Гелиос и Селена. Обращает внимание отмеченная Страбоном параллель между Гелиосом и Митрой. Персы не пользовались жертвенниками, хотя это было принято в храмах греков и римлян. Жертвоприношение совершалось поблизости храма на особом “очищенном” участке. Тот же самый обычай жертвоприношения с тем же распределением мяса до недавнего времени был распространен у населения Азербайджана.

К. В. Тревер проводит параллель между албанскими Гелиосом, Зевсом и Селеной и армянскими Михром, Армаздом и Анахитой. Касаясь религиозных особенностей соседних с албанами армян, она подчеркивает, что каждое из трех армянских божеств в от-

дельности имело своего прототипа в пантеоне Ирана. Однако пантеоны отдельно Ирана и отдельно Албании не сопоставляются, хотя аналогии напрашиваются сами собой.

Надо отметить, что храм богини Анахиты, разграбленный селевкидом Антиохом III Великим (223 — 187 гг. до н.э.), находился в Экбатанах, а одним из крупных центров культа Анахиты считался Шиз в Атропатене. Страбон пишет, что “в особом почете культ Анаитиды у армян, которые в честь этой богини поставили святилища в разных местах, в том числе и в Акилисене. Они посвящают здесь на служение богине рабов и рабынь” (XI, 14, 16). Замечу, что строительство храмов в честь богини Анахиты широко практиковалось населением Ирана и соседних стран.

По Р.М.Гиршману, в Парфии религия была зерванистской, представлявшей одну из доктрин маздеизма; Ахурамазде поклонялись по-прежнему под открытым небом. Трое из богов (в том числе Анахита и Митра) имели и свои храмы и свои изображения. Это было новшеством, унаследованным у греков, до этого переселившихся в Иран и строивших свои храмы и возводивших в них своих богов. Согласно этому автору, парфянский четырехколонный храм, окруженный коридорами или узкими и длинными комнатами, имел широкое распространение в Иране и других странах от Пальмиры на западе до Пенджикента на востоке. Иранское влияние прослеживается и на территории античной Грузии. Согласно Ю.М.Гагошидзе, культовый комплекс II — I вв. до н.э. — храм огня (и другие малые храмы) с квадратной целлой и открытым портиком-айваном говорят о проникновении маздеизма в среду правящей верхушки и широких слоев населения. Обнаруженные в Кабале остатки большого здания С.М.Казиев связывал с наличием здесь древнего храма. Последующие работы выявили целый ряд подробностей, позволяющих представить архитектуру и строительные детали раскапываемых помещений и следы еще нераскопанных. Говоря о связях Парфии с Арменией и Албанией, А.М.Акопян выявляет параллели в архитектуре: строительной технике, деталях и т.д. По автору, одно из крупных зданий Албании I в. до н.э. представлено в Кабале; в архитектуре Парфии основным строительным материалом также служил сырцовый кирпич; много общего в планировке между каблинским зданием, с одной стороны, и культовым комплексом Новой Нисы и храмом Бела в Хатре — с другой. В архитектуре и строительном деле Армении и Албании соседствовали формы, привнесенные из иранской, в частности парфянской архитектуры и местной народной традиции. Об одном из храмов, посвященном Анахите, рассказывает Страбон. Так персы “придали скале форму холма, затем построили стену и воздвигли святилище Анаите и богам, имею-

щим с ней общий алтарь, — персидским божествам Оману и Анадату, установив ежегодное священное празднество сакеи...” (XI, 8, 4). Интересно, что божества Оман и Анадат относились к кругу богини, имея с ней один и тот же алтарь, а из другого фрагмента мы узнаем особенности поклонения Анахите. Страбон пишет, что “всюду, где есть святилище этой богини, там по обычаю справляется праздник сакеев — нечто вроде вакхического праздника, на котором одетые в скифскую одежду мужчины пьют и непристойно заигрывают друг с другом и с пирующими вместе с ними женщинами” (XI, 8, 5).

По М.М.Дьяконову, в парфянском Иране, кроме других божеств, почиталась девственница-мать, богиня плодородия, связанная с водой, что особенно понятно на Востоке, где плодородие почвы всецело зависит от воды. Эта богиня у иранцев называлась Анахитой (Анаит). Согласно К.В.Тревер, Анахита почиталась у всех народов Передней и Средней Азии божеством земли, воды, растительности, животного мира и женского плодородия.

Античный автор называет одни и те же божества, представленные в разных странах, божества персов, мидийцев — атропатенов и албанов именами своих богов не только согласно первичным понятиям и представлениям античного мира, но и потому, что “персидские обычаи одинаковы у этих народностей, у мидян и многих других племен...” (XV, 3, 13). То, что все обряды, связанные с религией персов, имели распространение среди соседних народов — мидийцев и армян, повторяется в другом отрывке: “мидийцы и армяне почитают все священные обряды персов” (XI, 14, 16). В качестве объектов поклонения упоминаются огонь, ветры, воды и т.д. Продолжая рассказ об особенностях поклонения огню у персов, Страбон отмечает, что “жертвы они приносят преимущественно огню и воде” (XV, 3, 14). В связи с этим нужно сказать, что древнеалбанские погребения в той или иной степени подвергались действию огня: в могилах обнаруживаются кусочки угля, золы и обуглившиеся кости животных, что, естественно, связано с отмечаемым у Страбона приношением жертв огню. Античный автор отмечает также, что “у персов есть также пирефии — огражденные священные участки. Посредине участков находится жертвенник с большим количеством пепла, на жертвеннике маги поддерживают неугасимый огонь... Те же самые обряды совершаются и в святилищах Анаит и Омана. И в этих святилищах есть огороженные священные участки... Какому бы божеству они ни приносили жертвы, они прежде всего обращаются с молитвой к огню” (XV, 3, 15, 16). Приведенный фрагмент раскрывает особенности храмов: огороженные священные участки с

вечным огнем имелись во многих храмах, в том числе и в святилище Анахиты или Анаит.

Нельзя пройти мимо сообщения Страбона о том, что персы не воздвигали статуй божеств, т.е. в храмах персов, а следовательно мидийцев и других соседних народов статуи богов не ставились: в святилищах присутствовал только символ божества, в виде неугасимого, вечного огня. Древний географ особо останавливается на этом факте, примечательном с точки зрения представителя античной культуры, ибо в греческих и римских храмах статуи воспринимались как нечто само собой разумеющееся.

Если неожиданные аналогии и тождества между древнеалбанским местным и неместным персидским соответствует действительности, то к античной Албании имеют отношение все особенности религии парфянского времени. И действительно, поклонники Ахурамазды — бога Неба, Митры — бога Солнца и Селены — богини Луны также почитали огонь и другие силы природы. Огонь занимал в культе центральное место и являлся обязательным атрибутом поклонения местным божествам, ибо обращение к любому из них начиналось с обращения к огню, т.е. огонь в святилище являлся символом отдельно или Гелиоса, или Зевса, или Селены.

С религией связан обряд погребения. Страбон пишет, что “албаны чрезвычайно почитают старость не только родителей, но и прочих (людей). Не полагается ни думать об умерших, ни вспоминать их. Однако (они) зарывают вместе с ними богатство. И поэтому (албаны) живут бедно, не имея ничего отцовского” (XI, 4, 8). Это по-своему красочное описание Страбона восполняют археологические раскопки, выявившие на сравнительно небольшой территории разнообразные погребения: грунтовые, кувшинные, катакомбные, срубные, а также погребения в глиняных ваннах и сырцовых гробницах. Как уже отмечалось, покойника хоронили в одежде, с украшениями, раскопки выявили раковины каури, разнообразные бусы с изображением кружков, схематического глаза и другие предметы из разряда нательных украшений, имеющих аналогии и в Грузии, Армении и Дагестане античного времени и в современной Киргизии. Это — амулеты, отвращавшие от детей и взрослых болезни и бедствия, а также защищавшие от враждебных чар. Традиция ношения амулетов и бус от сглаза продолжает бытовать в Азербайджане до сих пор. В некоторых погребениях обнаружены ножницы для стрижки овец. Еще и теперь принято класть под подушку роженицы, недомогающему взрослому и ребенку нож или ножницы для предотвращения дурных сновидений. Обращают внимание находимые повсеместно керамические изделия на трех ножках. По назначению они близ-

ки к приуральским и северокавказским каменным алтарям-жертвенникам на трех или четырех чожках, связанных с обрядами огнепоклонства и солярными верованиями.

При погребении взрослых соблюдался традиционный погребальный обряд; при погребении детей традиция нарушалась. На том свете могли понадобиться монеты, покойник нуждался в одежде. Глиняные сосуды, наполненные мясом животных или птицы, плодами или молоком, ставились в могилу, по-видимому, для того, чтобы расположить дух покойника в пользу сородичей в борьбе с неудобными явлениями. Согласно их представлениям после смерти дух покидал тело, верили, что выйти ему из плотно закрытого кувшина было невозможно. Для этого случая на верхней стороне уложенного на бок погребального кувшина пробивалось небольшое отверстие, обычно прикрываемое осколком керамики. Вера в духа существовала довольно долго. Так, намного позднее в приграничной с Азербайджаном Грузии по верованиям хевсур джвари имел множество специальных духов-помощников, которые по идее вели наблюдение за ходом работ на священных землях и о замеченных недостатках сообщали божеству.

В оценке особенностей религии представляет определенный интерес вопрос об ориентирах в погребальном обряде. Известно, что носители культуры грунтовых погребений хоронили женщин на правом боку головой на запад, ногами на восток, мужчин — на левом боку головой на юго-восток, ногами на северо-запад, причем во всех случаях лица погребенных были обращены в сторону наибольшего освещения солнцем. О сложной церемонии обряда свидетельствует большое количество глиняных сосудов главным образом у головы погребенного. Нередко в заполненной наполовину яме разводился костер, куда, надо полагать, сбрасывали куски мяса, кости, голову жертвенного животного. Изучение показывает, что носители культуры грунтовых погребений не приносили человеческих жертв, поклонялись солнечному божеству, почитали огонь. Представители другой большой культуры хоронили покойников в больших глиняных кувшинах на правом или левом боку. Скорченность костяка иногда объясняют желанием придать умершему утробное положение. Это объяснение могло быть приемлемым, если бы не находили кувшинных погребений с вытянутым костяком. Традиция запрещала пользоваться личными вещами умершего. Они оставались на покойнике. Нередко вокруг погребального большого кувшина расставлялись небольшие керамические изделия с пищей и питьем. Существовали ли ориентиры, согласно которым выбирались направления погребальных кувшинов? Надо сказать, что ориентиры носили местный характер и в Самтавро (в одном случае — с севера на юг, в дру-

гом — с востока на запад) и в Багман-бергушате (с северо-запада на юго-восток или с северо-востока на юго-запад), а также в Агджабеди, Агдаме, Пираза и Калагах. Мингечаурские кувшинные погребения ориентированы горловинами на северо-запад, а Торпаккалы — на юго-восток. Заманчиво видеть в стабильной ориентации погребальных кувшинов Мингечаура и Торпаккалы такую зависимость, согласно которой можно говорить об объектах поклонения или центре культа античной Албании. Остатки угля и золы позволяют предположить, что костер разводился у горловины погребального кувшина. Как отмечалось выше, носители культуры кувшинных погребений прибегали к человеческим жертвоприношениям, новым для древнеалбанского населения. Информацию о религии локального характера дает отличающаяся от предыдущих культура носителей сырцовых гробниц. Чтобы отделить труп от земли, нередко дно гробницы покрывалось белой известью, а также настилом из сырцовых плит или из дерева. На погребенном оставлялось сравнительно немного носильных вещей. Количество сосудов сведено до минимума: в большинстве случаев — это кувшин и чаша. Керамика находилась почти всегда у ног погребенного. Культ населения, хоронившего в сырцовых гробницах, позволял приносить в жертву человека. Твердое направление сырцовых гробниц с запада на восток (голова) говорит об ориентире: им являлось восходящее солнце.

Обратимся к вопросу об орнаменте на древнеалбанской керамике. Значительная часть рисунков на сосудах отражает идеологию и едва ли является плодом фантазии художника-керамиста. Для изделий из грунтовых погребений характерна керамика с врезанным и отчасти выпуклым орнаментом, состоящем из врезанных параллельных, горизонтальных и вертикальных линий с рядом насечек, выпуклыми пуговками или лунообразными изображениями. Параллельные линии, а также насечки с наклоном вправо или влево почти всегда обрамляют верхнюю часть сосуда, образуя кольцо из линий, количество которых повторяется в пределах от трех до одиннадцати и главным образом параллельных канавок, соприкасающихся с врезанными линиями; расположенными вертикально. Кроме прямых или волнистых линий на тулово сосуда из грунтовых погребений наносился орнамент из врезанных кругов и точек, вокруг или в середине этого круга. В основном, количество точек или семь или девять. Причем, кружочки с вдавленным точечным орнаментом располагались компактно по три, достигая одиннадцати композиционных элементов; часто орнамент довольно точно отражал мировоззрение населения. К примеру, на сосудах встречается рельефное лунообразное изображение, подтверждающее существование поклонения богине Селене. Вре-

занные линии на ручках и венчике посуды являются красноречивым свидетельством того, что наряду с числами “три” и “семь” особую религиозную семантику имело и число “одиннадцать”. На сосудах, обнаруженных в грунтовых погребениях, рисунки красной краской отсутствуют. Своеобразный врезанный и рельефный орнамент распространялся в основном на левобережье Куры и не терял своих особенностей до проникновения сюда культуры носителей кувшинных погребений, т.е. новых культов, больше связанных уже с югом.

Культура носителей кувшинных погребений имеет как врезанный и выкупленный орнамент, так и рисунки красной краской. Каждый рисунок занимает верхнюю половину сосуда и распадается на элементы из нескольких параллельных линий, закрашенных и незакрашенных треугольников и зигзагообразных, волнистых линий. Так, на сосуде с широким венчиком и двумя ручками (на одной из них — девять черточек, на другой — семь) имеется трехрядный орнамент красной краской: сначала ряд покосившихся черточек, потом треугольные скобки; все это поддерживают восемь арок. На другом двуручном сосуде с широким венчиком светло-красной краской изображена композиция в четыре ряда с бросающейся в глаза символикой чисел. Первый ряд состоит из линии вокруг венчика с вертикальными насечками, второй — из вертикальных зигзагов. Основная семантическая нагрузка приходится на третий ряд: в центре обозрения — светило с одиннадцатью расходящимися лучами, справа ветка, слева — две. Все это подпирает изображение трех колонн. На следующем двуручном сосуде из Агджабеди три ряда орнамента коричневого цвета. Верхний и нижний ряды представлены арками. Между ними — изображение, напоминающее меандр. На ручках сосуда по семи врезанных черточек. Согласно К.В.Тревер, повторяются формы и роспись сосудов более древних, но в новом претворении. На одном из одноручных сосудов красной краской изображен орнамент в три ряда: первый ряд состоит из косых черточек, второй — из вертикальных зигзагов; третий — из изображений арок. На ручке красной краской нанесено десять косых штрихов (на кончике носика — кружок из красной краски). На другом сосуде с одной ручкой и трубочкой-сливом орнамент в четыре ряда, нижний и верхний повторяют изображение арок (по десяти в каждом из них). Средние два ряда занимают вертикальные зигзаги (около сорока) и точечный орнамент в виде цепочки. Венчик покрыт красной краской, на сливе-трубочке три линии, на ручке орнамент из крестиков. Интересно, что на сосудах из кувшинных погребений Милы (как на изделиях из грунтовых погребений) повторяется символика чисел “три”, “семь”, “одиннадцать” в той или

иной форме. Орнамент на керамике из Мильской степи отличается от рисунков на сосудах из других районов Албании своим богатством. Врезанные и рельефные рисунки из Мингечаура имеют аналогии на сосудах из грунтовых могил типа Ялойлутепе. Своеобразен орнамент на ритоне с оленем (вертикально врезанные линии чередуются с зигзагообразными). Тот же рисунок повторяется на другом, похожем сосуде (без барельефа оленя). Характерен для Мингечаура врезанный, реже рельефный орнамент на больших вьючных и малых портативных флягах. Отражает идеологию врезанный и рельефный орнамент на сосудах с одной ручкой и трубочкой-сливом. В орнаменте на флягах и других сосудах с одной ручкой числовая семантика играет значительную роль. Нужно отметить, что для Мингечаура характерна богатая крашеная керамика. Краска того же качества, что на изделиях из Миля, разве несколько светлее. На одном из кувшинов с ручкой изображены птицы, обращенные клювами к кипарису, над которым находится рельефный полукруг. Между ними и деревом художником помещены светило с расходящимися лучами и закрашенный треугольник, с одной стороны, и такое же светило — с другой. За птицами — схематическое изображение деревьев и треугольники. По Т.И.Голубкиной, рисунок имеет повествовательно-мифологическое значение. На другом одноручном кувшине со сливом более живо представлены фауна и флора. На рисунке опять же обращенные клювами друг к другу священные птицы, между ними нет древа жизни, вместо него треугольники, закрашенные в клетку, изображение оленя с пышными рогами и светило с расходящимися лучами, за ними еще олень и закрашенный треугольник, с одной стороны, и закрашенный треугольник, ветвистое дерево и светило — с другой. Представляют интерес керамические изделия с двумя вертикальными ручками и широким горлом. На одном — треугольники, уже известные по предыдущим рисункам красной краской, идвигающиеся по ним изображения двух птиц. На других сосудах — те же треугольники и священные птицы. Есть керамическое изделие с двумя рельефными сосочками. На сосуде с ручкой (напоминает кувшин с кипарисом) направляющиеся друг к другу птицы, а также треугольники, частично закрашенные. Между птицами ветвистое дерево. Есть основание полагать, что преимущественно геометрический орнамент более восточных районов приобретает в Мингечауре иной характер: уделяется внимание не количественному соотношению, а стилизованному изображению реально существующих явлений природы и общества.

Керамика из сырцовых гробниц имеет единственный случай рисунка красной краской; орнамент из врезанных линий асиммет-

ричен, состоит из трех непараллельных линий, нанесенных по периферии сосуда, и несколько рядов врезанных черточек с наклоном вправо и влево. Орнамент примитивный, на некоторых изделиях имеются рельефные пуговики.

Понятно, что все сведения, помогающие выявить неожиданные отличия или аналогии в древнеалбанских погребальных обрядах, ориентирах и орнаменте, восходят к доминирующим некрополям античной Албании. Обряд захоронения в земле относится главным образом к широкому кругу населения, и при существующих реалиях, когда в пантеоне преобладали Гелиос, Зевс и Селена, это считалось вполне закономерным. Из этого могло бы следовать, что все обнаруживаемые погребения имеют отношение главным образом к простому народу, хотя в отдельных случаях возможны и исключения. Другое дело маги. Согласно сообщению Страбона, персы, а следовательно, мидийцы и другие соседние народы “тела (покойников) предают земле, (предварительно) обмазав воском; тела магов же не предают земле, а оставляют на съедение хищным птицам” (XV, 3, 20). Из приведенного отрывка можно заключить, что предавали земле только “немагов”, а служителей культа не хоронили, т.е. магам не воздавали погребальных почестей: трупы не предавались земле, а по особому ритуалу служителей культа выставлялись на съедение птицам или животным. Это известие подтверждается относительно каспиев. Согласно Страбону, бактрийцы “людей, изнуренных болезнями и старостью, оставляли на растерзание” собакам, нарочно содержимым для этого “случая”; нечто подобное рассказывают и о каспиях: когда родители достигают возраста свыше 70 лет, их держат взаперти и моят голодом” (XI, 11, 3). Далее Страбон уточняет жестокий ритуал убиения пожилых людей: “каспии умерщвляют голодной смертью людей, которым за 70 лет, и выбрасывают их трупы в пустынные места; затем они наблюдают издали: если увидят, что птицы стаскивают трупы с носилок, то считают покойников блаженными, если же дикие звери и собаки — то менее блаженными; если трупы никто не утащит, то считают их несчастными” (XI, 11, 8). Согласно Порфирию (IV в.), “гюрканы и каспии — одни выбрасывают хищным птицам и собакам живых, другие — умерших” (IV, 21).

Исходя из фрагментов, истинность которых не вызывает особых возражений, можно предположить, что ритуал убиения физически слабых и больных пожилых людей был распространен у каспиев, в изучаемый период входивших в состав Албании, но больше связан с обрядом служителей культа. По-видимому, почитатели древнеалбанского пантеона, т.е. поклонники Гелиоса, Зевса и Селены, пользовались и захоронениями в земле для простых

смертных или основной массы населения и оставлением трупов на съедение птицам и животным для слугителей иеронов и иера хора.

Конец периода артакидов был ознаменован упадком древних религиозных представлений, а затем и распространением христианства. Победа нового учения отнюдь не означала уничтожения старых, дохристианских религиозных воззрений. Остатки древних культов давали о себе знать еще долгое время.

Итак, в античной Албании известны иероны Селены недалеко от Иберии, Анаит на берегу Куры и святилище более примитивного характера на каспийской Талысе. Албанский пантеон представляли божества Гелиос, Зевс и Селена. Сохранился уникальный рассказ о священном представлении на селеновской иера хора: главную роль исполнял приносимый в жертву иеродул, аксессуарам культа являлись священные цепь и копье. По падению убитого иеродула совершались гадания, результат объявлялся присутствующим. В связи с религией отмечается, что часть керамики покрыта орнаментом, изображавшим луну в виде полумесяца. С жизнедающей силой Селены связаны священные деревья, змея, разноцветные камни, вставляемые в серьги, кольца и другие предметы украшений. Орнамент, выражающий символику чисел 3, 7, 11, говорит о сильном влиянии лунного календаря, а число 3 восходит к первым трем дням новолуния или Селены, с почитанием которой связывается одержимость у албанских иеродулов. Обращают на себя внимание небольшие терракотовые статуэтки, представлявшие богиню Селену, и каменные идолы, напоминающие изваяния номадов, обитавших к западу и востоку от Каспия. Согласно письменным источникам в парфянском Иране и Албании отмечаются одинаковые божества: Зевс, олицетворявший собой небо, солнечное божество Гелиос, носивший в Иране имя Митры, и Селена, отождествляемая с богиней плодородия. Одни и те же божества, названные греческими теонимами, свидетельствуют о том, что персы и мидийцы, армяне и албаны имели аналогичный пантеон, хотя в каждом отдельном случае предпочтение отдавалось какому-нибудь одному божеству. Албанские божества Гелиос, Зевс и Селена полностью или частично могут соответствовать божествам Митре, Ахурамазде и Анахите. Отдельные параллели в крамовой архитектуре также говорят о большом парфянском влиянии. Албаны почитали огонь, занимавший центральное место в обряде поклонения и являвшийся символом Гелиоса, Зевса и Селены. К Гелиосу относятся бракосочетания, совершавшиеся в дни весеннего равноденствия. Раскопки выявили большое количество амулетов, раковин каури, бус с изображениями кружков, схематического глаза, керамических изделий на

трех ножках и другие ритуальные предметы. По Страбону, албаны оставляли в могилах вещи усопших. И действительно, согласно археологическим раскопкам покойников хоронили в одежде, при украшениях; в могилу клали орудия труда или оружие, глиняные сосуды с мясом животных или птицы, плодами и молоком. Для изучаемого времени характерны грунтовые погребения типа Ялойлутепе и погребения в больших лежачих кувшинах. Грунтовые погребения содержат одиночные захоронения. В ориентации нет единой системы, однако лица погребенных обращены к солнцу. В погребениях сохранились остатки культа огня. Все это может свидетельствовать в пользу того, что носители культуры грунтовых погребений не приносили человеческих жертв, поклонялись солнцу и почитали огонь. С религией связаны типы орнамента античной Албании. Керамика из грунтовых погребений имеет врезанный и отчасти выпуклый орнамент. Символика чисел — от трех до одиннадцати. Большая часть кувшинных погребений ориентирована неодинаково, однако на некоторых некрополях наблюдается четкий ориентир. В погребальном обряде огонь занимал более значительное место. Покойников хоронили в скорченном положении на правом или левом боку, встречаются и вытянутые костяки. Нередко в кувшине оставляли еще одного, видимо, умерщвленного человека. Более сложным представляется орнамент. Мингечаурские врезанные и рельефные рисунки имеют свои особенности, но нередко аналогичны орнаменту на сосудах из грунтовых могил, числовая семантика играет значительную роль. Для Мингечаура характерна и богатая крашенная керамика. Краска того же качества, что на изделиях из Миля, только несколько светлее. В орнаменте представлены фауна и флора: изображения птиц, обращенных к кипарису — дереву жизни, светила, раскрашенные треугольники, рисунки оленя с рогами. На сосудах из Мильской степи красной и коричневой краской исполнены зигзагообразные линии, птицы, обращенные клювами к ветвистому дереву, колонны, арки и другие рисунки. По всей вероятности, обряд захоронения в земле относился к широкому кругу населения, а служителям культа не воздавали аналогичных погребальных почестей, отдавая предпочтение традициям. Остатки древних культов продолжали существовать еще долгое время.

О ВОЙСКЕ И ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Отдельные попытки использовать письменные источники и данные археологии об албанском войске и военном деле с воссозданием общей картины или эпизодов по сообщениям древних ав-

торов или археологическому материалу в исторической литературе уже предпринимались. Можно назвать несколько работ, посвященных изучаемой проблеме. Так, например, ценный материал, особенно об оружии из кувшинных погребений Мингечаура, одного из древних культурных очагов Азербайджана, содержится в статье С.М.Казиева. Вопросам войны и военного дела Кавказской Албании посвятил свою статью К.Г.Алиев. К.В.Тревер также останавливается на вопросе о войске албанов, отмечает высокий уровень их вооружения в I в. до н.э. Более поздние работы продолжают наметившуюся традицию. Это относится к статьям о бронзовом шлеме из Ньюди Ф.Л.Османова и о наконечниках албанских копий и другом наступательно-оборонительном оружии Ф.Л.Османова и Ф.А.Ибрагимова. Сведения об оружии албанов в античное время приведены в книге Ф.Л.Османова. Специально оружию древних албанов посвятил свою кандидатскую диссертацию А.А.Алиев. Он же в одной из статей приходит к выводу, что войско албанов имело на вооружении все основные виды оружия того времени и ни в чем не уступало в этом отношении своим соседям. Оружью кавказских албанов античного времени уделил внимание и Дж.А.Халилов. В остальных работах об оружии сказано мимоходом и поэтому они здесь не упоминаются.

Самые ранние сведения об албанах и албанском войске восходят к IV в. до н.э., когда Арриан, автор II в. н.э., живописует разношерстное и многочисленное войско Дария III Кодомана (336 — 331 гг. до н.э.) — последнего ахеменидского царя. Говоря о расположении войска в Гавгамеле, античный автор отмечает, что на левом крыле находились бактрийские конники, даи и арахоты, рядом — персы, за ними сусии и кадусии (III, II, 3), на правом — воины из Келесирии и Междуречья, мидийцы, парфяне, саки, тапуры, гирканы, а также албаны и сакесины (III, II, 4).

Согласно Арриану, “мидийцами командовал Атропат; с мидийцами вместе были кадусии, албаны и сакесины” (III, 8, 4). В этом кровопролитном сражении в 331 г. до н.э. погибло много воинов. Несмотря на потери, македонский царь Александр одержал окончательную победу. С поля боя царь персов отступил в Мидию (III, 16, 1). Из-за отсутствия подробных сведений можно лишь предположить, что албаны находились в зависимости от Мидии Атропатены.

Далее история Албании переплетается с событиями I в. до н.э., т.е. временем интенсивных военных столкновений, возвестивших о жестокой борьбе между Римом и Парфией за преобладание на Переднем Востоке. Скудость источников не позволяет восстановить подробности политических событий, хотя известно, что после смерти Митридата II (124 — 88 гг. до н.э.) Парфянское царство ос-

лабло. Тигран II (95 — 55 гг. до н.э.) вернул отнятые до этого “семьдесят долин”, обрушился на Северную Месопотамию и Атропату. Согласно Страбону, “Тигран был потомком Артаксия и владел в собственном смысле слова Арменией — она граничила с Мидией и (территорией) албанов и иберов...” (XI, 14, 15).

В это время налицо были две коалиции: во главе одной стоял могучий Рим, стремящийся к захватам новых территорий, с другой — Понтийское государство, поддерживаемое Тиграном II и царем Парфии Фраатом III (70 — 58 гг. до н.э.). Рим отправил на борьбу с царем Понта Митридатом VI Эвпатором (121 — 63 гг. до н.э.) Аврелия Котту и Лициния Лукулла. Вскоре Котта был разбит, а Лукулл начал набирать новых легионеров из местных жителей и бывших воинов Суллы, оставленных в Малой Азии.

Римляне наступали, покоряя один город за другим. Столкновение с Тиграном II было неминуемо. Плутарх сообщает: “когда собрались к нему со всеми силами армяне и гордиены и явились во главе своих войск мидийские и адиабенские царьки, когда от Вавилонского моря прибыли полчища арабов, а от Каспийского — толпы албанов и сопредельных им иберов да к ним еще присоединились тоже в немалом числе вольные племена с берегов Аракса, привлеченные лаской и подарками Тиграна, тут уж и на царских пирах, и в царском совете только и слышны были самонадеянные похвальбы и угрозы в духе варваров” (Лукулл, 26). Приведенный фрагмент позволяет предполагать, что кратковременная зависимость Албании от Тиграна II не исключена, хотя считается, что его вассальными царями являлись только кордуены и адиабены, а албаны, иберы и атропатены были независимы. После поражения у Тигранокерта центробежные тенденции Албании усиливаются, страна пользуется твердой политической самостоятельностью, как мы увидим дальше, на протяжении длительного времени.

Продолжать дело Лукулла выпало на долю молодого римского полководца Гнея Помпея. По Плутарху, Помпей “направился преследовать Митридата через земли, населенные кавказскими племенами. Самые многочисленные — албаны и иберы...” (Помпей, 36). Есть основание предположить, что римский полководец двигался по единственно удобной торговой дороге, соединявшей Артаксату со странами, расположенными к северу и северо-востоку от Армении, и проходившей мимо озера Севан по ущелью Дилижан вплоть до Куры в районе Казаха и Акстафы, где находилась храмовая область богини Анаит. Здесь Помпей и остановился. Близость храма была выгодна римлянам во многих отношениях. Это было кстати и потому, что наступал праздник, сопутствуемый различного рода развлечениями.

Летописцы Рима уделяли большое внимание именно военному делу и мимо их внимания не проходили отдельные, а иногда и уникальные подробности. Так, Страбон пишет, что албаны “имеют беззаботное отношение к войне... Тем не менее, (албаны) сражаются и пешими и на лошадях как легковооруженные (без брони), так и покрытые броней — подобно армянам” (XI, 4, 4). Прочие источники подтверждают сообщение античного автора. В исторической литературе отмечается, что указание на тяжелое вооружение и сравнение албанского войска с армянским нейтрализует указание на беззаботность в деле войны. Вопрос о беззаботном отношении к войне, т.е. о том, что албаны специально к сражениям не готовятся, предпочитая более спокойную жизнь, представляется интересным и потому, что в самом начале описания Страбон сообщает, что албаны “не свирепы и поэтому воинственны в умеренной степени” (XI, 4, 1). Версия о неагрессивности албанского войска подтверждается и многочисленными описаниями, согласно которым албанское войско то терпело поражение, то побеждало, защищая в основном свою территорию.

В сообщении Страбона говорится о родах войск албанов, которые в этом отношении, по-видимому, ничем не отличались от своих соседей или отличались очень незначительно. Так, согласно географу античности, албанское войско делилось на пешее войско и конников. Одно из указаний Страбона можно понимать и так: албаны сражаются с запряженной колесницы, ибо “гиппос” одинаково означает и коня и боевую колесницу. Как бы то ни было, албаны пользовались и пешим войском и конницей, у них были и легковооруженные воины — псилеты и покрытые броней — катафракты. Защищенные броней кони занимают особое место в военном искусстве древних народов. По другому сообщению, “любителями такого рода конницы являются не только мидийцы и армяне, но и албанцы, так как они пользуются на войне прикрытыми броней лошадьми” (XI, 4, 5). Если приведенные сообщения соответствуют действительности, то, по-видимому, албаны не только облачались в металлические доспехи, но покрывали броней и лошадей.

Античный автор оставил ценные сведения о наступательном и оборонительном оружии. Так, отмечается, что у албанов есть копьеметатели и лучники, имеющие панцири и длинные прямоугольные щиты, албаны, как уже упоминалось, “на голову надевают папахи, изготовленные из звериной шкуры, как у иберов” (XI, 4, 5). Описывая столкновение римлян и албанов, другой писатель сообщает, что брат басилевса Албании Косис нанес Помпею “удар брошенным копьем” (Плутарх, Помпей, 35). Древний автор называет албанское копье аконτισмой.

Правы ли античные писатели? Ведь наличие аконтистов — копьеметателей и токсотов — лучников предполагает существование копьев и луков на изучаемой территории. Независимый от письменных источников археологический материал подтверждает сообщения древних писателей. Обнаружено большое количество оружия, значительная часть которого приходится на носителей культуры кувшинных, катакомбных и срубных погребений. Известны наконечники копий, извлеченных из кувшинов погребений Мингечаура. Они из железа, втульчатые, удлинненно-треугольной формы; некоторые из них в длину имеют выпуклую жилку: длина наконечников от 11 до 40 см. В такой наконечник достаточно воткнуть деревянный стержень — и перед нами оружие, применяемое жителями Албании. Именно такими пользовались албанские воины-копьеметатели. Раскопки выявили значительное количество наконечников копий в Ньюиди, Шемахе, Кабале, Кубе и других районах Азербайджана. Некоторые из них распространены по всему Закавказью, Восточной Европе и Северному Причерноморью, относясь в основном к последним вв. до н.э. — первым вв. н.э. Размеры албанского метательного оружия определить пока не удастся, хотя помогают его воссозданию аналогии у других народов. К примеру, длина скифских копий равна 1,75 — 2,2 м, савроматских — около 2 м. Сарматское имеет длину около 2,5 м. Для нанесения удара с лошади сарматы употребляли копья длиной 3–4 м. На рельефах из Накш-и Рустама и Фирузабада, а также на фресках и граффити из Дура-Европос изображены копья, превышающие рост самих всадников. Согласно боспорским росписям и наскальным изображениям Ирана конники их держат обеими руками: в вытянутой левой находится древко, правая же — направляет удар. По аналогии можно предположить, что копья воинов Албании античного времени могли достигать двух и более метров.

Наконечники стрел обнаружены главным образом в грунтовых, кувшинных и катакомбных погребениях Мингечаура, Хыныслы, Кабалы и Рустова. Согласно А.А.Алиеву, приблизительно с III в. до н.э. двухлопастные бронзовые наконечники стрел выходят из употребления, их место занимают железные наконечники такой же формы; следующая группа состоит из трехлопастных черешковых железных наконечников, распространявшихся на изучаемой территории с VI в. до н.э. В то время железные трехлопастные наконечники стрел уже вытеснили втульчатые бронзовые с шипом, а также втульчатые трехгранные бронзовые и костяные, характерные для более раннего времени (VII — IV вв. до н.э.). Для Албании античного времени присущи как квадратные в основании, так и трехсторонние костяные наконечники стрел из Мингечаура и Карабудахента, датируемые II в. до н.э. — III в.

н.э. Наряду с этим, в одном из кувшинных погребений обнаружен бронзовый наконечник стрелы, отличающийся более аккуратной работой, чем у их предшественников.

Надо отметить, что в Мингечауре в слое I — III вв. н.э. обнаружен наконечник стрелы из обожженной глины. В одном из грунтовых погребений ялойлутепинского типа (около Чухур-кабалы) имелось значительное количество трехлопастных черешковых наконечников стрел. Они обнаружены в большом количестве и в катакомбных погребениях Мингечаура. В это время железные трехлопастные черешковые наконечники, занимавшие доминирующее положение в Средней Азии и Казахстане, распространяются по Восточной Европе и Северному Кавказу. Железные трехлопастные черешковые наконечники стрел в Иране появляются в среднесарматское время также из Средней Азии.

Именно в начале I в. до н.э. появляются трехлопастные черешковые наконечники стрел и на территории древних кавказских албанов, по-видимому, через Среднюю Азию и парфянский Иран. Часть этих наконечников могли принести сарматы. Одну из групп албанских наконечников представляют железные четырехгранные черешковые, другую — шилообразные железные черешковые наконечники стрел. Некоторые из них тяжелее обыкновенных. Высказано предположение, что для стрелы с подобным наконечником необходим более сложный лук. По-видимому, древком для бронзовых наконечников служил тростник, конец которого предварительно обматывался волоком от молодого тутового дерева. Можно предположить, что древние албаны употребляли и тростниковые стрелы. Страбон упоминает еловые стрелы у скифов (XI, 7, 4). Древки обычно изготовлялись из березы, клена, тополя, а также из тростника размером от 60 до 80 см и более.

В изучаемый период скифский лук, названный так еще античными писателями, продолжал применяться на огромном пространстве от берегов Черного моря до северных границ Китая по всей территории евразийских степей. В Парфии скифский лук занимал господствующее положение и изображался на монетах, ритонах и других предметах культуры. Дуга скифского лука определяется в 60 — 70 см. Поэтому он предназначался для небольших легких стрел, длина которых едва превышала 60 см.

На грани двух эр наряду со скифским луком применялся и новый, более сложный тип лука, прозванного гуннским: размеры его колебались от 120 до 160 см, на нем имелись костяные накладки.

Таким образом, наличие легких и тяжелых по весу наконечников стрел дает возможность предположить существование в античной Кавказской Албании двух типов луков, отличавшихся по

конструкции. Полагаю, легкие скифские и тяжелые гуннские луки были на вооружении у конников и пешего войска.

Археологические раскопки не только подтверждают сообщения античных писателей, но также дают много новых и неотмеченных древнегреческими и латинскими авторами фактов, проливающих свет на наступательное оружие и на предметы, связанные с военными действиями. К ним относятся железные мечи из Мингечаура, Шемахи, Исмаиллы, Чухур юрта и других мест. Албанские мечи в основном двухлезвийные, встречаются длинные (более метра). Отмечаются мечи с прямым или серповидным перекрестием между клинком и рукояткой (длина торпаккалинского меча 83 см), а также мечи с кольцевым навершием рукоятки (длина мингечаурского меча 57 см). Мечи имеют узкие и длинные лезвия с острыми концами. Некоторые из них со следами отделки деревом или костью, сохранились и обтянутые кожей ножны. В сырцовом погребении с берегов Гянджачая обнаружен великолепный меч длиной в 0,61 м, по-видимому, был в кожаных ножнах, обхваченных в верхней части у грифа двумя железными овальными кольцами. Гриф пристегнут тремя железными гвоздями и обхвачен кольцом из бронзы. Меч имеет кольцеобразное навершие. Оружие с подобным навершием было распространено на огромной территории от Северного Причерноморья до Китая. Эти мечи приносили с собой в Албанию античного времени, по-видимому, кочевые племена степей Азии и Европы.

Археологические раскопки выявили значительное количество кинжалов. К ним относятся кинжалы из Мингечаура, с озера Чирчир (село Пиразы, Агдашский район), из Хыныслы (Шемаха), с берегов Гянджачая и других мест. Кинжалы двухлезвийные с крестовидным перекрытием или однолезвийные с серповидным клинком. Большая часть оружия деформирована и определить размеры затруднительно. Длина одного из кинжалов (Хыныслы) — 28 см, другого (Мингечаур) — 20 см.

Наряду с упомянутыми кинжалами древние албаны применяли и ножи. Они обнаружены в Мингечауре, Хыныслы и других местах обитания албанов. Ножи из Мингечаура длиной от 12 до 25 см. В археологической литературе упоминаются и боевые железные вилы, достигающие в длину 1 — 2,5 м. Считают, что они предназначались и для оборонительного и для наступательного рукопашного боя.

Основным оборонительным оружием изучаемого времени были панцирь или кольчуга. Страбон отмечает панцири-тораксы также у воинов Албании. Археологические раскопки, произведенные в Рустове, выявили албанскую кольчугу, изготовленную «в виде плотно переплетенной сетки из колечек железной проволо-

ки. Ширина кольчуги в плечах — 50 см, длина — 40 см. Внутренний диаметр колечек — 0,8 см, внешний — 1,2 см”. Найдены также длинные пластинки, которые покрывали руки погребенного. В одном из погребений обнаружено больше трех тысяч бусин из камня. Полагают, что бусины пришивались к одежде из кожи. То же самое относится и к бронзовым пуговкам, обнаруживаемым в большом количестве. Такую защитную одежду, пожалуй, не пробить ни копьем, ни стрелой. В мингечаурском кувшинном погребении обнаружены части металлической защитной одежды воина, в том числе, по-видимому, железный панцирь. В это же время на территории Ирана и других стран применялись панцири комбинированного характера. Их внешний вид восстанавливается по изображениям на граффити из Дура-Европос. Передняя часть доспеха парфянских катафрактов была покрыта чешуей, средняя — продолговатыми пластинками, а нижняя — несколькими рядами чешуек. Если верно утверждение, что защитная одежда парфян имела определенное влияние на оборонительное оружие соседних народов, то албанские образцы не должны представлять исключения в этом отношении. В связи с находками археологов нельзя не вспомнить сообщение Плутарха об албанских воинах “в звериных шкурах” (Помпей, 35). Панцирь из сыромятной бычьей кожи Страбон отмечает и у племен, далеко отстоящих от Албании. В частности, племена, обитавшие у Борисфена и Истра, носят “шлемы и панцири из сыромятной бычьей кожи, они носят плетеные щиты в качестве защитного средства; есть у них также копья, лук и меч. Таково вооружение и большинства прочих варваров” (VII, 3, 17). Это сообщение позволяет думать, что в панцири из сыромятной кожи облачались воины многих стран, с которыми сталкивалась римская армия. Согласно Плутарху, парфяне также имели панцири из кожи (Красс, 18, 25). Во всяком случае подобные панцири были доступны рядовым воинам, надежно защищая их от вражеских стрел.

Другим защитным средством являлся щит, широко распространенный в изучаемое время. Сообщение Страбона проливает свет на щиты, применявшиеся албанскими воинами. Это — длинный прямоугольник, у галлов и римлян носивший название скутум. В Мингечауре отмечены остатки небольшого железного щита. Интересно отметить, что Плутарх, описывая сражение между Помпеем и братом албанского басилевса Косисом, отмечает, что “после битвы, когда римляне стали грабить тела убитых варваров, были находимы амазонские пельты” (Помпей, 35). Древние ваятели пельту изображали как небольшое защитное оружие амазонок в виде полумесяца. Все сказанное дает возможность утверждать, что древние авторы отмечали у албанских воинов два вида

защитного оружия: большой щит, напоминающий римский скутум, и небольшой, приближающийся по форме к пельте.

Дошедшее до нас сообщение о головном уборе албанских воинов также примечательно. Албаны носили, видимо, нечто вроде папахи, распространенной до недавнего прошлого. Страбон связывает головной убор албанов со звериной шкурой и уже не дает никаких сведений о других защитных головных уборах албанских воинов. Обнаружен хорошо сохранившийся бронзовый шлем, верхняя часть которого оканчивается полой трубкой, служившей, вероятно, для вставления перьев, конского волоса и других отличительных знаков. Шлемы в изучаемое время были в употреблении у многих народов, но они не характерны для рядовых воинов античной Албании, хотя, предположительно, албанская военная аристократия, отдавая дань своему времени, и пользовалась ими.

Определенное место в изучении военного дела занимают приводимые у разных авторов конкретные сведения о количестве войска. Страбон лаконичен в отношении албанских пеших воинов и конницы. По его уже упомянутому рассказу, албаны “выстраивают (к бою) войска больше, чем иберы. Они вооружают шесть мириадов (мириад — десять тысяч или множество) пеших и двадцать два мириада всадников — (воет) с какими (войском албаны) пошли в бой против Помпея” (XII, 4, 5). Эти цифры свидетельствуют о военном аппарате, который в состоянии мобилизовать войско, вооруженное на уровне техники своего времени. Плутарх сообщает, что во время перехода через Куру и атаки на римлян албанов было не менее сорока тысяч человек (Помпей, 34). Далее у Плутарха несколько другие данные о количестве албанов, встретивших римлян. Так, древний автор сообщает, что Помпей встретил “60 000 пеших и 12 000 конников в боевом порядке, но при плохом вооружении и, главным образом, в звериных шкурах” (Помпей, 34, 35). В первом случае Плутарх не отличает пехоту от конницы, давая общее количество албанского войска: воинов было 40 000. Во втором случае сообщение напоминает страбоновское, хотя и отличается от него количеством албанских всадников. Из приведенного видно, что у Страбона 22 тыс., а у Плутарха только 12 тыс. албанской кавалерии. Согласно Аппиану, Оройс — басилевс албанов и Арток — басилевс иберов с семью мириадами воинов подстерегали Помпея у реки Куры (Митридат, 103). Количество албанского и иберского войска Аппиан определяет в 70 тыс. воинов. Если исходить из сообщения Страбона о том, что иберского войска меньше, чем албанского, то на долю албанов выпадает около 40 000, что соответствует первому сообщению об их количестве у Плутарха. Таким образом, мы видим, что албанское войско, по Страбону, насчитывало 82 тыс. воинов (из которых 60

тыс. пеших и 22 тыс. конников), по Плутарху — в одном случае 72 тыс. (из них 60 тыс. пешего войска и только 12 тыс. конницы), в другом случае 40 тыс., а по Аппиану — около 40 тыс. человек.

Соответствуют ли эти цифры реальным фактам или они свидетельствуют о неосведомленности античных писателей? Обратимся к сравнительному материалу, проливающим свет на количество албанских пеших воинов и конников. Еще у Дария III Кодомана, по Курцию Руфу, насчитывалось 100 000 человек персидского войска, из которого 30 000 были конники; из мидийцев было 50 000 пеших воинов и 10 000 всадников; из гирканцев — 6 000 всадников, с берегов Каспия — 8 000 пеших и 200 всадников, а также 2 000 пеших воинов и вдвое больше конников; царь имел 3 000 воинов личной охраны (III, 2, 4; 6; III, 9, 5). Несколько позже в войске Архелая — полководца Митридата VI Эвпатора — после 86 г. до н.э., согласно Аппиану, насчитывалось “всего до 120 000 человек” (Митридат, 41). По Страбону, родственные геты и даги в пору наивысшего могущества выставляли 200 000 воинов, наименьшего — 40 000; племя гетов также могло собрать 40 000 воинов; у роксолан имелось 50 000 воинов, потерпевших поражение от войска Диофанта (полководца Митридата VI Эвпатора) в количестве 6 000 бойцов; соаны, обитавшие на Кавказе у Диоскуриады, набрали 200 000 воинов, так как население отличалось воинственностью; базилевс сираков выставил 20 000 всадников, базилевс аорсов — 200 000, а верхние аорсы и того больше; Мидия Атропатена же могла выставить 40 000 пеших и 10 000 всадников (VII, 3, 12; 17; VII, 3, 17; XI, 2, 19; XI, 5, 8; 13, 2; 14, 9). Страбон продолжает: “при вторжении в Мидию вместе с Антонием Атавасд выставил на смотр, кроме прочей конницы, еще 6 000 покрытых броней лошадей, построив их в боевой порядок” (XI, 14, 9). По Плутарху, Артавасд выставил 6 000 конницы и 7 000 пешего войска; римская же пехота насчитывала 60 000 воинов, с ними были испанская и кельтская конницы в количестве 10 000, а союзников — конников и пехотинцев — 30 000 (Антоний, 37).

Все это показывает, что упоминаемые античными писателями данные о количестве албанского пешего и конного войска укладываются в рамки количественного соотношения войск у соседних народов. Если даже предположить, что мириад может значить и десять тысяч и несметное множество, и что, по-видимому, это — символическая цифра, создающая представление об албанском войске в войне против Помпея, то цифры 82 000 или 72 000 или 40 000 могут с относительной для того времени точностью отражать реальное положение. Албанские конники насчитывали от 12 000 до 22 000, т.е. в среднем представляли одну четвертую часть войска.

Первое большое столкновение албанов с римлянами описано Дионом Кассием. Так, “разделив войско на три части, сам (Помпей) стал на зимние квартиры у реки Кюрн в области Анаит” (36, 53). Это сообщение прекрасно дополняет Плутарха, опустившего важную подробность о том, что римляне разделились на три части и разбили три лагеря. Известно, что при долговременных стоянках легионеры надежно защищали себя от внезапных нападений. Военный лагерь представлял собой прямоугольник, обнесенный валом и рвом, укрепленный палисадом и всякого рода искусственными препятствиями, имел четыре входа, закрытых воротами, несколько перекрещивающихся улиц, по которым разбивались палатки легионеров в точно установленном порядке. Из дальнейшего изложения Диона Кассия мы узнаем, что одной частью римлян, расположившихся лагерем на берегу Куры, командовал Метелл Келер, другой — Лукий Флакк, а третьей — сам Помпей. Албаны занимали левый берег, а римляне были расположены на правом берегу Куры. Обычная ситуация, когда река разделяет позиции противников.

Албаны сначала предполагали пропустить римлян через свою территорию. Однако они напали на римлян, форсировав Куру. В этом сражении насчитывалось не менее четырех мириадом или сорока тысяч албанов, действовавших сообразно намеченным тактическим задачам. Плутарх сообщает, что Помпей не мешал албанам переправиться через реку, командовал ими Оройс — базилевс Албании. Нужно было нанести удар по отдельным трем группам римской армии одновременно. Для этого Оройс двинулся на Метелла Келера, у которого находился плененный Тигран Младший, другую часть войска послал против Помпея, а следующую — к лагерю Лукия Флакка, чтобы, оказавшись в замешательстве, они не смогли помочь друг другу. Но план оправдал себя в дальнейшем лишь относительно. Дион Кассий сообщает, что Метелл Келер отбил атаку албанов. Оройсу так и не удалось угодить своему другу Тиграну Младшему и отнять его у Метелла Келера. Несколько ту же пришлось Лукию Флакку, который, не находя возможности оборонять широкий круг рва из-за большой площади, выкопал внутри другой и, дав врагам заметить притворный страх, заманил их во внутрь внешнего рва и там разбил их. Земляные работы, в результате которых был выкопан внутренний ров, говорят о том, что битва эта продолжалась более одного дня. В это же время Помпей внезапно двинулся навстречу Оройсу, т.е. к лагерю Метелла Келера, уже отбившего атаку албанского базилевса. Римляне продолжали преследование албанских воинов и при их переправе через Куру. По-видимому, наступление рим-

лян приостановилось и они были вынуждены заключить перемирие с албанами. После этого римская армия повернула в Иберию.

Следующее сражение произошло уже после возвращения Помпея из Армении. Римляне перешли Куру. Переправа была совершена вброд, конницу и пехоту сопровождал обоз. Большая часть пути по территории албанов была пройдена в ночное время. Согласно Диону Кассию, местность римляне не знали. Они воспользовались услугами пленных, однако проводники “повели их не по самой пригодной (для похода) дорогой” (37, 3). По Диону Кассию, римляне оставили за собой реку Камбис, очень холодная вода которой “повредила многим” (37, 3). Приказав наполнить водой десять тысяч бурдюков, Помпей двинул армию во внутренние области Албании. У реки Абанта он встретил 60 000 пеших и 12 000 конницы. По замечанию Плутарха, воины были вооружены неважно, т.е. хуже, чем римские легионеры. Албанами командовал брат базилевса Косис. После сражения римляне отказались от дальнейшего продвижения в сторону Каспийского моря и вернулись обратно в Армению. Помпей должен был обеспечить тыл. В его планы не входила длительная война с албанами. Предстояла борьба с более серьезным противником — Митридатом VI Эпатором. Римским легионам нужен был свободный проход. Еще на первом этапе войны албаны, согласно Плутарху, “сначала согласились на просьбу Помпея пропустить его” (Помпей, 34) через Албанию, видимо, на север в пределы Понтийского царства. Оройс действовал осторожно, хотя с римлянами и был заключен мирный договор. Сложившееся обстоятельство, когда противник пользовался услугами проводников-албанов, исключали момент внезапности, лазутчики, надо полагать, информировали о направлении легионеров. К этому времени римляне сочли возможным иметь при себе только воду, ибо, по Диону Кассию, “остальным снабжали (римлян) по собственному побуждению местные жители. Поэтому им не причиняли никакого зла” (37, 3).

Базилевс Оройс, по-видимому, изменил тактику выжидания и опять, как это было в первое большое сражение, напал на римлян. Вот красочное описание Дионом Кассием дальнейших событий: “уже после переправы через реку было получено ими известие о приближении Оройса. Желая завлечь его в битву прежде, чем он узнает количество римлян и не отступит, заметив их (многочисленность), Помпей впереди выстроил всадников, объяснив им, что нужно будет делать, а остальным приказал позади всадников встать на колени, прикрыться щитами и соблюдать полную тишину, так чтобы Оройс заметил их присутствие не прежде, чем вступит в рукопашную” (37, 3). Дальше события разворачивались с молниеносной быстротой. Оройс двинул на римлян албанское

пешее войско и, наверное, кавалерию. Албанские всадники пустились преследовать притворно отступающих кавалеристов и оказались лицом к лицу с готовыми к бою пешими легионерами. Схватка продолжалась до тех пор, пока албанов не охватила тесным кольцом, а также не ударила в тыл кавалерия Помпея, притворно убегавшая от албанов незадолго до этого.

Таким образом, тактика албанского басилевса, хотел он этого или нет, приняла форму фронтального наступления на переправлявшихся через реку Абант римлян. Заурядной тактике Помпей противопоставил свою, состоявшую из сочетания обороны и наступления. Помпей имел сильные фланги, образованные из сочетания пехоты и кавалерии. По Диону Кассию, “Помпей заключил с албанами мир, а через посланников — и договоры с некоторыми другими из обитателей Кавказа до Каспийского моря...” (37, 5).

Знаменательно, что в войне с чужестранцами албанам помогали кочевники. Если сообщение Плутарха о кочевом населении, жившем у Аракса, страдает отсутствием прямых данных о политической ориентации кочевников, то указание Страбона позволяет утверждать, что кочевое население играло значительную роль в судьбах античной Албании. Последующие события показали, что римляне снова пытались восстановить свои позиции не только в Малой Азии, но и на Кавказе. Близкий сподвижник Марка Антония, один из начальников тяжелой пехоты Публий Канидий Красс возглавлял римлян, проникавших на территорию Албании. Плутарх отмечает, что Канидий, оставленный в Армении, “одержал верх и над армянами, и над царями иберов и албанов и продвинулся до Кавказа, так что имя Антония и молва о его могуществе прогремели среди варваров с новой силой” (Антоний, 34). По Страбону известно: чтобы попасть из Иберии в Албанию нужно пройти по дороге, высеченной в скалах, а далее по болоту у Алазани; из Армении — ущельями Куры и реки Араг; “этими входами воспользовался раньше Помпей, напав из Армении, а после него — Канидий” (XI, 3, 5). Другой античный писатель, Дион Кассий, в связи с военными действиями на Кавказе отмечает, что “зимой в консульство Геллия и Нервы Публий Канидий Красс, предприняв поход против здешних (т.е. кавказских) иберов, победил в бою царя их Фарнабаза, привлек его к союзу и, вторгнувшись вместе с ним в соседнюю Албанию, победил и их царя Зобера и обошелся с ним подобным же образом...” (49, 24).

Когда же Публий Канидий Красс столкнулся с албанами и иберами? Поход Канидия в Албанию Т.Моммсен относит к периоду, предшествовавшему походу Марка Антония в Атропатену. К.В.Тревер высказывает предположение, что поход Канидия пред-

шествовал походу Антония в Парфию, т.е. в Атропатену. По мнению А.Г.Бокщанина, Канидий обеспечил фланг римской армии с севера, разгромив иберов и соседних с ними албанов еще до парфянского похода. По мнению того же автора, до большого похода именно в Каране (Эрзерум) Антоний встретился с Канидием, который действовал до этого в Иберии и Албании.

Из сообщения Плутарха явствует, что Канидий был оставлен в Армении самим Антонием. Это могло произойти или в 36 г. до н.э. еще до похода в Атропатену, или после возвращения римского полководца из Атропатены в том же году, или же во время последнего пребывания Антония на территории Армении в 34 г. до н.э.

Как выше отмечалось, по Диону Кассию, описанное событие совпало со временем консульства Геллия и Нервы, а это соответствует 36 г. до н.э. Значит, вышеописанное событие произошло именно в тот год, когда Марк Антоний совершил военный поход в Атропатену. Из сочинения Диона Кассия явствует, что Канидий действовал против албанов “в остальную часть зимы”, что совпадает с концом 36 или началом 35 г. до н.э., когда, по всей вероятности, и произошло вторжение Публия Канидия Красса — одного из военачальников Марка Антония — в Иберию и Албанию.

О ситуации, сложившейся в Албании в последние годы I в. до н.э., позволяет судить Анкирская надпись, в которой от имени римского императора Августа говорится, что в числе других народов желали установить дружественные связи с римлянами и албаны.

Начало I в. н.э. отмечено более интенсивными отношениями между римлянами и народами Востока. По сообщению Страбона, в это время парфяне “стремились к дружбе с римлянами, но им пришлось обороняться против Красса, который начал с ними войну. Впрочем, их постигла та же участь, когда они сами начали войну и послали Пакора (сына царя Орода II, около 38 -- 39 гг. до н.э.) против Азии. Однако Антоний, пользуясь советами армянского царя, стал жертвой предательства с его стороны и потерпел неудачу на войне. Преемник Пакора Фразат (Фразат IV, около 40 — 3 гг. до н.э.) так стремился к дружбе с Цезарем Августом, что даже отослал ему трофеи, которые парфяне воздвигли в память победы над римлянами” (XVI, 1, 28). В источниках упоминается и Албания. Так, свергнутый царь Парфии Вонон I (7 — 12 гг. н.э.) “пытался бежать в Армению, потом к албанам” и далее к скифам. Со временем военное вмешательство римлян увеличивается. Согласно Тациту, они держали в подчинении “при помощи четырех легионов всю свою территорию, (простиравшуюся) от Сирии до реки Евфрат, имея соседями рексов иберов и албанов; они защищаются нашим величием от чужого владычества” (IV, 5). Албаны

упоминаются Корнелием Тацитом также в связи с военными действиями 35 г. между парфянами, руководимыми Ородом, с одной стороны, и объединенными силами иберов, албанов и сарматов — с другой. Парфянское войско, которым командовал сын парфянского царя Ород, превосходило иберов, албанов и сарматов только конницей. Парфяне ожидали прибытия наемников — пропарфянски настроенных сарматов, которыми хотели, думается, нейтрализовать силы сарматов, сражавшихся на стороне иберов. Сарматы — сторонники парфян должны были прибыть через Дербентский проход. Объединенные силы, предводительствуемые царем Иберии Фарасманом, были сильны и пешим войском, не говоря уже о сарматских конниках, пришедших на помощь иберам и албанам по Дарьяльскому ущелью. Пешее войско было представлено именно иберами и албанами. Это дает возможность утверждать, что пешее войско древних кавказских албанов являлось реальной силой и на протяжении I в. н.э. Согласно Тациту, парфяне хорошо владели тактикой внезапного нападения и организованного отступления при военных неудачах. При этом они умело пользовались и рассыпным строем, когда конники не мешают друг другу в стрельбе из лука. В этом отношении парфянская конница имела явное преимущество перед объединенными силами Фарасмана (VI, 34; 35). Однако пропарфянски настроенные сарматы не явились. Зная нрав парфянской конницы, сарматы пошли на сближение с нею, чтобы избежать града стрел и в рукопашной битве свести на нет преимущество вражеского войска. В источнике не сообщается об иберских и албанских всадниках, принимавших участие в этом сражении. Трудно предположить, чтобы Фарасман, а также представители иберов и албанов выступили пешими, имея дело только с конницей сарматов. Видимо, наряду с иберским и албанским пешим войском в сражении 35 г. н.э. объединенные силы царя Фарасмана располагали и конницей из Иберии и Албании. Действительно, когда военные действия были в разгаре и сарматы подошли вплотную к парфянам, албаны и иберы хватали последних, стаскивали их с коней, заставляли “биться в неравных условиях, ибо сверху на них обрушивали удары всадники, а снизу поражали не отстававшие от них пехотинцы” (VI, 35). Объединенные силы иберов, албанов и сарматов показали прекрасные возможности взаимодействия конницы и пешего войска. Иберские и албанские пехотинцы, двигавшиеся вместе с конницей, добивали парфянских всадников. Сражение было завершено единоборством между Фарасманом и Ородом, парфяне были побеждены.

Античная Албания поддерживала союзнические отношения с соседней Иберией, придерживающейся проримской ориентации.

Потепление в отношениях между иберами и албанами началось, по-видимому, со времен царей Оройса и его брата Косиса и продолжалось не только при Зобере, но и в более поздние времена. Имеются и другие сообщения. По словам Иосифа Флавия, император Тиберий (14 — 37 гг.) отправил “значительные денежные подарки басилевсам иберов и албанов, убеждая их немедленно начать войну с Артабаном. Но (иберы и албаны) сами не согласились (воевать), а напустили на Артабана скифов, предоставив им свободный проход через свои (земли), открыв Каспийские ворота. Таким образом, (Артабан) вновь лишился Армении, земля парфян служила ареной войны, наиболее влиятельные лица были убиты, все у них было опустошено, сын царя пал со многими мириадами войска в одной из битв...” (18, 4, 4).

Позже мы наблюдаем иную ситуацию. В частности, борьба между иберами и албанами получила отражение в сообщении Тацита о том, что в 51 г. иберийский басилевс “Фарасман придумал повод к войне (со своим братом Митридатом), а именно, что когда он во время войны с албанским царем звал римлян на помощь, то брат воспротивился (этому)” (12,45).

В это время римские легионы были разделены на группы: одна была оставлена в Сирии (III Галлика, VI Феррата и X Фретенсис), другая в Армении (IV Скифика и XII Фульмината). Тацит сообщает, что в Риме находился испанский легион “и оставался тот, который Нерон набрал из флотских воинов, город был переполнен войском (с виду) необыкновенным; к этому (нужно добавить) многие когорты из Германии, Британии и Иллирии — (когорты), которые Нерон также отобрал и заблаговременно послал к Каспийским воротам, но прекратил (приготовления) к войне, которую он готовил в Албании, отозвав (войска) для подавления восстания Виндекса” (1,6). Об угрозе императора Нерона (54 — 68 гг.) начать войну с албанами сообщает и Плиний (VI, 40). В приведенном отрывке Каспийские ворота упоминаются в связи с Албанией и должны быть отождествлены с Дербентским проходом.

Мирные отношения между Римом и Парфией отнюдь не значили, что римляне перестали думать о захвате Переднего Востока. Наличие надписи у горы БеюкДаш является свидетельством того, что одному из командиров центурии легиона XII Фульмината во главе легионеров удалось добраться до берегов Каспийского моря недалеко от города Баку.

По-видимому, в конце I в. албаны вступали в союзные отношения с начальниками римских войск, которые вели военные действия против парфян. В связи с этим албаны могли допустить на свою территорию отдельные войсковые подразделения легиона

XII Фульмината. С 70 г. этот легион постоянно находился в Малой Азии, Сирии и на Кавказе.

Конец I в. ознаменован разложением огромного Парфянского государства, конкурировавшего с Римом в политическом и военном, экономическом и культурном влиянии на страны Малой Азии и Кавказа.

В 98 г. в Риме стал императором Траян (98 — 117 гг.). Он готовился к войне с Парфией, а в 114 г. римляне победили аршакидского правителя Партамасира. Согласно существующему мнению Кавказ на протяжении двух-трех лет, т.е. до смерти Траяна, был номинально подчинен Риму за исключением Албании. При Адриане (117 — 138 гг.) римляне не смогли удержать завоеванных на Востоке земель; император с парфянами поддерживал хорошие отношения, армянам “позволил иметь своего царя, тогда как при Траяне они имели легата... с албанами и иберами жил в величайшей дружбе, так как осыпал дарами их царей, хотя они презрительно отказались явиться к нему...” (Спартиан, Адриан, 21).

Дальнейшие события показали, что Рим не терял надежды иметь постоянные связи со странами Востока, минуя территорию Парфии. Очевидно, это обстоятельство сыграло немаловажную роль в военной и политической ориентации Иберии и Албании. Дион Кассий сообщает, что около 133 г. окончилась “иудейская война. Другая (война) была поднята из земли албанов, по происхождению массагетов, Фарасманом; она сильно потрясла Мидию, коснулась также Армении и Каппадокии, но затем прекратилась вследствие того, что албаны были подкуплены дарами Вологеза, а с другой стороны, побоялись правителя Каппадокии Флавия Арриана” (49, 15). В рассказе Диона Кассия представлены албаны, по-видимому, восходившие еще кномадам Страбона. Здесь они названы массагетами. Мидия и Каппадокия были опустошены именно этими албанами. Античный автор упоминает Фарасмана, Вологеза и Флавия Арриана. Все они современники, жили в одно и то же время. Речь идет о Вологезе III (111 — 146 гг.), Флавии Арриане (около 95 — 175 гг.). События разворачивались именно между 130 и 136 годами, когда правителем Каппадокии был Флавий Арриан.

В 224 г. Арташир сын Папака побеждает последнего парфянского царя Артабана IV (213 — 227 гг.). В политической истории Восточного Кавказа происходят изменения: место Рима занимает новое Сасанидское государство. В годы правления Шапура I (240 — 272 гг.) борьба между Римом и Ираном заканчивается неожиданным пленением римского императора Валериана (253 — 260 гг.). Его возили в свите Шапура I, заставляя подставлять спину, когда царь садился на коня. Юлий Капитолин сообщает, что алба-

ны, как бактрийцы, иберы и тавроскифы, “не приняли писем Сапора (Шапура I), но написали римским вождям, обещая помощь для освобождения Валериана из плена” (Два Валериана, 6). С другой стороны, в надписи царя Шапура I на Каабе Зороастра наряду с другими областями царства упоминается и Албания.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

История античной Кавказской Албании отражена главным образом в двух видах источников: сообщениях античных писателей и археологическом материале. Источники в основном синхронны с изучаемыми событиями. Историкам очень повезло. Писатели и географы, жившие около двух тысяч лет назад, оставили сведения, без которых сказать что-либо о древней истории нашей Родины было бы невозможно.

Одним из первых письменных источников, где дается подробное описание Кавказской Албании, является “География” Страбона. Другие ценные сведения по географии, гидронимии и этническим особенностям древней Кавказской Албании содержатся в “Естественной истории” Плиния Старшего. Отдельные сведения разбросаны в трудах других историков и географов античности. К ним относится “Землеописание” Помпония Мелы. Интересные сведения сохранились в “Параллельных жизнеописаниях” Плутарха. Сведения об Албании имеются также в “Анналах” Корнелия Тацита и “Географическом руководстве” Клавдия Птолемея. Из числа поздних историков, в трудах которых упоминается Кавказская Албания, можно отметить Аппиана. История страны нашла отражение в “Римской истории” Диона Кассия Коккеиана. Кроме упомянутых источников привлекают внимание сохранившиеся фрагменты сочинения “О животных” Клавдия Элиана. Албания обозначена на некоторых средневековых картах, материалом для которых служила не дошедшая до нас карта Агриппы, составленная на основании официальных данных по желанию императора Августа. В книге использованы и те античные источники, в которых сохранились лишь отдельные упоминания об албанах и их стране. К писателям, упоминающим об албанах и Албании, относятся Помпей Трог, Квинт Курций Руф, Секст Юлий Фронтин, Флавий Арриан и другие историки. Албании касаются также сочинения более поздних греческих и латинских писателей, из числа которых можно упомянуть Стефана Византийского, Юлия Солина, Аммиана Марцеллина и некоторых других античных авторов, сохранивших отрывочные сведения о Кавказской Албании.

Другая группа важных источников, используемых в решении вопросов истории античной Кавказской Албании, представлена местным материалом: остатками некрополей и поселений. Большая часть азербайджанского археологического материала нашла свое отражение в книгах и статьях, другая — хранится в архивах. Начальный этап изучения связан с пионерами археологии Азербайджана. К ним относятся Э.А.Реслер, Г.О.Розендорф, В.В.Латышев, В.А.Скиндер, А.Спицын, А.Б.Шелковников, Д.М.Шарифов, А.А.Иессен, Т.С.Пассек, А.А.Алекперов, Е.А.Пахомов, Я.И.Гуммель, Г.К.Ниорадзе, И.М.Джафарзаде и другие исследователи, сыгравшие ту или иную роль в освоении археологического материала. Послевоенный период изучения ознаменовался интенсивными археологическими раскопками сначала в Мингечауре, а потом в Шемахе, Кабале и более интенсивно на остальной территории Азербайджана. Этот период связан с огромным количеством вещей, заполнивших центральные и краеведческие музеи, а также археологические хранилища. Более или менее подробным сведениям об этих материалах мы обязаны талантливым исследователям С.М.Казиеву, Г.М.Асланову, Р.М.Вандову, О.Ш.Исмизаде, Т.И.Голубкиной, Г.И.Ионе, Г.М.Ахмедову, а также Дж.А.Халилову, М.М.Иващенко, К.Х.Кушнаревой, Р.Б.Геюшеву, А.Б.Нуриеву и другим ученым. Если вначале один и тот же археолог занимался решением различных вопросов материальной и духовной культуры, то теперь происходит специализация по отраслям или хронологическим отрезкам. Наука обогащается работами И.А.Бабаева, Ф.Л.Османова, Ф.В.Гадирова. Для осмысления археологического материала как источника истории древней Албании важны работы П.Х.Тумбиль, Р.М.Касимовой, Н.И.Рзаева, а также М.М.Расуловой, К.Н.Пицхелаури, С.А.Дадашевой, К.В.Голенко, А.М.Раджабли, А.А.Карахмедовой, А.А.Алиева, К.О.Кошкарлы, Ф.А.Ибрагимова, М.Дж.Халилова и С.М.Назировой.

Огромное количество вопросов разрешаются на основании изучения некрополей античного времени. Раскопками выявлены главным образом грунтовые погребения, погребения в больших кувшинах, сырцовые гробницы, катакомбные погребения, погребения в глиняных саркофагах.

Для осмысления реалий изучаемого периода представляют большой интерес как форма и ориентация погребальных памятников, существенно отличавшихся друг от друга, так и расположение и ориентации погребенных. Большое значение для выяснения многих вопросов имеет выявление количества и качества керами-

ческих изделий, предметов из металла, дерева и кости, а также других вещей, сохранившихся как источники по истории античной Кавказской Албании.

Материал из некрополей помогает в изучении физического облика и этнических особенностей, социально-экономического строя и религии, военного дела, оружия и орудий производства, одежды и других сторон быта албанов и другого населения страны, дополняя или уточняя сообщения античных писателей.

Некрополи относятся в основном к широкому кругу древнеалбанского населения. Открытие более богатых погребений, в той или иной степени связанных с древнеалбанской правящей верхушкой, принесет много нового в изучении страны.

Остатки древнеалбанских поселений изучены относительно слабее. На городищах встречаются черепицы, базы для колонн, булыжник, тесаные камни, обожженные и необожженные кирпичи, отходы производственной деятельности, предметы культа — глиняные статуэтки, использованные и уже дефектные керамические, стеклянные и металлические изделия, буллы и другие предметы материальной и духовной культуры. На одних поселениях археологические работы уже ведутся, другие — известны в результате разведок и по-настоящему пока не исследованы. Нет ясности в вопросе об укрепленном и неукрепленном поселении согласно местному материалу. Остатки больших и малых поселений таят ценный материал о быте албанского населения. Кроме некрополей и поселений встречаются немало других видов памятников: отдельные монетные клады, небольшие и в рост человека каменные бабы, остатки древней оросительной системы и другие источники, способствующие более конкретному проникновению в историю древней Кавказской Албании.

В процессе работы использован обнаруженный нами ранее неизвестный материал из археологических фондов музеев истории Азербайджана, Грузии и Армении, коллекции Государственного Исторического музея (Москва), где хранятся керамические изделия с берегов Куры (Джафархан) и Гянджачая (Ханлар), и бывшего Ханларского краеведческого музея, а также материал из рукописей и отчетов, хранящихся в научных архивах Баку, Санкт-Петербурга, Тбилиси и Ханлара.

Каждый из приведенных источников обладает преимуществами. Сближение сообщений античных авторов и археологического материала имеет свои трудности: древние авторы в основном освещают одну часть исторических явлений, археологический материал — другую. Обращение к независимым друг от друга источникам: известиям античных писателей и археологическому мате-

риалу — положительно сказывается на изучении истории древней Кавказской Албании.

Осмысление письменных источников, наиболее полно освещающих события только I в. до н.э. — I в. н.э., и синхронного археологического материала, добытого за последние десятилетия, позволяет по-новому ответить на вопросы истории древней Кавказской Албании. В первую очередь это относится к разрабатываемой более ста лет проблеме территории и населения. Отражают ли лаконичные сообщения античных авторов только политический или только этнический характер албанской территории? Согласно древнегреческим и латинским писателям западные границы страны проходили по землям, где находятся верховья Алазани и Иори, возможно, по Кахетинскому хребту, а также по горным склонам Малого Кавказа севернее озера Севан; восточные границы тянулись вдоль Каспийского моря, которое соответственно называлось: севернее Апшерона — Албанским, а южнее — Каспийским. Северные границы страны проходили по Большому Кавказу и Кераунским горам севернее Самура, многочисленными отрогами спускающимися к Албанскому морю, а южные окраины охватывали горные районы Малого Кавказа и Каспиану — бассейн нижнего течения реки Аракс до степей Миль и Мугань включительно, т.е. в изучаемое время Албания помещалась на левобережье и правобережье Куры от верховьев Алазани до берегов Каспийского моря. Об Албании, занимающей вместе с Иберией большую часть Кавказа, писал еще Страбон. При всей своей неопределенности сведения об Албании и относящейся к ней Каспиане, тем не менее носят больше политический характер. Информация, позволяющая локализовать албанов на левобережье и правобережье Куры, отражает не только политические, но и этнические пределы. Когда древние авторы говорят о населении Албании, то в первую очередь идет речь об албанах: на севере они обитали на склонах Большого Кавказа и Кераунских гор, на юге занимали склоны Малого Кавказа, а также степи Миль и Мугань. Албаны были и наиболее значительны и сравнительно многочисленны. Только поэтому страна по этнониму албанов называлась Албанией.

Кроме самих албанов в стране обитали отдельные этнические группы. К ним относились гаргары, населявшие бассейн Гаргарчая и, может быть, другие смежные районы, а также удины, в изучаемое время занимавшие главным образом пространство к северу от Куры, начиная от бассейнов Алджиганчая и Турианчая и доходя до бассейна реки Тертер, включая и район города Партава. Кроме того, в Албании обитали леги. На севере их территория простиралась до Сарматии, охватывая северные предгорья Самурских гор вплоть до нынешнего Дербента. Леги занимали северные

и южные склоны Большого Кавказа на юг от реки Самур. Находившаяся южнее слияния Куры и Аракса страна каспиев или Каспиана примыкала к албанам с юго-востока. Согласно сообщению Страбона, на рубеже до нашей и нашей эры обитатели Каспианы входили в состав древней Кавказской Албании.

Вопрос о расселении отдельных групп населения не может быть разрешен на основании только письменных источников. Изучение археологического материала позволяет высказать предположение, что главным показателем выделяемых общностей является обряд погребения. В исследуемую пору каждая группа в основном занимала свою территорию, причем не исключается и совместное проживание на стыке отдельных частей населения, имела специфический инвентарь, особую технику изготовления глиняной посуды и специфический орнамент. Представляется возможным выделить локальные группы памятников, соответствующие, очевидно, отдельным большим и малым группам, находившимся в тесной связи друг с другом, что подтверждается определенной идентичностью находимых в погребениях вещей. Учет всего материала позволяет наметить основные синхронные категории, восходящие к археологическим культурам. В первом случае — это позднейший этап грунтовых погребений типа Ялойлутепе. Во втором — это кувшинные погребения. Некоторые формы глиняной посуды встречаются почти во всех погребениях. Это в основном чаши без ручек и с ручками, широкогорлые кувшины с одной или двумя ручками и др. Однако выделяются керамические изделия, характерные отдельно для каждой археологической культуры. То же самое относится к орнаменту. Для грунтовых погребений свойствен орнамент врезанный и выпуклый, для кувшинных — характерны не только врезанный и рельефный орнамент, но также рисунок красной краской. Носители культуры грунтовых погребений, по-видимому, представляют ядро доалбанского субстрата.

Упоминание албанов в античной географии (только более поздний писатель Арриан говорит об албанах относительно IV в. до н.э., III, 8, 4) по времени совпадает с ареалом распространения носителей культуры кувшинных погребений. В начале нашей эры носители этой культуры передвигаются к северу от Куры, воспринимая элементы материальной и духовной культуры у предшественников, но продолжая сохранять свой погребальный обряд и особенности культа еще на протяжении нескольких столетий вплоть до появления ислама. В Албании обитали и номады. В последние века до нашей эры и первые века нашей эры они занимали бассейны Куры и Аракса. Античные авторы называют их саками, массагетами, гуннами и т.д. На западной окраине упоми-

наются главным образом сакасны, на восточном — массагеты. Часть кочевников примыкала к древнеалбанским землям с юга. При сравнении погребальных обрядов выделяются особенности, отличавшие население, хоронившее в катакомбных погребениях. Как известно, подобный погребальный обряд и аналогичная деформация черепа, а также некоторые другие особенности имеют распространение не только в Северном Прикаспии, где катакомбы появляются раньше, чем в Албании, на четыре столетия, но и на обширной территории к западу и востоку от Каспия.

Изучение источников показывает, что население древней Кавказской Албании обрабатывало плодородные земли, количество которых не поддается учету. История застаёт албанов на той стадии развития, когда ими была освоена техника земледельческого труда. Из орудий вспашки в Албании применялись соха и лопатообразное орудие из железа. Земледелие связано с ирригацией. Так было и в древней Кавказской Албании. На обрабатываемых землях применялось искусственное орошение — население пользовалось каналами и кяризами. Хорошо отражают состояние земледельческого хозяйства орудия жатвы, в большом количестве обнаруживаемые в результате археологических раскопок. К ним относятся железные серпы и серповидные ножи.

Судя по палеоботаническому материалу, население Албании возделывало твердую и мягкую пшеницу, а также ячмень; отдельные виды этих злаков встречаются в различных районах Азербайджана и в настоящее время. Население древней Кавказской Албании культивировало и просо. Обнаруженные остатки зерен дают право утверждать, что на исследуемой территории широко культивировались пшеница, ячмень и просо. Анализ археологического материала и данных этнографии позволяет предположить, что албаны во время молотбы могли применять молотильную доску, а также пользоваться для обмолота палками и скотом, выбивающими копытами зерно из колосьев. Этнографический материал показывает, что процесс веяния заключался в подбрасывании зерна вверх при помощи особых приспособлений. Для хранения излишков пшеницы, ячменя и проса применялись хозяйственные ямы и большие глиняные кувшины. Если орудия труда, применяемые в сельском хозяйстве, говорят об уровне техники, то хозяйственные ямы и кувшины, обнаруженные в результате археологических раскопок, являются доказательством того, что зерно хранили про запас, а это в свою очередь дает возможность предположить, что пшеница, ячмень и просо потреблялись в большом количестве. О развитии албанского земледелия свидетельствуют и орудия размола. В стране широко применялись каменные зернотерки и ручные мельницы.

В Албании выращивали инжир, маслины, грецкие орехи, гранаты, персики и черешню. Источники свидетельствуют также о виноградарстве. На территории Азербайджана имеются заросли дикого винограда, дающего небольшие сладкие ягоды. Прекрасная иллюстрация уровня виноградарства — это каменные ванны для получения сока, из которого получали вино. Приведенные известия древних авторов, археологический материал и данные этнографии о средствах производства: деревянной сохе, железных заступах, молотильной доске, железных серпах, каменных зернотерках, ручных мельницах и других сельскохозяйственных орудиях позволяют предполагать высокий технический уровень сельского хозяйства, а следовательно, и соответствующий уровень земледелия и садоводства древней Кавказской Албании. Изучение источников, освещающих состояние земледелия в Восточном Закавказье, служило основанием для утверждения, что искусственное орошение, а также наличие орудий вспашки и жатвы наряду со сложными керамическими изделиями и другими особенностями быта являются свидетельством того, что древнеалбанское население главным образом занималось земледелием. Вместе с тем высокогорные альпийские луга и речные долины Албании благоприятствовали и для развития скотоводства. Как показывают письменные источники и археологический материал, разведение лошадей было поставлено здесь на широкую ногу. Надо полагать, что албаны разводили местную породу лошади, прозванную позднее карабахской. По всей вероятности, количество лошадей в стране было непосредственно связано с поголовьем табунов в Каспиане и Атропатене. Именно отсюда в Албанию проникали особые породы лошадей, отличавшихся от местных. Население разводило также крупный и мелкий рогатый скот. Об этом говорит зооморфная керамика: фигурки из глины, а также кости баранов и коз, обнаруженных в кувшинах или просто в могильных ямах. Знакомство с остеологическим материалом показывает, что албанские овцы и козы очень напоминают современные породы мелкого рогатого скота, играющего ведущую роль в современном скотоводстве. Стада мелкого скота нуждались в тщательной охране. Письменные источники позволяют особо выделить значение собак. Если обратиться к этнографическому материалу, мы увидим: стадо охранялось сильными кавказскими овчарками. Наличие у древних албанов собак подтверждается археологическим материалом. В жизни древних кавказских албанов охота являлась одним из важных видов тренировки, но не была главным занятием населения. Собаки тут играли немаловажную роль. Источники также сообщают о верблюдах в Каспиане. Скотоводство обеспечивало местное население в первую очередь мясом, шкурами, шерстью.

Скот обеспечивал албанов также молочными продуктами. Этнографический материал показывает, что переработка молока: получение масла, сыра, кислого молока, сливок, айрана — это трудоемкий процесс, требующий большого навыка, немало количества людей и разнообразной посуды. Раскопки выявили много маслоек и других сосудов из керамики, связанных с производством и хранением продуктов скотоводства. Обращает на себя внимание отгонная или яйлажная форма скотоводческого хозяйства. Ведь отсутствие подножного корма при увеличении поголовья скота заставляло угонять стада летом в горы, зимой же возвращаться на равнины. При подобной форме скотоводства важное место занимают лошади как транспортное средство и собаки как хранители стада мелкого рогатого скота от хищных зверей.

Изучение письменных источников и археологического материала показывает состояние ремесленного производства. Тут интересны обжигательные гончарные печи. Особо следует подчеркнуть их наличие на правом берегу Куры у Мингечаура и в других районах, где обитали древние кавказские албаны. Печи, по-видимому, находились в кварталах с гончарными мастерскими, а несколько дальше располагалось и само поселение. Для сооружения керамических печей пользовались сырцовыми плитами, производство которых здесь продолжается и в настоящее время. Гончары пользовались глиной, пригодной для изготовления керамических изделий. Благодаря растительным примесям керамика из этой глины после обжига приобретала желтоватые, розоватые и красноватые тона, придающие изделиям своеобразие в окраске и в основном отличающие керамику албанов от глиняных изделий более раннего и более позднего времени. Имеющиеся данные позволяют говорить об орудиях производства, которыми могли пользоваться древнеалбанские керамисты. С другой стороны, каждая археологическая культура имеет технологические особенности, выделяющие типы глиняных изделий с тем или иным обрядом погребения. Все это показывает, что древние кавказские албаны освоили технику производства предметов из глины.

В Азербайджане обнаружены горные выработки древнего происхождения, а также множество металлических изделий из грунтовых, кувшинных, катакомбных и других погребений. Изучение этих вещей из металла показывает, что древняя Кавказская Албания — это страна, где получило развитие главным образом производство вещей как из железа и бронзы, так из золота и серебра. При этом способами обработки металла быликовка, чеканка и отливка в формах. Ковка производилась, видимо, и горячим и холодным способом.

К одному из видов ремесленного производства относилось ткачество, сырьем для которого главным образом служили шерсть и лен. Железные ножницы, выявленные во время археологических раскопок, применялись для стрижки шерсти домашних животных. Другой материал, служивший для производства пряжи, был лен. Исследование фрагментов и следов тканей из археологических раскопок убедительно показывает, что обнаруженные ткани льняного происхождения, а согласно ботаническому материалу лен до сих пор растет в диком виде на территории Азербайджана. В связи с ткачеством представляют интерес пряслица, обнаруженные в результате археологических раскопок. По ним восстанзеливается конструкция веретена, применявшегося древними албанами. Гипотетически на территории древней Кавказской Албании были в употреблении несколько видов ткацких станков. У албанов ткачество являлось одним из развитых ремесел.

На территории древней Кавказской Албании упоминаются жизненные центры: крупные и мелкие города и поселения. Согласно Птолемию, здесь насчитывалось 29 полисов и коме, а Плиний отмечает один из оппидумов или сильное укрепление Кабалаку. Науке уже известны городища Мингечаур, Кабала, Хыныслы, Торпаккала и другие населенные пункты по археологическим раскопкам на территории Азербайджана. Население, обитавшее в городах или поселениях, поддерживало тесные связи друг с другом. В этом отношении представляют интерес магистральные и проселочные дороги, которыми благодаря географическим особенностям рельефа пользовались на протяжении долгого времени. Более подробно античные писатели были информированы о путях, связывавших древнюю Албанию с внешним миром. Страбон отмечает проход из Албании в Иберию и из Армении в Албанию. Отмечается, что этими дорогами пользовались Гней Помпей и Канидий — один из полководцев Марка Антония. Древний географ упоминает проход из Иберии в Албанию в связи с Камбисеюной и рекой Алазони. Отсюда путь шел до низовьев Арагви, соединяясь на севере со страной кочевников. Согласно Плинию в начале пути на севере расположены Кавказские ворота, ошибочно называемые Каспийскими. Птолемей эти ворота именовал, полагая, Сарматскими, которые могут соответствовать Дарьяльскому ущелью. От Кавказских или Сарматских ворот дорога тянулась дальше на северо-запад к Танаису, где торговали рабами, кожей, одеждой, вином и прочими товарами. На другом конце этого пути была расположена Экбатана. Здесь можно было, по-видимому, приобрести товары из различных стран. Страбон сообщает, что аорсы, владеющие северным побережьем Каспия, торгуют индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидий-

цев. Ретроспективный материал также говорит об этом: через территорию, где обитали каспии, можно было попасть в Ардебиль, а оттуда в Меянидж или Хунадж и далее на юг до Экбатаны. О связях между Северным Прикаспием и Ираном свидетельствует археологический материал. Другой торговый путь вел на северо-запад и имел не менее важное значение для торговли. Речь идет о торговой дороге, связывавшей Экбатану с Артаксатой. Через Атропатену проходил основной транзитный путь, связывавший Запад с Востоком. От Загросского перевала или Мидийских ворот до Каспийских через Сигриану, по Страбону, 4 100 стадий, а от Зевгмы на Евфрате до Атропатены во время похода Марка Антония было насчитано 8 000 стадий. Римские историки также были знакомы с географией Восточной Мидии. Упоминаются Лаодикея и Апамея, Гераклея и Рага, называемая также Европом или Арсакией. Эти и другие города были расположены у караванной дороги, которая вела в Бактрию и далее на восток.

Таким образом, сухопутные торговые пути древней Албании на юге выходили к главным магистралям, протянувшимся по территории Парфии. Эти магистрали вели на запад, в страны, подчиненные Риму, и на восток — в Индию и Китай, соединяясь главным образом у Экбатаны.

Кроме сухопутных торговых магистралей в источниках отмечаются морские и речные торговые пути. Известно, что в I в. н.э. могучий Рим простирали свои щупальца далеко на восток. В связи с этим в античной литературе появилось значительное количество новых сведений о Каспийском море. Согласно Арриану, Александр Македонский хотел знать, с каким морем соединяется Каспийское море. По поручению Селевка Никатора Патрокл побывал на Каспии, обследовав западные и восточные берега. Одни исследователи считают, что Патрокл достиг пролива Кара-Богаз-Гол, другие предполагают, что ему удалось достичь полуострова Мангышлак. Можно предположить, что Патрокл не ошибался, говоря о торговых путях, хотя наличие морского торгового пути по Каспию у некоторых древних авторов вызывало сомнение. После открытия морского торгового пути из Европы в Индию попытки освоить транзитную водную торговую магистраль по рекам Закавказья и по Каспию были оставлены навсегда, хотя водные торговые пути главным образом по Куре могли с успехом обслуживать рынки древней Кавказской Албании, обеспечивая внутренний товарообмен, а также приток импортных товаров. Если Каспийское море не представлялось удобным для мореходства, то должна была существовать дорога, по которой осуществлялась связь с южным и восточным побережьем Каспия. Имеющиеся данные позволяют высказать предположение о наличии большого пути по западному

и южному берегу Каспия от Кавказа через дельту Куры до Каспийских ворот, соединявшегося с торговой магистралью где-нибудь у Раги или Гекатомпила.

В настоящее время трудно судить о том, какие транзитные пути были предпочтительней: сухопутные или морские. Однако несомненно, что торговцы пользовались и первыми и вторыми, может быть, отдавая предпочтение первым из-за многих неудобств, связанных с волоком судов из одного водного бассейна в другой.

Древняя Кавказская Албания примыкала к юго-западному побережью Каспия, с одной стороны, и к Атропатене, а следовательно, к Парфии и странам древнего Востока — с другой. О желании римлян установить связи со странами Востока в обход Парфии свидетельствуют эпиграфические надписи. К ним относятся латинская надпись побывавшего у берегов Каспия римского отряда времен императора Домициана. Появление римлян на западном берегу Каспия делало возможным поставить под контроль одну из ветвей шелкового пути и установить связь с областями Центральной Азии. О контактах между римским миром и древней Албанией свидетельствует и греческая надпись из Беюк-Дегны: Элий Ясон посвящает ее Эвнону, своему благодетелю. Судя по имени, Элий Ясон — грек, пребывал в Албании, преследуя, по-видимому, торговые цели. Ведь проникновение римских негоциантов на восток, начатое в связи с выявлением торговых путей еще во времена Лукулла и Помпея, продолжалось и впоследствии.

О торговле свидетельствует материал из археологических раскопок. Так, к привозным в Кавказскую Албанию предметам материальной культуры относятся стеклянные изделия, значительная часть монет и гемм, а также раковины каури, некоторые виды бус и скарабеи. К привозным предметам относятся также амфора, бронзовый светильник, серебряные блюда. Многие из импортных вещей, обнаруженных в Азербайджане, связаны с культурными ареалами или греко-римского мира или восточных стран и могут указывать на товарообмен древней Кавказской Албании как со странами запада, так и востока, в том числе с Парфией. С западными народами связывали Албанию большое количество стеклянных изделий, римских монет и гемм с античными мотивами, некоторые виды бус, скарабеи и другие предметы, с восточными — раковины каури. О связи непосредственно с Парфией, очевидно, свидетельствуют аршакидские монеты и некоторые изделия из керамики и металла.

Опираясь на данные о торговле и торговых путях, еще рано судить об общем удельном весе торгового обмена, однако уже теперь можно утверждать, что предметы материальной культуры, привезенные из-за границы, исключали отставание торговли, по-

зволяя в то же время высказать предположение об интенсивных экономических связях древней Кавказской Албании. Торговые связи с далекими и близкими странами осуществлялись главным образом по магистралям Парфянского государства и Атропатены, включавшим Албанию в сферу влияния крупнейших торговых центров того времени.

Вопрос об общественно-экономическом строе древней Кавказской Албании в исторической литературе затрагивался неоднократно. Причем вначале выпячивались те или иные стороны проблемы, не соответствующие общей картине социальных отношений. Естественно, не все положения можно считать удовлетворительными. Слабая изученность вопроса в значительной степени связана со скудостью известных нам источников: трудно ожидать более подробной информации об общественных институтах, опираясь только на сообщения представителей античной исторической науки или только на данные археологии, нередко окончательно не расшифрованные. В самом деле, нельзя получить от античных авторов каких-либо более подробных и более точных описаний общественных институтов, непривычных для представителя античной цивилизации. Обращаясь к терминам, позволяющим в какой-то степени судить о социальной структуре, мы осознаем, что производительные силы и производственные отношения древнеалбанского общества представленным материалом не ограничивались. Восстанавливая общественно-экономическую структуру древнеалбанского общества на основании сообщений античных авторов, надо помнить, что термины лишь частично освещают реальное положение. Что касается археологического материала, то погребения высших слоев населения пока не обнаружены, а многие рядовые погребения в социально-экономическом плане представляют загадку по настоящее время. Тем не менее, наличный материал дает возможность пересмотреть некоторые доселе существующие положения и высказать новое мнение о социальном строе древней Кавказской Албании.

Для обозначения албанского царя греками и римлянами употреблялись термины *басилевс* и *рекс*. Причем некоторые античные писатели упоминали в Албании одного *басилевса*. К ним относится Страбон, который сообщает, что в Албании отличаются и *басилевсы*. Поэтому в настоящее время над всеми властвует один *басилевс*. Другие писатели в Албании отмечали несколько *басилевсов*. В произведениях античных авторов *басилевс* употребляется главным образом в значении: царь или повелитель, а *рекс* означает не только царя, но также богача и знатного человека. Нельзя не согласиться с распространенным в исторической литературе толкованием: термины *басилевс* и *рекс* передают одно и то же поня-

тие, хотя полностью не накладываются друг на друга, обозначая властелина, повелителя и вообще влиятельную особу. Кроме басилевса древние писатели в Албании отмечают гегемонов и префектов. Аппиан сообщает, что перед триумфальной колесницей Помпея в числе военнопленных вели предводителей (гегемонов): от иберов — троих и от албанов — двух. Согласно Павлу Оросию, Помпей трижды победил в бою войско рекса албанов Орода и его префектов. Сообщение другого античного писателя дополняет упомянутых авторов. По Элиану, одежду из верблюжьей шерсти носят иеревсы и те из каспиев, которые наиболее богаты и наиболее знатны. Гегемон переводится главным образом как вождь, военачальник и наместник, а префект — как начальник, командир конного отряда и полководец. В общем под гегемонами и префектами античные классики имеют в виду вождей и военачальников, хотя не исключено, что речь идет вообще о предводителях или наместниках, в том числе о богатых и знатных людях.

В социальном плане не менее интересны упоминания об албанском войске, делившемся на две части: отдельно на шесть мириадов пеших и отдельно на двадцать два мириада конницы. Страбон сообщает, что у албанов есть копьеметатели и лучники, имеющие панцири и длинные прямоугольные щиты. Албанский воин был хорошо вооружен, что возможно, если воин представляет определенный социальный слой, выдвигавший копьеметателей и лучников с их доспехами — панцирями и щитами. Пешее войско представляло более или менее бедные слои населения, конники же набирались из обеспеченного сословия.

Как уже уточнялось, по Страбону, в албанском иероне, посвященном богине Селене, обязанности жреца исполняет наиболее уважаемый после басилевса муж, стоящий во главе священной земли или местности, обширной и хорошо населенной, во главе и этой местности и иеродулов, многие из которых находятся в состоянии религиозного экстаза и пророчествуют. Самый уважаемый после басилевса муж мог относиться к храмовым аристократам и быть хозяином положения не только в самом святилище, но и храмовой территории — обширной и хорошо населенной, т.е. главный иеревс находился во главе и иера хора и иеродулов. Страбон отмечает, что у древних албанов приносятся богине человеческие жертвы. Античный автор проводит грань между населением священной области и иеродулами, с одной стороны, и членами прихрамовой общины — с другой. Данные письменных источников связываются с археологическим материалом. Почти каждый некрополь свидетельствует об имущественном неравенстве. Наряду с предметами, обнаруженными в погребениях, в социальном плане выделяются золотые и серебряные перстни, серебряные

чаши-фиалы, серебряные фибулы, золотые пуговицы, поясные серебряные пряжки, серебряные браслеты и прочие вещи. Среди других предметов выделяются перстни-печатки и значительное количество булл. По-видимому, мы имеем дело с существующим в то время социальным неравенством среди широкого круга трудового населения, в том числе и среди членов общины — свободного крестьянства. Происходило расслоение, по тогдашним меркам весьма значительное. К другой категории населения иера хора относились иеродулы, часть которых становилась одержимой и приносилась в жертву. Одни иеродулы превращались в прорицателей и вещали подобно оракулам античной Малой Азии. В исторической литературе неоднократно затрагивался вопрос о социальной принадлежности иеродулов. Многие видели в них зависимых сервов, рабов или членов общины, хотя иеродулы явно не являлись однообразной массой, а состояли из отдельных групп, отличавшихся друг от друга. К ним относятся иеродулы-оракулы, с одной стороны, и иеродулы, обреченные на жертву — с другой, не говоря уже о тех иеродулах, которые занимали промежуточное положение между первыми и вторыми. Албанские иеродулы не представляли собой единую массу и поэтому не могли иметь существенного влияния на производительные силы албанского общества. И в этом плане представляют интерес данные археологии. Как правило, в каждой могиле имеется один костяк, но иногда — в одной два костяка и случай, когда в могиле — три костяка. Зафиксировано немало кувшинных погребений с двумя костяками. Главным образом, это одновременное погребение мужчины и женщины. Тут при похоронах явно умерщвлялся человек: жена или рабыня. Имеются и другие данные. Так, в одном из погребений обнаружен второй скелет, лежавший под кувшином лицом вниз. Можно согласиться с археологами, возводившими эти погребения к лицам, смерть которых сопровождалась умерщвлением зависимых от них людей или рабов. В этом плане представляют интерес и сырцовые погребения: встречаются парные гробницы в одной могильной яме, а также гробницы с парными захоронениями. В одной из гробниц обнаружен скорченный скелет у ног основного костяка, в другой — второй костяк у ног погребенного. Не являются ли собой эти неосновные костяки картину зависимости, нашедшей отражение у Страбона? Если вспомнить об умерщвлении иеродулов на иера хора, то, кажется, все встает на свое место: при погребении представителя более или менее обеспеченного сословия нередко приносился в жертву человек — раб или рабыня.

В определении социального строя невозможно обойти молчанием вопрос о населении, вторгавшемся в Албанию. Интересны употребляемые в античное время термины для обозначения воз-

дей северных кочевых групп, проникавших в Закавказье. Я уже писал, что Тацит называет их дуксами и скептухами. Основное значение термина дукс — это военачальник, предводитель, атаман, а скептухи от древнегреческого — держащий скипетр, властвующий базилевс, а на Востоке — скипетродержец или высший царедворец. Мы имеем явное деление: дуксы или скептухи, с одной стороны, и масса так называемых номадов — с другой. В связи с взаимовлиянием местного и пришлого населения интересно сообщение Страбона о том, что вместе с этим номады ведут войну против иноземцев. Номады помогают как албанам, так и иберам по той же причине. Кроме того, номады часто накладывают руку на рабов, не дают заниматься земледелием. Проливают свет на социальный строй номадов и археологические раскопки. В связи с катакомбами обращают на себя внимание погребения в деревянных срубах, где погребенного сопровождают костяки, расположенные вне сруба в сидячем положении. И здесь при погребении усопшего, надо полагать, убивали людей, расставленных вокруг сруба-гробницы. Таких примеров можно привести немало. Скотоводческое население, проникавшее на изучаемую территорию под предводительством дуксов или скептухов, напоминает ранних или поздних кочевников в отношении семейной собственности на скот и общего землепользования. Яйлажное животноводство предполагает прочную оседлость. Это относится как к сакасам и массагетам, так и к безымянным номадам, обитавшим у Аракса. В социальной структуре полукочевого населения, уже проживавшего в древней Кавказской Албании или еще проникавшего сюда, явно прослеживаются две основные группы: вожди (предводители, атаманы) и рядовое население; промежуточное положение, по-видимому, занимала более обеспеченная прослойка и рабы, не игравшие какой-либо значительной роли и, может быть, используемые для подсобных работ в скотоводческом хозяйстве.

О людях, занятых в ремесленном производстве, позволяет судить археологический материал. Конечно, один и тот же человек не в силах справиться с большим количеством операций: от заготовки глины и дальнейшей ее обработки вплоть до сооружения обжигательных печей. Особо стоит вопрос о художниках-керамистах, наносивших на посуду рисунки. Речь идет об опытных гончарах, мастерах своего дела. Большое количество предметов из бронзы, серебра и золота свидетельствует об албанских ювелирах. Труд кузнецов главным образом связан с производством сельскохозяйственных орудий и оружия. Фрагменты тканей и пряслица, найденные при раскопках, свидетельствуют о ткачестве, следовательно, и о ткачах, пользовавшихся, по-видимому, несколькими

видами ткацких станков. Отсюда вытекает, что главным образом керамисты, кузнецы, ювелиры и ткачи представляли ремесленное производство древней Албании и, по-видимому, играли важную роль в производстве материальных благ, тем самым являясь одной из основных производительных сил древнеалбанского общества.

Следовательно, структура албанского общества сводилась к отношениям, при которых на одном полюсе находились басилевс, гегемоны или префекты и иеревсы, причем басилевс владел властью в стране, а гегемоны и префекты, представлявшие военную и земледельческую знать, и иеревсы, стоявшие во главе иеронов и иера хора, в той или иной степени подчинялись басилевсу. На другом полюсе находились крестьяне-общинники и масса скотоводческого населения. К этой категории общества относились и ремесленники: керамисты, кузнецы, ювелиры и ткачи. К трудовому населению примыкали и иеродулы, в основном служители иеронов, а также иеродулы, связанные с храмовым хозяйством и, наконец, рабы. Крестьяне-общинники, рядовое скотоводческое население и ремесленники составляли ядро производительных сил древнеалбанского общества.

Если власть находилась в руках басилевса, гегемонов или префектов и теократического аппарата, с одной стороны, а производительные силы албанского общества главным образом состояли из более или менее богатых или бедных крестьян-общинников, относительно зажиточных или бедных скотоводов и, наконец, отдельно из керамистов, кузнецов, ювелиров и ткачей при определенно второстепенном положении рабского труда, не игравшего доминирующей роли (малый удельный вес погребений со следами рабовладельческих отношений) и не определявшего лицо древнеалбанских производственных отношений, то общественно-экономический строй древней Кавказской Албании явно носил черты сложившегося классового общества, но определенно свидетельствует о производственных отношениях, далеких и от первобытных и от рабовладельческих. Политическая история, торговые связи и особенности культуры древней Кавказской Албании и соседних стран переплетаются и поэтому общественная структура древних албанов не может не напоминать особенности социально-экономического строя древних ближневосточных обществ, существенно отличавшихся от античных.

Из отмеченных в письменных источниках святилищ на западе древней Кавказской Албании известны два храма: святилище Селены недалеко от Иберии и святилище Анаит на берегу Куры; в восточной части страны известно святилище более примитивного характера на каспийской Тальге. Албанский пантеон представлял божества Гелиос, Зевс и Селена. Из всех этих божеств албаны

отдавали предпочтение богине Селене. Сохранился уникальный рассказ Страбона о готовящемся более года, по-видимому, священном представлении, где главную роль исполнял приносимый в жертву иеродул — божий раб. Аксессуарами культа являлись священные цепь-алюсис и копьё-лонхе. По падению раненого иеродула совершались гадания, о результатах объявлялось всем присутствующим, которые перепрыгивали через труп иеродула, чтобы освободиться от недугований и болезней. Известие об албанском пантеоне и священнодействиях на иера хора, по-видимому, восходит к Феофану — одному из сподвижников Помпея.

В связи с религией представляют интерес каменные идолы. Наиболее характерные из них обнаружены в Хыныслы, Дагколаны и Чирахлы. Идолы высечены из местного пористого камня. У них часто отсутствует голова или конечности. Значительная часть этих скульптур достигает роста человека. Хронологически они относятся к последним векам до н.э. — первым векам н.э. Все они по технике исполнения стоят на сравнительно низком уровне и не идут в сравнение с произведениями древнегреческих и римских ваятелей. Интересно, что часть керамических изделий и других предметов, сопровождавших покойника, покрыта орнаментом, изображавшим луну в виде полумесяца. Символы луны этим не ограничиваются. Почитание богини связано со священным деревом, часто изображавшимся на произведениях материальной культуры. Следы поклонения священным деревьям (деревья дагдаган, саккызагач, чинара, карагач и др.) сохранились и в наши дни. К одному из символов луны на изучаемой территории, по-видимому, относится изображение змеи. Во многих погребениях обнаружены браслеты, часть которых имеет концы, изображавшие голову змеи. Змеи изображены и на некоторых сосудах, обнаруженных в погребениях. С жизнедарующей силой луны, по всей вероятности, связаны и разноцветные камни, вделывавшиеся в серьги, кольца и другие предметы украшений. Большое количество керамических изделий с особым орнаментом, часто выражающим количественное соотношение “три”, “семь”, “одиннадцать”, позволяет предполагать, что население Албании было под сильным влиянием лунного календаря. Число “три”, вероятно, было связано с первыми тремя днями новолуния, носящими у греков название Селены. Это число символизирует собой фазы изменений луны и зависящие от них силы. Если луна играла чрезвычайно важную роль в религиозных представлениях албанов и находила отражение в своих символах, то состояние экзальтации или одержимости у храмовых иеродулов также считалось от божества, т.е. было связано с почитанием богини Селены. Различные формы культа Селены продолжали существовать и в последующее время.

В этой связи представляют интерес терракотовые статуэтки, найденные в Моллаисаклы, Мингечауре, Хыныслы. Фигурки небольшие (до 20 см), на некоторых из них прослеживаются рельефные изображения ожерелий и браслетов, а также схематические контуры одежды, часто голова и конечности отбиты. Это, может быть, связано с погребальным обрядом. Терракотовые статуэтки датируются последними веками до н.э. — первыми веками н.э. У Иосифа Флавия сохранился рассказ о том, что после смерти мужа женщина-парфянка была насильно уведена в дом иудея Анилея, но туда она перенесла и “изображения богов... У жителей тех мест в обычае держать в домах божков и брать их во время путешествий”. По-видимому, в отрывке как раз речь идет о тех терракотовых статуэтках, которые аналогичны фигуркам, обнаруживаемым в Азербайджане.

Божества Гелиос, Зевс и Селена упоминаются у других народов. Относительно парфянского времени сообщается, что персы чтут Митру, Селену и Афродиту, а также огонь, ветры и воду. Албанские божества, названные Страбоном по-гречески, соответствуют иранским, где Гелиос — это бог Солнца Митра, Зевс — это Ахурамазда, божество добра в противоположность Ариману, представлявшемуся духом зла, Селена же — это богиня Анахита или Анаит. Отдельные параллели в храмовой архитектуре Парфии, Армении, Иберии и Албании также говорят о большом парфянском влиянии. Если тождества и аналогии между пантеонами древней Кавказской Албании и персами парфянского времени соответствуют действительности, то, по-видимому, албаны почитали часть прочих святых, отмеченных античным географом. Особо нужно отметить культ огня, занимавший главное место в поклонении божествам и являющийся, по-видимому, символом, олицетворением Гелиоса, Зевса и Селены. Предполагаю, как в Иране, так и на территории древней Албании в помещении храма присутствовал только символ божеств в виде вечного огня. По-видимому, с божеством Гелиоса связаны браки, совершающиеся в начале весеннего равноденствия.

Археологические раскопки выявили большое количество отвращающих от детей и взрослых болезни и бедствия и защищающих от враждебных чар амулетов: раковин каури, разнообразных бусин с изображением кружочков, схематических изображений человеческого глаза, ножниц и других предметов. Обращают внимание керамические изделия на трех ножках, по-видимому, связанных с культом. Согласно представлениям человек продолжал жизнь на том свете, жизнь, напоминающую земное существование, поэтому жители древней Албании хоронили покойников в одежде, с украшениями; рядом клали орудия труда или оружие,

глиняные сосуды с мясом животных или птицы, плодами и молоком, чтобы расположить дух покойника в пользу сородичей в борьбе с неугодными явлениями реальной действительности. Археологические раскопки также показывают, что выделяются два этапа в развитии обряда погребений: грунтовые погребения типа Ялойлутепе и погребения в больших лежачих кувшинах. Грунтовые погребения содержат одиночные захоронения. В ориентации нет единой системы, но лица погребенных обращены главным образом в сторону наибольшего освещения солнца. В погребениях обнаруживаются остатки огня. Все это, по-видимому, свидетельствует в пользу того, что носители грунтовых погребений не приносили человеческих жертв, поклонялись солнцу и почитали огонь. Что касается кувшинных погребений, то большая часть ориентирована неодинаково. Мингечаурские погребения ориентированы горловинами на северо-запад, а Торпаккалы — на юго-восток. В погребальном обряде носителей культуры кувшинных погребений огонь занимал более значительное место. Нужно особо отметить, что распространение носителей этой культуры совпадает по времени с упоминанием в античной литературе божеств пантеона албанов. Покойников хоронили в скорченном положении на правом или левом боку, хотя встречаются и вытянутые костяки. Нередко вместе с погребенным в кувшине оставляли еще одного, видимо, умерщвленного человека. Ориентиры разные, хотя, по-видимому, между Мингечауром и Торпаккалой находился один из центров культа.

Пока представляется возможным выделить типы орнамента наиболее крупных археологических культур древней Кавказской Албании. Для изделий из грунтовых погребений типа Ялойлутепе характерна керамика с врезанным и отчасти выпуклым орнаментом, состоящим из врезанных параллельных горизонтальных или вертикальных линий с насечками, выпуклыми пуговками или лунообразными изображениями. Количество линий или насечек нередко повторяется от трех до одиннадцати. Этой культуре присущи орнаментальные мотивы, распространенные в основном к северу от Куры до проникновения сюда культуры кувшинных погребений, т.е. новых культов, связанных уже с более южными районами региона. Более сложным представляется орнамент культуры кувшинных погребений. Врезанные и рельефные рисунки керамики из Мингечаура имеют свои особенности, нередко аналогичные орнаменту на глиняных сосудах из грунтовых могил типа Ялойлутепе. Образцом мингечаурского орнамента наряду с другими является рисунок на ритоне с оленем. На ритоне вертикально врезанные линии чередуются с зигзагообразными сверху вниз. Характерен для Мингечаура врезанный рельефный орна-

мент на больших выючных и малых портативных флягах. Значительная часть рисунков или отражает идеологию или является плодом фантазии художника-керамиста. В орнаменте на флягах и сосудах с одной ручкой числовая семантика играла значительную роль. Для Мингечаура характерна и богатая крашеная керамика. Краска того же качества, что на изделиях из Миля, только несколько светлее. Орнамент на кувшинах представлен фауной и флорой: изображением птиц, обращенных к дереву-кипарису, лучистыми светилами, закрашенными треугольниками, изображениями оленя с пышными рогами.

На сосудах из Мильской степи рисунки красной или коричневой краской распространены на отдельные элементы из нескольких параллельных линий, закрашенных и незакрашенных треугольников и зигзагообразных волнистых линий. Этому типу орнамента характерны изображения птиц, обращенных клювами к ветвистому дереву, лучистых звезд, веток, колонн, арок, меандра, цепочек из крестиков. На сосудах из кувшинных погребений повторяется числовая символика.

Согласно источникам персы, мидийцы и прочие народы тела покойников предавали земле, предварительно обмазав воском; с телами же магов этого не делали, т.е. им не воздавали погребальных почестей, выставляя их трупы на съедение хищным птицам и животным.

Аналогии между религиозными особенностями Ирана парфянского времени и древней Кавказской Албании приводят к заключению, что и тут и там существовал культ Зевса, олицетворявшего собой небо, солнечного божества Гелиоса, носившего в Иране имя Митры, и Селены, отождествляемой с богиней плодородия, связанной с водой и другими явлениями природы. Видимо, одни и те же божества, названные Страбоном главным образом греческими именами, свидетельствуют, что персы, мидийцы и албаны имели одинаковый пантеон, хотя в каждом отдельном случае предпочтение отдавалось какому-нибудь одному божеству: или Зевсу-Ахурамазде или Гелиосу-Митре или, наконец, Селене-Анахите, как это было в античной Албании.

В трудах древних авторов внимание уделялось и албанскому войску. Изучены сообщения о легковооруженных воинах-псилетах и покрытых броней катафрактах, отмечаются аконтисты-копьemetатели и токсоты-лучники. Наличие легких и тяжелых по весу наконечников стрел дает возможность выделить два типа луков на изучаемой территории: легкий скифский и сложный гуньский. К наступательному и оборонительному оружию, не отмеченному античными писателями, относятся узколезвийные и длинные железные мечи, а также кинжалы, ножи и боевые вилы.

Древние авторы отмечали у албанов два вида защитного оружия: большой щит, напоминающий римский skutum, и маленький, сходный с пельтой.

Я попытался ответить на вопросы исторической географии, хозяйства и торговли, общественного устройства, культуры и военного искусства античной Кавказской Албании, стараясь быть ближе к источникам. Насколько это удалось — покажет будущее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ РАБОТ

Арриан. Поход Александра/ Перевод с древнегреческого М.Е.Сергеенко. М.: Л.: Изд-во АН СССР. Ленинградское отделение, 1962. 384 с.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 333 с.

Ган К.Ф. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. СМОМПК, 1884, 4. С.1-248.

Иосиф Флавий. О древности иудейского народа/ Перевод с греческого Я.И.Израильсона и Г.Г.Генкеля. СПб., 1898. 134 с.

Иосиф Флавий. Иудейские древности/ Перевод с греческого Г.Г.Генкеля. В двух томах. Т.1-2. СПб., 1900. 716 с., 420 с.

История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. СПб., 1961, 376 с.

Латышев В.В. Известия древних писателей (греческих и латинских) о Скифии и Кавказе. Т.1-2. СПб., 1893-1906.

Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, 1-4; 1948, 1-4; 1949, 1-4.

Плутарх. Жизнь и дела знаменитых людей древности. Т.1-2. М., 1889.

Плутарх. Избранные биографии/ Перевод с греческого под ред. и с предисловием проф. С.Я.Лурье. М.; Л.: Ленинградский государственный университет, исторический факультет, 1941. 490 с.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т.1-3. М.: Изд-во АН СССР, 1961-1964. 503 с., 548 с.

Квинт Курций Руф. История Александра Македонского (сохранившиеся книги). М.: Изд-во Московского университета, 1963. 447 с.

Страбон. География в 17 книгах/ Перевод с греческого с предисловием и указателем Ф.Г.Мищенко. М., 1879.

Страбон. География в 17 книгах/ Перевод, статья и комментарий Г.А.Стратановского. М.: Наука, 1964. 941 с.